

ՀՀ ՈՍՏԻԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԿՐԹԱՀԱՄԱԼԻՐ

ՕՐԵՆՔԻ ՊԱՏՎԱՐ

ԳԻՏԱՄԵԹՈԴԱԿԱՆ
ԱՄՍԱԳԻՐ

ԼՈՒՅՍ Է ՏԵՍՆՈՒՄ
2016 ԹՎԱԿԱՆԻՑ
ISSN 1829-4847

№ 01
ՀՈՒՆԻՍ 2016

ՀԻՄՆԱԴԻՐ ԵՎ ՀՐԱՏԱՐԱՎԻՉ՝
«ՀՀ ՈՍՏԻԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԿՐԹԱՀԱՄԱԼԻՐ» ՊՈԱԿ

«ՕՐԵՆԹԻ ՊՍՏՎԱՐ» գիտամեթոդական ամսագիր
«ЗАЩИТНИК ЗАКОНА» научно-методический журнал
"BULWARK OF LAW" scientific-methodical journal

Հրատարակվում է ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի գիտական խորհրդի երաշխավորությամբ
Լրատվական գործունեություն իրականացնող՝ ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիր ՊՈԱԿ, գրանցման վկայական
03Ա085891՝ տրված 15.09.2009թ.

ԽՄԲԱԳՐԱԿԱՆ ԽՈՐՀՈՒՐ՝

Գլխավոր խմբագիր - ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի պետի առաջին տեղակալ, ոստիկանության գնդապետ, ի.գ.թ. **Տիգրան Եսայան,**

Գլխավոր խմբագրի տեղակալ - ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի գիտական աշխատանքների բաժնի պետ, ոստիկանության կապիտան, ի.գ.թ. **Արտակ Մնացականյան,**

Պատասխանատու քարտուղար - ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի գիտական աշխատանքների բաժնի պետի տեղակալ, ոստիկանության փոխգնդապետ **Սիրանուշ Պողոսյան:**

ԽՄԲԱԳՐԱԿԱՆ ԽՈՐՀՐԴԻ ԱՆԴԱՄՆԵՐ՝

ՀՀ ոստիկանության պետի գլխավոր խորհրդական, ոստիկանության գնդապետ, ի.գ.դ. **Գրիգոր Բաղիրյան,**

ՀՀ քննչական կոմիտեի նախագահի տեղակալ, արդարադատության գնդապետ, ի.գ.դ., դոցենտ **Արթուր Ղամբարյան,**

ԵՊՀ իրավագիտության ֆակուլտետի քրեական դատավարության և կրիմինալիստիկայի ամբիոնի վարիչ, ի.գ.դ., պրոֆեսոր **Մանվել Դիլբանյան,**

ԵՊՀ իրավագիտության ֆակուլտետի քրեական իրավունքի ամբիոնի վարիչ, ի.գ.դ., պրոֆեսոր **Արա Գաբուզյան,**

ՀՀ ոստիկանության իրավաբանական վարչության պետ, ոստիկանության գնդապետ, ի.գ.թ. **Հովհաննես Քոչարյան,**

ՀՀ ոստիկանության ՀԿԼՎ պետ, ոստիկանության գնդապետ **Աշոտ Ահարոնյան,**

ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի ակադեմիայի պետի տեղակալ, ոստիկանության գնդապետ, ի.գ.թ., դոցենտ **Գագիկ Գրիգորյան,**

ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի ակադեմիայի իրավագիտության ֆակուլտետի պետ, ոստիկանության փոխգնդապետ, ի.գ.թ., դոցենտ **Մանուկ Մուրադյան,**

ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի քոլեջի ոստիկանական միջին մասնագիտական կրթության ֆակուլտետի պետ, ոստիկանության փոխգնդապետ, ի.գ.թ., դոցենտ **Գևորգ Բարսեղյան,**

ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի ակադեմիայի իրավագիտության ֆակուլտետի քրեական իրավունքի և քրեաբանության ամբիոնի պետ, ոստիկանության մայոր, ի.գ.թ., դոցենտ **Միսակ Մարկոսյան,**

ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի ակադեմիայի իրավագիտության ֆակուլտետի քրեական դատավարության ամբիոնի պետ, ոստիկանության փոխգնդապետ, ի.գ.թ. **Արտակ Հովհաննիսյան:**

Հասցե՝ Երևան 0004, Ծովակալ Իսակովի պողոտա 29

Էլեկտրոնային կայք՝ www.edupolice.am

Էլեկտրոնային փոստ՝ orenqipatvarjournal@mail.ru

Հեռ. 091-45-03-17

Համարի թողարկման պատասխանատու՝

գլխավոր խմբագրի տեղակալ Ա. Մնացականյան

Խմբագրությունը կարող է հրապարակել նյութեր՝ համամիտ չլինելով հեղինակների տեսակետներին:

"ЗАЩИТНИК ЗАКОНА" научно-методический журнал
ОСНОВАТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ "ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС
ПОЛИЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ"

Издается по рекомендации Научного совета Образовательного комплекса полиции Республики Армения

Лицо, осуществляющее информационную деятельность: Государственная некоммерческая организация
"Образовательный комплекс полиции Республики Армения"
Сертификат регистрации- 03U085891,
выдан: 15.09.2009 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор - первый заместитель начальника Образовательного комплекса полиции Республики Армения, полковник полиции, кандидат юридических наук **Тигран Есян**

Заместитель главного редактора - начальник отдела научных работ Образовательного комплекса полиции Республики Армения, капитан полиции, кандидат юридических наук **Артак Мнацаканян**

Ответственный секретарь - заместитель начальника отдела научных работ Образовательного комплекса полиции Республики Армения, подполковник полиции **Сирапуш Погосян**

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Главный советник начальника Полиции Республики Армения, полковник полиции, доктор юридических наук **Григор Бадирян**

Заместитель председателя Следственного комитета, полковник юстиции, доктор юридических наук, доцент **Артур Гамбарян**

Начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Ереванского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **Самвел Дилбандян**

Начальник кафедры уголовного права юридического факультета Ереванского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **Ара Габузян**

Начальник юридического управления Полиции Республики Армения, полковник полиции, кандидат юридических наук **Оганнес Кочарян**

Начальник Управления по связям с общественностью и информации Полиции Республики Армения, полковник полиции **Ашот Агаронян**

Заместитель начальника академии Образовательного комплекса полиции Республики Армения, полковник полиции, кандидат юридических наук, доцент **Гагик Григорян**

Начальник юридического факультета академии Образовательного комплекса полиции Республики Армения, подполковник полиции, кандидат юридических наук, доцент **Манук Мурадян**

Начальник факультета средне-специального образования колледжа Образовательного комплекса полиции Республики Армения, подполковник полиции, кандидат юридических наук, доцент **Геворг Израелян**

Начальник кафедры уголовного права и криминологии академии юридического факультета Образовательного комплекса полиции Республики Армения, майор полиции, кандидат юридических наук, доцент **Мисак Маркосян**

Начальник кафедры уголовного процесса юридического факультета академии Образовательного комплекса полиции Республики Армения, подполковник полиции, кандидат юридических наук **Артак Оганесян**

Адрес: Ереван 0004, проспект Адмирала Исакова 29

Официальный сайт: www.edupolice.am

Электронная почта: orenqipatvarjournal@mail.ru

Тел: 091-45-03-17

Ответственный по выпуску номера: Заместитель главного редактора Артак Мнацаканян

Редакция может опубликовать материалы, не соглашаясь с мнениями авторов.

ՀՀ ռստիկանության պետ.
գեներալ-լեյտենանտ

ՎԼԱԴԻՍԻԲ ԳԱՍՊԱՐՅԱՆ

ՀՀ ռստիկանության կրթահամալիրի «Օրենքի պատվար» գիտամեթոդական ամսագրի հիմնադրումը կարևոր քայլ է գիտության զարգացման բնագավառում և մեծ հնարավորություններ է բացում ինչպես երիտասարդ գիտնականների կայացման, այնպես էլ գիտական և կրթական հաստատությունների հետ համագործակցության հեռանկարով:

Հայ ռստիկանության՝ օրենքին ու ժողովրդին ծառայելու փորձը գիտատեսական հիմնավորումներով ու ընդհանրացումներով կբյուրեղանա՝ իրավապահ գործունեության իսկական հանրագիտարան դառնալով գործող ռստիկանների և մեր երիտասարդ հերթափոխի համար:

Համոզված եմ, որ փորձն ու տեսությունը միավորելու այս շնորհակալ ճանապարհին ամսագրի իրավասուներն անտես չեն առնի նաև օրինապահության պատմության դասերն ու արդի համաշխարհային գործընթացները:

Միայն հիմնարար գիտելիքներ ունեցող ու ժամանակակից մտածողությամբ օժտված ռստիկանն է կարող լիարժեք ծառայել օրենքին ու ժողովրդին, լինել քաղաքացու իրավունքների և ազատությունների պաշտպանն ու հանրային անվտանգության երաշխավորը:

Ուստի, մեր առաջին գիտամեթոդական ամսագրի ծնունդը ոչ միայն մեծ ձեռքբերում է Կրթահամալիրի ու ողջ Ոստիկանության համար, այլև Առաքելություն:

Շնորհավորում եմ «Օրենքի պատվար» ամսագրի ծննդյան առթիվ ու մաղթում արդյունավոր աշխատանք:

Աստված ձեզ պահպան:

ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի պետ,
Ոստիկանության գեներալ-լեյտենանտ
ՀՈՎՀԱՆՆԵՍ ՎԱՐՅԱՆ

ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրում գիտական գործունեությունը մշտապես զտնվում է ուշադրության կենտրոնում, դրա վառ ապացույցն է «Օրենքի պատվար» գիտամեթոդական ամսագրի հիմնադրումը: Կրթահամալիրը մշտապես համագործակցել է Հայաստանի Հանրապետության և արտասահմանյան երկրների բարձրագույն ուսումնական հաստատությունների հետ, դրա մասին է վկայում նաև ամսագրի առաջին համարում ընդգրկված տարբեր երկրների 5 ուսումնական հաստատությունների ներկայացուցիչների կողմից ներկայացված գիտական հոդվածները:

ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի «Օրենքի պատվար» գիտամեթոդական ամսագրի գործունեությունը ավելի կամրապնդի նշված ուսումնական հաստատությունների հետ գիտության բնագավառում համագործակցությունը և կխթանի ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրում գիտական գործունեության զարգացմանը:

Շնորհավորում եմ ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի անձնակազմին առաջին գիտամեթոդական ամսագրի ստեղծման կապակցությամբ:

ԵՐԿՈՒ ԽՈՍՔ

ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի «Օրենքի պատվար» գիտամեթոդական ամսագրի հիմնադրման անհրաժեշտությունը պայմանավորված է ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի պրոֆեսորադասախոսական անձնակազմի և գիտությամբ զբաղվող ուսանողների կողմից գիտական ակտիվ գործունեությամբ. վերջիններիս կողմից պարբերաբար տարբեր գիտամեթոդական ամսագրերում հրատարակվում են բազմաթիվ գիտական հոդվածներ, հետևաբար մեր ուսումնական հաստատությունում սեփական գիտամեթոդական ամսագրի ստեղծումը կենսական նշանակություն է ունեցել:

Հայաստանի Հանրապետության կառավարության 2006 թվականի նոյեմբերի 9-ի «Հայաստանի Հանրապետության ոստիկանության ակադեմիա» պետական հիմնարկը վերակազմակերպելու և «Հայաստանի Հանրապետության ոստիկանության կրթահամալիր» պետական ոչ առևտրային կազմակերպության կանոնադրությունը հաստատելու մասին» թիվ 1791-Ն որոշմամբ ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրին հնարավորություն է տրվել իրականացնել նաև հետբուհական մասնագիտական կրթություն, իսկ մեր ասպիրանտների համար գիտամեթոդական ամսագիրը գիտական գործունեությամբ զբաղվելու լայն հարթակ կհանդիսանա:

ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրը գիտական գործունեության բնագավառում համագործակցում է ինչպես հայրենական, այնպես էլ արտասահմանյան երկրների առաջադեմ և հեղինակավոր քաղաքացիական, ոստիկանական բարձրագույն ուսումնական հաստատությունների հետ: Այս առումով շատ ենք կարևորում հենց նորաստեղծ գիտամեթոդական ամսագրի դերը համագործակցության շրջանակներում, քանի որ համագործակցության հիմնական ուղղություններից մեկն էլ հենց տվյալ ուսումնական հաստատությունների ներկայացուցիչների գիտական հոդվածների հրատարակումն է:

Ամսագրի հիմնադրման նպատակներից է նաև ոստիկանության ծառայողների գիտական գործունեության համար գիտական հարթակ ստեղծելը, ոստիկանությունում և այլ գերատեսչություններում առաջացած գործնական խնդիրներին գիտական լուծումներ տալը:

ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրն ունի գիտամեթոդական ամսագրի հիմնադրման և համապատասխան հրատարակչությունն իրականացնելու գիտական և նյութական բազա, ինչը կնպաստի արդիական և պահանջարկ ունեցող գիտամեթոդական ամսագրի կայացմանը:

*«Օրենքի պատվար» գիտամեթոդական
ամսագրի գլխավոր խմբագիր*

Տիգրան Եսայան

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

ՔՐԵԱԿԱՆ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔ

Եսայան Տիգրան

ՀԵՏԱՔՆՆՈՒԹՅԱՆ ՄԱՐՄԻՆՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԱՌԱՋԻՆ
ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ (1918-1920թթ.)..... 8

Нечаев А.А.

К ВОПРОСУ О СРОКАХ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С НЕУСТАНОВЛЕНИЕМ ЛИЦА, ПОДЛЕЖАЩЕГО
ПРИВЛЕЧЕНИЮ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО ПО УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ 19

Янин С.А., Шувалов Д.Н.

К ВОПРОСУ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ НЕУСТАНОВЛЕННЫХ ЛИЦ ПРИ
ОТСУТСТВИИ СВЕДЕНИЙ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕЗАКОННОГО СБЫТА
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ 27

ՔՐԵԱԿԱՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔ

Գրիգորյան Լալա

ՀԱՆՅԱԳՈՐԾՈՒԹՅԱՆ ՄԻՋՆՈՐԴԱՎՈՐՎԱԾ ԿԱՏԱՐՄԱՆ ԻՐԱՎԱԿԱՆ
ԿԱՐԳԱՎՈՐՈՒՄՆ ԱՐՏԱՍԱՀՄԱՆՅԱՆ ԵՐԿՐՆԵՐԻ ՔՐԵԱԿԱՆ
ՕՐԵՆՄԴՐՈՒԹՅԱՄԲ 35

Մնացականյան Արտակ

«ԶԻՆՎՈՐԱԿԱՆ ԾԱՌԱՅՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ ՄԱՀՄԱՆԱՓԱԿՈՒՄԸ» ՊԱՏԺԱՏԵՍԱԿԻ
ՔՐԵԱԻՐԱՎԱԿԱՆ և ԿՐԻՄԻՆԱԼՈԳԻԱԿԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ 46

Намнясева В.В.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ НОРМ,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ОХРАНУ
ИНТЕРЕСОВ ПРАВОСУДИЯ 57

Смольянинов Е.С

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК НАПРАВЛЕНИЕ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ
ПОЛИТИКИ РОССИИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ 64

ՎՐԻՄԻՆՈԼՈԳԻԱ

Бурый В.Е.

К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИЧНОСТИ
ОСУЖДЕННОГО НАСИЛЬСТВЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ71

Виноградов А.В.

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ ПРАВОНАРУШИТЕЛЬ В УГОЛОВНОМ
ПРАВЕ РОССИИ 80

Труханова А.Г.

ОПЫТ США В ОБЛАСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА С УЧАСТИЕМ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ПОЛИЦИЕЙ 86

Шкаплеров Ю.П., Пановицын А.М.

О ВОЗМОЖНОМ ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ..... 95

ՎԱՐՉԱԿԱՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔ

Абрамов О.А., Мелихов А.И.

ОБРАЗ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ
АРХЕТИПАХ ГОСУДАРСТВА..... 101

Никифоров М.Ю., Горелов С.А.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕДУРЫ
ДОСМОТРА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КРУПНОМАСШТАБНЫХ
МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ..... 109

ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔ

Тагиров З.И.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА
(НА ЕВРОПЕЙСКОМ ОПЫТЕ) 115

ԼԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

Հայրապետյան Անի

ԳԵՐՄԱՆԱԿԱՆ ԼԵԶՈՒՆԵՐԻ ԵՎ ՂԱՐԱԲԱՂԻ ԲԱՐՔԱՈՒ ՀՆԴԵՎՐՈՊԱԿԱՆ
ԸՆԴՀԱՆՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ 122

ՀԵՏԱՔՆՆՈՒԹՅԱՆ ՄԱՐՄԻՆՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԱՌԱՋԻՆ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ (1918-1920թթ.)

Եսայան Տիգրան

*ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի պետի առաջին տեղակալ,
ոստիկանության գնդապետ, ի.գ.թ.*

Քրեական դատավարության օրենսդրությունը, որպես արդարադատության իրականացման գործող կանոն, ունի պատմական, քաղաքական և բարոյական նշանակություն: Պատմական նշանակությունն արտահայտվում է զարգացման այն հնարավոր ճանապարհների և աստիճանի մեջ, որով անցել է տվյալ քրեական դատավարության օրենսդրությունը. քաղաքական նշանակությունն արտահայտվում է անձնական իրավունքների և ազատությունների ապահովման և արդարադատության մարմինների ինքնիշխանության կամ կամայականությունների սահմանափակման մեջ, բարոյական նշանակությունն արտահայտվում է ժողովրդի իրավագիտությունը զարգացնելու և դատավարական արարողակարգում բարոյականության հիմքերի ներթափանցման մեջ¹:

Հետաքննության ինստիտուտի պատմական զարգացման ուսումնասիրումը հնարավորություն է տալիս վերլուծության ենթարկել միլիցիայի (ոստիկանության) աշխատանքը, ինչպես նաև հետաքննության մարմինների կողմից քրեական գործերով քննության իրականացման ձևերի կատարելագործման նպատակով կատարել մի շարք առաջարկություններ:

Որևէ պետական մարմնի ձևավորման պատմությունը հնարավորություն է տալիս ճիշտ հասկանալ՝

ա) այդ մարմնի ստեղծման պատմական անհրաժեշտությունը, նրա տեղը այլ պետական մարմինների համակարգում,

բ) այդ մարմնի վրա դրված ֆունկցիաների իրականացման պատմական անհրաժեշտությունը,

¹Տե՛ս Ա. Փ. Кони, История развития уголовно процессуального законодательства в России. Сбор. сочин. т. 4. М., 1967, էջ 317:

գ) ուսումնասիրելով այս կամ այն պետական մարմնի պատմությունը՝ մենք կարող ենք ժամանակակից պայմաններում ընդունել օրենսդրական և կազմակերպական բնույթի միջոցառումներ՝ ուղղված այդ մարմինների գործունեության արդյունավետության զարգացմանը²:

Հայաստանի առաջին Հանրապետության հռչակումից հետո ստեղծվեցին իրատեսական երաշխիքներ պետականության և իրավունքի զարգացման համար: Հանցագործությունների քննության ոստիկանական համակարգի գործունեության համար ստեղծվում էր օրենսդրական բազա: Այդպիսի կարևոր օրենսդրական ակտ հանդիսացավ «Միլիցիայի մասին ժամանակավոր օրենքը»³: Նշված օրենքը հիմնականում կարգավորում էր միլիցիայի կազմակերպմանը վերաբերող հարցեր: Հայաստանի առաջին Հանրապետության տարիներին չընդունվեցին նոր իրավական ակտեր, որոնք պետք է կարգավորեին հետաքննության և նախաքննության մարմինների դատավարական գործունեությունը՝ կապված քրեական գործերի քննության հետ: Նշված մարմինները դատավարական գործունեություն իրականացնելիս հիմնականում ղեկավարվում էին ցարական Ռուսաստանի քրեական դատավարության օրենսդրությամբ⁴: Այս օրենսդրական ակտը կարգավորում էր ոչ միայն նախաքննության իրականացման հետ կապված հարցերը, այլև հետաքննության իրականացման կարգը և հետախուզությունը:

Հանցագործությունների վերաբերյալ քրեական գործերի քննությունն իրականացնում էին հետաքննության և նախաքննության մարմինները: Հետաքննությունն ու նախաքննությունը ձեռք էին բերել նոր որակ:

Հետաքննության իրականացումը դրված էր միլիցիայի վրա: Որպես հետաքննություն իրականացնող մարմին՝ միլիցիան կոչված էր հավաքելու տեղեկություններ, որոնք անհրաժեշտ էին հաստատելու այն, որ դեպքը տեղի է ունեցել և բովանդակում է հանցագործության հատկանիշներ:

Նախաքննությունն իրականացնում էին դատական քննիչները, որոնք գործում էին դատական մարմիններին զուգահեռ: Նախաքննության տակ հասկանում էին իրավասու անձի կողմից դատավարական գործողությունների կատարման միջոցով դատարանի համար ապացույցների ձեռք բերումը:

²Տե՛ս В.И. Басков, Прокурорный надзор, М., 1996, էջեր 12-13:

³Տե՛ս ՀՀՊԿՊԱ, ֆ. 199, 1, գ. 160թթ., էջեր 180-181:

⁴Տե՛ս Устав уголовного судопроизводства, 1864:

Դատական քննիչները հանդիսանում էին դատական գերատեսչության հատուկ պաշտոնյաներ, որոնք ունեին դատական կոչում և դրա հետ միասին համապատասխան ծառայողական արտոնություններ: Նախաքննություն իրականացնելիս դատական քննիչները գտնվում էին դատախազի հսկողության տակ: Չնայած դատական քննիչները կարող էին օգտվել ոստիկանության օգնությունից, քննչական գործողություններ պետք է կատարեին անձամբ: Դատական քննիչը, ըստ գործողության տեղի, այդպիսի հանձնարարություններ կարող էր տալ մեկ այլ դատական քննիչի, որի համար դրանք ենթակա էին պարտադիր կատարման (ст. 292, Устав Уголовного Судопроизводства):

Դատական քննիչը պարտավոր էր հանցագործության մեջ կասկածվող անձանց՝ որպես մեղադրյալ, ենթարկել պատասխանատվության և լրիվ անաչառությամբ բացահայտել ինչպես մեղադրյալին մերկացնող, այնպես էլ նրան արդարացնող հանգամանքները (ст. 265, Устав Уголовного Судопроизводства): Դատական քննիչն իրավունք ուներ ստուգել, լրացնել և վերացնել ոստիկանության գործողությունները՝ նրա կողմից կատարված սկզբնական գործողություններով:

Մինչհեղափոխական ժամանակաշրջանի ռուս հանրահայտ դատավարագետ Ի.Յ. Ֆոինիցկին, ելնելով նշված մարմինների կողմից իրականացվող տարբեր գործառույթներից, արդարացիորեն ընդգծում է, որ հետաքննության և խուզարկության իրականացման գործում ոստիկանությունն անփոխարինելի է, որը, անմիջականորեն հաղորդակցության մեջ գտնվելով բնակչության հետ, բացահայտում է ինչպես հանցագործությունները և զանցանքները, այնպես էլ նախաքննության մասով, ոչ ոք չի կարող փոխարինել դատական քննիչին, բայց այնուամենայնիվ նրա տեղը կարող է զբաղեցնել ոստիկանական չինովնիկը՝ որպես մեղադրական իշխանության ստորին օղակ⁵:

Միլիցիան նախաքննության իրականացմանը մասնակցում էր հետևյալ ձևերով՝

ա) հետաքննություն,

բ) առանձին քննչական գործողությունների կատարում,

գ) քննիչի առանձին հանձնարարությունների կատարում, այդ թվում

⁵Տե՛ս Фойницкий И.Я. Курс уголовного-судопроизводства. С. Петербург. 1896, էջեր 471-472:

նան խուզարկություն:

Իրավաբանական գրականության մեջ չկային սկզբունքային տարաձայնություններ հետաքննության հասկացության բնորոշման վերաբերյալ, սակայն որոշ տարակարծություններ նկատվում էին տարբեր հեղինակների մոտեցումներում: Այսպես, Վ.Կ. Սլուչևսկին հետաքննությունը հանգեցնում էր միայն հանցավոր բնույթի դեպքերի հայտնամբերմանը՝ գտնելով, որ հանցագործին հետախուզելուն և մերկացնելուն ուղղված գործողությունները պետք է պատկանեն քննիչին⁶: Այլ հեղինակների կարծիքով, հետաքննությունը նպատակաուղղված է հանցագործին հայտնաբերելուն և նրա մեղավորությունը հաստատելու համար գործի հանգամանքների հետազոտմանը⁷: Ա.Ա. Կվաչևսկին հետաքննությունը տարբերակում էր երկու իմաստով՝ նեղ և լայն: Լայն իմաստով հետաքննությունն իր մեջ ներառում էր բոլոր սկզբնական գործողությունները, ներառյալ հետախուզումը: Նեղ իմաստով հետաքննությունը հանգեցվում է մեկ կամ կոնկրետ հանցագործության հատկանիշների հավաքմանը՝ առանց հանցագործի մատնանշման:

Հետաքննության իրականացման ձևերը և մեթոդները նախատեսված էին քրեական դատավարության օրենսդրությամբ: Տվյալ օրենսդրության վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ հետախուզությունը հանդիսանում էր հետաքննության բաղկացուցիչ մասը:

Հաճախ իրավաբանական գրականության մեջ հետաքննությունը նույնացվում էր հետախուզության հետ: Այսպիսի մոտեցումը արժանացել էր մի շարք դատավարագետների արդարացի քննադատությանը, որովհետև հետախուզությունը հանդիսանում է հետաքննության մի մասը: Լայն իմաստով հետախուզությունը հանդես է գալիս որպես հետաքննության իրականացման ձևերից մեկը:

Միլիցիայի՝ որպես հետաքննության մարմնի խնդիրները սահմանված էին «Միլիցիայի մասին ժամանակավոր օրենքով»: Համաձայն այդ օրենքի՝

ա) միլիցիան պահպանում է հանրային ապահովությունն ու կարգը և պաշտպանում ամենքին ու յուրաքանչյուրին ամեն մի բռնությունից, վիրավորանքից ու կամայականությունից,

⁶Տե՛ս Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. М., 1892, էջ 625:

⁷Տե՛ս Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. С. Петербург. 1896, էջ 371:

բ) հանրային կարգն ու ապահովությունը պաշտպանելու խնդիրներից և հասարակական բարեկարգության գործերից միլիցիայի տնօրինությանը ենթակա են.

- կարգի, օրենքների ու պարտադիր որոշումների խախտման դեմ միջոցներ ձեռք առնելը,

- կառավարչական ու հասարակական իշխանությունների կարգադրությունները և նրանցից բխող հայտարարություններն ու տեղեկությունները իր ժամանակին ազգաբնակչությանը ծանուցելը,

- քաղաքացիական ազատությունների և իրավունքների պաշտպանությունը,

- կառավարչական ու հասարակական իշխանության օրգաններին իրենց վրա դրած պարտականություններն իրագործելու համար օժանդակելը,

- անձը վկայող, նույնպես գործող օրենքներով նախատեսված ամեն տեսակ վկայագրեր, տեղեկություններ-ստուգումներ և վկայագրեր, այդ թվում՝ աղքատության վկայականներ տալը,

- տեղական ազգաբնակչության մարդահամարի գործը վարելը, էթե այդպիսի մարդահամար հաստատված է,

- ամեն տեսակ դժբախտ դեպքերի ու բռնի գործողությունների, ինչպես նաև քաղաքացիների իրավունքների պաշտպանության համար անհրաժեշտ ամեն տեսակ հանգամանքների մասին ակտեր ու արձանագրություններ կազմելը⁸:

Այս խնդիրների համակարգում հետաքննության իրականացումը զբաղեցնում է առանձնահատուկ տեղ: Հետաքննության մարմնի ակտերը, ըստ քրեական դատավարության օրենսդրության, օժտված չէին իրավական ուժով և դատական քննիչի համար ծառայում էին որպես օժանդակ ուժ: Այդ նույն օրենքում նախատեսվում էր բացառություն: Այն դեպքում, երբ ոստիկանությունը վրա էր հասնում հանցագործության կատարմանը կամ նախապատրաստմանը, երբ մինչև դեպքի վայր քննիչի ներկայանալը կարող էր հանգեցնել հանցագործության հետքերի ոչնչացման, ոստիկանությունը փոխարինում էր դատական քննիչին բոլոր քննչական գործողություններում: Ոստիկանությունը կարող էր իրականացնել զննում, քննում, խուզար-

⁸Տե՛ս ՀՀՊԿՊԱ, ֆ. 199, 1, գ. 160. թթ., էջեր 180-183:

կություն և առգրավում, բայց ձևական հարցաքննություն մեղադրյալին, վկաներին իրավունք չունեն իրականացնել: Վերը նշվածը ցույց է տալիս, որ ոստիկանությունը պրակտիկայում փոխարինում էր նախաքննությանը:

Ոստիկանությունը կոչված էր օժանդակելու քննությանը: Ցանկացած դեպքի մասին, որն իր մեջ բովանդակում էր հանցագործության հատկանիշներ, ոստիկանությունն անմիջապես կամ այդ մասին տեղեկություններ ստանալու պահից ոչ ուշ, քան 24 ժամվա ընթացքում հաղորդում է դատական քննիչին, դատախազին կամ նրա օգնականին: Մինչև քննիչի ներկայանալը ոստիկանությունն իրականացնում է անհետաձգելի սկզբնական գործողություններ: Այդպիսի գործողություններից են հետախուզությունը, բացատրություններ վերցնելը, ոչ հրապարակային հետապնդումը՝ միաժամանակ չիրականացնելով խուզարկություն և առգրավում: Ոստիկանությունը, դատական քննիչին ներկայանալով, ամբողջ վարույթը հանձնում էր նրան և դադարեցնում իր գործողությունները մինչև հատուկ ցուցումներ ստանալը:

Քանի որ ոստիկանությունն իրավունք չունեն հարցաքննելու մեղադրյալին կամ վկաներին, հետևաբար նրանք չէին կարող կանչվել կամ բերման ենթարկվել: Վկաները պարտավոր չէին ցուցմունքներ տալ ոստիկանությանը, որը գործում էր որպես հետաքննության մարմին:

Ճիշտ է, միլիցիան կոչված էր օժանդակելու դատական քննիչներին նախաքննություն իրականացնելիս, բայց իրականում այդպես չէր: Միլիցիան միշտ չէ, որ աշխատում էր քննիչների հետ համագործակցված և թույլ էին տալիս օրենքի խախտումներ, մասնավորապես՝

ա) քննիչներին ժամանակին չէին իրազեկում հանցագործության դեպքի մասին, բ) հետաքննություն էին իրականացնում իրենց հետաքրքրող գործերով՝ առանց դատախազի կամ քննիչի հանձնարարության, գ) զննում և քննում էին իրականացնում բոլոր գործերով՝ հաշվի չառնելով այն հանգամանքը, որ օրենքով դրանք իրականացնելու իրավունքը վերապահված է միայն անհետաձգելի դեպքերում:

Արխիվային փաստաթղթերի ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ ՆԳՆ տեղական մարմինները ոչ միայն ակտիվորեն չէին օժանդակում քննիչներին և դատարաններին, այլև բանը հասել էր նրան, որ տեղերում նրանք դուրս էին եկել միմյանց դեմ՝ իսկական հակամարտության վերածելով նորմալ, օրինական համագործակցությունը պետական կառուցակարգի ամբողջական համակարգի շրջանակներում:

Արդարադատության նախարարությունն անընդհատ ահազանգում էր այդ մասին կառավարությանը, ՆԳՆ-ից պահանջում միջոցառումներ ձեռնարկել իրավիճակը բարելավելու համար:

1919թ. մարտի 26-ով թվագրված արդարադատության նախարար Ս. Հարությունյանի՝ նախարարների խորհրդին ուղղված զեկուցագրում, որով նախարարը պահանջում էր կառավարությունից անհրաժեշտ միջոցառումներ ձեռնարկել ցանկալի վարչություն և միլիցիա ստեղծելու համար՝ ելնելով պետական իշխանության հեղինակության պահպանման ու պետական կառույցների արդյունավետ գերծունեության համար պայմաններ ստեղծելու շահերից, ասված էր. «Ինձ հանձնարարված Արդարադատության նախարարության հիմնարկությունները և պաշտոնատար անձինք շատ հաճախ դիմում են ինձ դիմումներով ու զանգատներով, որ իրենց գործունեությունն անդամալուծվում է ադմինիստրացիայի և միլիցիայի շինովնիկների կողմից, որոնք լրիվ անտարբեր են ծանուցագրերը, դիմումները, փաստաթղթերի պատճենները հանձնելու, իրենց տրված հանձնարարությունների կատարման, մեղադրյալներին բերման ենթարկելու նկատմամբ, որի հետևանքով սկսված քննչական գործերը չեն շարժվում առաջ, իսկ դատական քննության նշանակված գործերը հետաձգվում են:

Վարչության և միլիցիայի կազմում քիչ են մտավորական ուժերը, քիչ են ծառայությամբ փորձված անձիք, քիչ են պետական ծառայության համար պատրաստված գործիչները, վերջապես չկան փոխադրամիջոցներ, որի հետևանքով տեղաշարժվելու, ծառայական անհրաժեշտություն ունեցող պաշտոնյաները զրկված են այդ հնարավորությունից, մինչդեռ այդ բոլոր հարցերը և դրանց լուծումը մտնում են ՆԳՆ-ի ուղղակի պարտականությունների մեջ՝ նրան ենթակա մարմինների հետ... Շնորհիվ այն բանի, որ մեզ մոտ չկա լավ վարչություն և միլիցիա, գավառամասերում, և նույնիսկ բուն Հայաստանի մայրաքաղաքում՝ Երևան քաղաքում, չկա կյանքի և գույքի անվտանգություն, թագավորում է անարխիան՝ բոլոր տեսակի բռնություններով, որից ուժեղ տառապում է ժողովուրդը, և քայքայվում է նրա տնտեսությունը»⁹:

Արդարադատության նախարարության ձեռնարկած միջոցառումները, դիմումներն ու խնդրանքները ՆԳՆ կառավարություն արդյունք չտվեցին, և

⁹Տե՛ս ՀՀՊԿՊԱ, §. 199, 1, գ. 33. Թ. 49:

գործը տեղից չշարժվեց:

Քրեական գործերի ուսումնասիրությունից երևում էր, որ միլիցիայի չինովնիկները պատրաստ չէին իրականացնել հետաքննություն և չունեին տարրական գիտելիքներ քրեական հետախուզության մասին: Դա էականորեն դժվարացնում և ձգձգում էր քննության իրականացումը, իսկ հաճախ նաև ամենավորձված դատական քննիչին դնում էին անելանելի վիճակի մեջ:¹⁰

Արդարադատության նախարարությունը ստիպված գնաց ավելի կոնկրետ քայլերի՝ այս անգամ արդեն օգտագործելով իր օրենսդրական նախաձեռնության իրավունքը: 1920թ. ամռանը նախարարությունը կառավարությանը առաջարկում էր հիմնել «Դատառստիկանական կուրսեր» միլիցիայի աշխատակիցների պատրաստման և վերապատրաստման համար ¹¹:

Այդ միջոցառման նախաձեռնությունը 1919թ. վերջին ելնում էր դատական պալատի դատախազից, որը մշակել էր նաև պատշաճ կանոնադրության նախագիծ¹²:

Նախարարության ջանքերով հրատարակվել էր նաև հատուկ գործնական ձեռնարկ՝ «Քրեական գործեր քննելիս միլիցիայի գործողությունները» վերնագրով¹³: Ձեռնարկվել են բազմաթիվ այլ միջոցառումներ, որոնց թվում նաև առաջարկը՝ միլիցիան տեղական ինքնավարությունների տնօրինությունից հանել և հանձնել ՆԳՆ-ին¹⁴:

Առանձնակի տեղ էր հատկացվում դատախազության և ոստիկանության փոխհարաբերությանը: Հետաքննության նկատմամբ հսկողություն և ընդհանուր ղեկավարում իրականացնում էր դատախազությունը: Միայն դատախազությունն իրավունք ուներ կարճել հետաքննությունը: Հետաքննությունը կարճելու իրավունք չունեին նաև քննիչը, եթե նույնիսկ նյութերում չէին հայտնաբերվել հանցագործության հատկանիշներ: Քննիչը նման դեպքում հետաքննության նյութերը պետք է ուղարկի դատախազին: Դատախազը լուծում էր նաև այն վեճերը, որոնք առաջանում էին ոստիկանության և դատական քննիչների միջև:

¹⁰Տե՛ս ՀՀՊԿՊԱ, ֆ. 206, 1, գ. 134թ., էջ 99:

¹¹Տե՛ս ՀՀՊԿՊԱ, ֆ. 199, 1, գ. 16.թթ., էջեր 369-371:

¹²Տե՛ս ՀՀՊԿՊԱ, ֆ. 206, 1, գ. 134, թթ., էջեր 94-96:

¹³Տե՛ս ՀՀՊԿՊԱ, ֆ. 306, 1, գ. 100, թ., էջեր 34-49:

¹⁴Տե՛ս ՀՀՊԿՊԱ, ֆ. 206, 1, գ. 134, թ., էջ 99:

Կարևոր նշանակություն ունի ոստիկանության և դատարանի միջև փոխհարաբերության հարցը: Ոստիկանությունն իր իրավասության շրջանակներում մասնակցում էր դատական գործունեության իրականացմանը: Ոստիկանության օժանդակությանը դիմելու իրավունք ունեն դատական բոլոր օղակները:

Համաձայն «ՀՀ միլիցիայի մասին ժամանակավոր օրենքի»՝ միլիցիայի պարտականությունները դատական իշխանության նկատմամբ հանգում էին՝

1. Քրեական դատավարության օրենքներին՝ համաձայն քրեական գործերով նախնական հարց ու փորձին և նախաքննությանը մասնակցելուն:

2. Օրենքի մատնանշած դեպքերում հանրային բնույթ ունեցող գործերում իբրև մեղադրող հանդես գալը:

3. Դատարանի պահանջով կանչված մեղադրյալներին և այլ անձանց դատարանին ներկայացնելը և նրանց կալանավորելը, եթե համապատասխան կարգադրություն կա:

4. Պատասխաններ տալու, որոշումներ լսելու և այլ պահանջների համար դատարանին ներկայանալու հրավիրելը, դատական վճիռներն ու որոշումները ի կատար ածելուն, ինչպես և դատավարության օրենքներում նախատեսված ուրիշ գործողություններին մասնակցելը:

5. Բանտարկյալներին տեղափոխելու վերահսկողությանը վերաբերող պարտականություններ, որոնք հիշատակված են կալանավորներին վերաբերող կանոնադրության մեջ:

6. Իրեղեն ապացույցների պահպանությունը¹⁵:

Իրավական այս մարմնի և քրեական դատավարության կանոնադրության 377-386 հհ. ուժով միլիցիան վերածվել էր «դատական իշխանության գործադիր մարմնի», առանց որի դատարանները, քննիչները, դատախազությունն անդամալուծվում, չեզոքացվում, անգործության էին մատնվում:

¹⁵Տե՛ս ՀՀՊԿՊԱ, ֆ. 199, 1, գ. 160, թթ. էջեր 180-181:

ՀԵՏԱՔՆՆՈՒԹՅԱՆ ՄԱՐՄԻՆՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԱՌԱՋԻՆ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ (1918-1920թթ.)

Եսայան Տիգրան

*ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի պետի առաջին տեղակալ,
ոստիկանության գնդապետ, ի.գ.թ.*

Աշխատության մեջ քննարկվում են Հայաստանի առաջին Հանրապետության միլիցիայի (ոստիկանության) հետաքննության ինստիտուտի առանձնահատկությունները: Վեր է հանվում նոր հռչակված Հանրապետության ոստիկանական համակարգի գործունեության իրավական բազան: Աշխատության մեջ կատարվել են համեմատական վերլուծություններ, քննարկվել են ոլորտի տարբեր գիտնականների կարծիքները:

Բանալի բառեր՝ հետաքննություն, միլիցիա, քննիչ, քրեական դատավարություն, քրեական գործ, արձանագրություն, դատախազ:

ОРГАНЫ ДОЗНАНИЯ В ПЕРВОЙ РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ (1918-1920 гг.)

Есаян Тигран

*Первый заместитель начальника Образовательного комплекса полиции
Республики Армения, полковник полиции, кандидат юридических наук*

В данном труде рассматриваются особенности института дознания милиции/полиции Первой Республики Армения, а также выявляется правовая база деятельности органов милиции новой провозглашенной республики. Произведен сравнительный анализ, рассмотрен подход различных ученых, занимающихся изучением данной темы.

Ключевые слова: дознание, милиция, следователь, уголовное судопроизводство, уголовное дело, протокол, прокурор.

INVESTIGATIVE AUTHORITIES IN THE FIRST REPUBLIC OF ARMENIA (1918-1920)

Yesayan Tigran

*First Deputy Head of the Police Educational
Complex of the Republic of Armenia,
Police Colonel, PhD in Law*

The present research gives an overview of the characteristics of the investigation institution in the First Republic of Armenia's militia (police). The Legal base for the police activities of the newly declared Republic is revealed. Comparative analyses have been done in the research, opinions from various scientists of the field have been discussed.

Key words – investigation, militia, investigator, criminal procedure, criminal case, protocol, prosecutor.

К ВОПРОСУ О СРОКАХ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С НЕУСТАНОВЛЕНИЕМ ЛИЦА, ПОДЛЕЖАЩЕГО ПРИВЛЕЧЕНИЮ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

Нечаев А.А.

*старший преподаватель кафедры управления органами
расследования преступлений, кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)*

Решение задачи защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, в значительной степени обеспечиваются эффективным предварительным расследованием. Вместе с тем, как свидетельствует следственная практика, по достаточно большому количеству уголовных дел, ежегодно производство расследования приостанавливается.

В частности, только за 2015 г. в Российской Федерации остались нераскрытыми 1026,2 тыс. преступлений, что на 8,2 % больше предыдущего периода, из которых 1004,1 тыс. преступлений относятся к нераскрытым преступлениям по причине неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого[7], что свидетельствует о крайне серьезных просчетах в деятельности правоохранительных органов.

Впоследствии нераскрытые преступления, по которым в течение отчетного периода (календарного года) не были установлены лица их совершившие, переходят в графу уголовно-правовой статистики, как «неочевидные преступления прошлых лет»¹.

Последовательный рост годовых остатков нераскрытых уголовных дел приводит к невозможности практической реализации принципа неотврати-

¹ На 2015 год всего по России (без КФО) их количество составляет 11379047 уголовных дел: ф. 3–ЕГС. Раздел 3 «Сведения о нераскрытых преступлениях прошлых лет за январь – декабрь 2015».

мости наказания, так как по указанным уголовным делам фактически прекращается целенаправленная работа, направленная на их раскрытие.

Проблема нераскрытых преступлений в настоящее время является актуальной не только для правоохранительных органов Российской Федерации, но и для правоохранительных органов других государств. К сожалению, указанная проблема далека от разрешения и с каждым годом все больше обостряется. Кроме того, очевидно, что неустановление лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, не способствует реализации назначения уголовного судопроизводства, препятствует обеспечению принципа неотвратимости наказания за каждое совершенное преступление.

В современной уголовно-процессуальной литературе институт приостановления предварительного расследования определяется по-разному. Так, по мнению Б.Т. Безлепкина, под институтом приостановления предварительного расследования следует понимать: «временный перерыв в производстве по уголовному делу по причинам, указанным в Уголовно-процессуальном кодексе» [2]. Н.А. Власова, Г.В. Дроздова, Л.К. Енаева [3], институт приостановления предварительного следствия понимают как предусмотренный законом временный перерыв в производстве по уголовному делу, обусловленный отсутствием обвиняемого или невозможностью его участия в производстве по уголовному делу.

Как временный перерыв в производстве следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу, дают определение институту приостановления предварительного следствия М.С. Дьяченко, С.А. Скворцова, Н.В. Угольникова и С.С. Шуренкова [4].

Вместе с тем полагаем, что взгляд на приостановление предварительного расследования, как на перерыв в расследовании, является неполным, поскольку после приостановления лицо, производившее предварительное расследование, обязано как непосредственно, так и через органы дознания принять меры к розыску подозреваемого, обвиняемого и к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, хотя и без производства следственных действий. Таким образом, деятельность следователя, дознавателя по приостановленному уголовному делу носит непроцессуальный характер, направленный на устранение причин, вызвавших приостановление предварительного расследования.

Следовательно, институт приостановления предварительного расследования можно определить как совокупность уголовно-процессуальных норм, регламентирующих временный перерыв в производстве следственных действий, при отсутствии или невозможности участия в процессе предварительного расследования подозреваемого или обвиняемого, возлагающих на следователя или дознавателя обязанности по принятию процессуальных и розыскных мер, направленных на возобновление расследования, а также по даче поручений органам дознания по розыску подозреваемого или обвиняемого в целях обеспечения их участия в уголовном деле.

Кроме того, обращаясь к рассмотрению приостановления производства по уголовному делу в связи с неустановлением лица, совершившего преступление, следует заметить, что имеется необходимость в совершенствовании отдельных правовых норм, регулирующих приостановление предварительного расследования. В частности, одно из условий приостановления уголовного дела на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ заключается в том, что предварительное следствие может быть приостановлено за неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого только по истечении установленного законом срока расследования (ч. 4 ст. 208 УПК РФ). Следует обратить внимание, что указанное условие приостановления предварительного расследования отсутствует в уголовно-процессуальном законодательстве стран постсоветского пространства. Например, в УПК Армении, УПК Украины, УПК Казахстана и других странах ближнего зарубежья.

С данным условием приостановления предварительного расследования согласны многие ученые процессуалисты, в том числе и М.С. Строгович, который занял более жесткую позицию, утверждая, что в случае неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, и истечения срока следствия, срок расследования по уголовному делу должен всегда продлеваться, независимо от того, были ли проведены все следственные действия или нет. И лишь после того, как в течение продленного срока все же не удалось обнаружить преступника, может быть допущено приостановление предварительного следствия по мотивам необнаружения лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [6].

В 2010 г. был принят Федеральный закон № 69 «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и

связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», согласно которому УПК РФ дополнен ст.6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства». Согласно указанной норме, уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок. Как отмечает Образцов А.В., соблюдение разумных сроков расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел – важная гарантия судебной защиты всех участников уголовного судопроизводства[5]. При определении разумного срока уголовного судопроизводства на досудебном производстве учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность дела, достаточность и эффективность действий прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования и общая продолжительность судопроизводства.

Если обратить внимание на статистические данные² и следственную практику, то можно заметить, что наибольшее количество уголовных дел, находящихся в производстве подразделений дознания и органов предварительного следствия, в основном по преступлениям небольшой и средней тяжести, с небольшим объемом следственных действий, которые выполняет дознаватель, следователь на первоначальном этапе расследования. Далее, уголовное дело находится без движения до окончания срока расследования, то есть до момента, когда дознаватель, следователь выносит постановление о его приостановлении на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Вместе с тем, при необходимости производства даже единичного следственного действия, которое может быть проведено без участия подозреваемого, обвиняемого в соответствии с п.2 ч.1 ст. 211 УПК РФ, необходимо возобновить приостановленное предварительное следствие³. При этом, согласно

²Например, в 2015 г. из всех нераскрытых преступлений – 77,5 % преступлений относятся к категории небольшой и средней тяжести.

³Здесь следует обратить внимание на положительный опыт зарубежного законодательства, в частности ст. 258 УПК Республики Армения «Действия следователя после приостановления производства по уголовному делу» закрепляет возможность проведение следователем отдельных следственных действий без возобновления производства по приостановленному уголовному делу.

ч.6 ст.162 УПК РФ, руководитель следственного органа по данному уголовному делу устанавливает срок предварительного следствия в пределах одного месяца вне зависимости от того, сколько раз оно до этого возобновлялось и вне зависимости от общей продолжительности срока предварительного следствия. В результате сроки предварительного расследования по уголовным делам, по которым виновное лицо не установлено, в ряде случаев достигают значительных размеров при минимальном количестве проведенных по ним следственных и процессуальных действий. Очевидно, что указанные обстоятельства негативно отражаются в деятельности правопримирителя.

Вместе с тем, анализ следственной практики показывает, что нарушения требований законодательства Российской Федерации об осуществлении уголовного судопроизводства в разумный срок, носят распространенный характер. Среди них можно выделить факты необоснованной отмены постановлений о приостановлении предварительного расследования, которые стали предметом особого внимания в подготовленных межведомственных указаниях [1]. В целях повышения эффективности прокурорского надзора и ведомственного контроля, межведомственными указаниями наложен запрет на отмену постановлений о приостановлении предварительного расследования по формальным основаниям, не имеющими отношения к предмету проверки (расследования) или не влияющие на обоснованность принятого процессуального решения. Кроме того, в случае принятия необоснованных решений по уголовным делам, об отмене постановлений о приостановлении предварительного расследования, рассматривать вопрос о привлечении виновных лиц органов прокуратуры к ответственности.

Например, Пензенский областной суд в решении по уголовному делу П. не признал действия органов предварительного расследования достаточными и эффективными, поскольку «уголовное дело по факту мошенничества в отношении П. приостанавливалось 13 раз, общей продолжительностью более 2 лет 4 месяцев, что повлекло значительное увеличение общего срока уголовного судопроизводства до 3 лет 9 месяцев 16 дней. При этом все постановления о приостановлении предварительного следствия были отменены как незаконные и необоснованные по причинам неполного расследования, несовершения следователями всех необходимых действий в отсутствие подозреваемого, в период возобновления следствия (около 8 месяцев) какие-либо

следственные действия вообще не производились. Осуществляемые отдельные следственные действия не отличались системностью, производились эпизодически, как правило, после поступления указаний прокурора либо указаний руководителя следственного органа в порядке ст. 39 УПК РФ, которые в полном объеме не исполнялись» [8].

Поэтому трудно согласиться с тем, что проведение всех следственных действий в отсутствие обвиняемого, наиболее эффективно только в совокупности с условием окончания срока расследования. В то же время, по некоторым уголовным делам, где необходимо проведение большого объема следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, уголовно-процессуальный закон прямо предписывает продление срока расследования (ч.ч. 4, 5 ст. 162 и ч.ч. 3 - 5 ст. 223 УПК РФ).

Таким образом, во-первых, целесообразно изменить правовую норму, закрепленную в ч. 4 ст. 208 УПК РФ, согласно которой предварительное следствие приостанавливается по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ лишь по истечении срока на его производство, так как данное условие не является в определенной мере препятствием к полному и всестороннему раскрытию совершенного преступления. Очевидно, что лишь по выполнению всех необходимых следственных и оперативно-розыскных мероприятий, предварительное следствие может быть приостановлено. Во-вторых, после приостановления предварительного расследования в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, деятельность государственных органов, уполномоченных вести борьбу с преступностью, по данному уголовному делу не должна прекращаться, необходимо лишь изменить ее форму, где центр тяжести переносится на оперативно-розыскную деятельность органов дознания при активной роли дознавателя либо следователя.

**К ВОПРОСУ О СРОКАХ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С
НЕУСТАНОВЛЕНИЕМ ЛИЦА, ПОДЛЕЖАЩЕГО
ПРИВЛЕЧЕНИЮ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО
ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ**

Нечаев А.А.

*старший преподаватель кафедры управления
органами расследования преступлений,
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)*

Статья посвящена актуальным проблемам современного уголовного судопроизводства. В ней анализируются вопросы, связанные с определением процессуальных сроков при приостановлении предварительного расследования в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Ключевые слова: приостановление предварительного расследования, разумный срок уголовного судопроизводства, нераскрытые уголовные дела, неустановление виновного лица, розыск обвиняемого.

**PROBLEM OF TIMING OF THE SUSPENSION OF
PRELIMINARY INVESTIGATION FOR FAILURE TO IDENTIFY
THE PERSON LIABLE TO BE INVOLVED AS A DEFENDANT
ACCORDING TO THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION
OF RUSSIA**

Nechaev A.A.

*Senior Lecturer of Department of Management of
Crime Investigation Agencies, Candidate of Legal Sciences
(Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia)*

The article is devoted to actual problems of modern criminal proceedings. It analyzes the issues related to the definition of procedural deadlines under

suspension of preliminary investigation for failure to identify the person to be the culprits.

Key words: suspension of preliminary investigation, a reasonable time in criminal proceedings, unsolved criminal cases, failure to identify the perpetrator, the accused wanted.

К ВОПРОСУ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ НЕУСТАНОВЛЕННЫХ ЛИЦ ПРИ ОТСУТСТВИИ СВЕДЕНИЙ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Янин Сергей Александрович

*начальник кафедры организации
следственной работы учебно-научного
комплекса по предварительному
следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
к.ю.н., доцент, подполковник полиции*

Шувалов Дмитрий Николаевич

*заместитель начальника кафедры
организации и следственной работы
учебно-научного комплекса по
предварительному следствию в органах
внутренних дел Волгоградской академии
МВД России, к.ю.н., подполковник
полиции*

На современном этапе развития России противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов продолжает оставаться важной проблемой национальной безопасности. Сохраняется высокий уровень незаконного распространения наркотиков среди населения страны, особенно в детской и молодежной среде. В сбыт наркотиков активно вовлекаются несовершеннолетние, женщины, безработные. Сбыты наркотических средств совершаются, как правило, организованными группами и преступными сообществами, в том числе, транснациональными. В них вовлечено большое количество участников, соблюдаются правила конспирации, используются новейшие достижения научно-технического прогресса. Кроме того, зачастую преступниками используются коррумпированные связи в государственном аппарате, призванном, в том числе, бороться с такими проявлениями.

Эффективная борьба с означенным видом преступлений возможна лишь в комплексе, когда различные правоохранительные структуры, общественность действуют совместно и наступательно, делая при этом упор на предупреждение таких преступлений – раннюю профилактику, особенно в мо-

лодѣжной среде. Всё это ложилось серьёзной нагрузкой как на подразделения ныне упразднённой Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Российской Федерации, так и на следственный и оперативный аппараты МВД России, иные структуры.

В последнее время, в связи с ростом числа уголовных дел о неочевидных преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, правоохранительными органами Российской Федерации стал прорабатываться вопрос о возможности исключения факта возбуждения уголовных дел в отношении неустановленных лиц при отсутствии сведений о факте и обстоятельствах сбыта наркотиков. Имелись ввиду уголовные дела о преступлениях рассматриваемой категории, выделенные из уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, возбуждённых в отношении конкретных лиц. На настоящий момент, как свидетельствует статистика, общий массив приостановленных в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, по преступлениям рассматриваемой категории превысил 600 тысяч по стране.

В связи с изложенным, в целях сосредоточения усилий оперативно-следственных аппаратов по борьбе с «реальными» сбытчиками, либо задержанными, либо в отношении которых проводится оперативная разработка, органами Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков стал прорабатываться вопрос о внесении в статью 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации изменений, касающихся исключения возможности возбуждения уголовных дел о фактах незаконного оборота наркотиков, выделенных из уголовных дел о сбытах либо иных преступных деяниях с запрещенными веществами, либо из административных материалов. Указанные предложения были концептуально поддержаны и МВД России.

В статью 140 УПК РФ предлагалось внести изменения, касающиеся недопустимости возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 226.1, 228, 228.1, 228.4, 229, 231, 234 и 234.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, когда отсутствуют сведения о факте и обстоятельствах совершения преступлений, либо предмет преступлений».

Такая необходимость, по мнению ФСКН РФ, возникла в связи с различ-

ным подходом к оценке достаточности данных при принятии решений о проведении процессуальной проверки сообщений о предполагаемом сбыте наркотических средств неизвестным лицом наркопотребителю, привлеченному к административной ответственности при отсутствии предмета преступлений (самого наркотического вещества), а также лицу, привлеченному к уголовной ответственности за хранение или сбыт наркотиков, при отсутствии каких-либо данных о факте сбыта.

В настоящее же время установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок приводит к возбуждению большого количества уголовных дел по «неочевидным» фактам сбыта наркотических средств, то есть совершенных неустановленным лицом.

Значительная часть таких дел возбуждается на основании протоколов об административном правонарушении, составленных в отношении лиц, осуществляющих незаконное потребление наркотиков, в отсутствие предмета преступления.

Как аргументировали свою позицию должностные лица ФСКН, ее следственные органы вынуждены, безусловно, возбуждать в таких случаях дополнительные уголовные дела в отношении неустановленных сбытчиков без достаточных на то оснований. Такие уголовные дела в большинстве случаев основаны на догадках, и их расследование заканчивается приостановлением. Аналогичная ситуация обстоит и в органах предварительного следствия МВД России.

Как правило, по сложившейся практике, судебной перспективы такие уголовные дела не имеют в силу того, что всерьез последними качественно ни оперативные, ни следственные подразделения не занимаются.

Складывающаяся ситуация, по мнению руководства органов ФСКН России, крайне отрицательно влияла на качество следственной и оперативно-розыскной деятельности, отвлекала оперативно-следственный состав от выявления реальных сбытчиков наркотических средств и пресечения каналов их поступления в нашу страну, а также расследование преступлений данной категории, совершаемые организованными группами и преступными сообществами.

Именно в связи с изложенным и предлагалось решить данный вопрос путем внесения в статью 140 УПК РФ изменений, касающихся исключения возможности возбуждения уголовных дел в отношении неустановленных лиц

при отсутствии сведений о факте и обстоятельствах сбыта наркотиков.

Однако, проведённый нами анализ действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства России, не позволяет в полной мере согласиться с подобной законодательной инициативой о внесении в УПК РФ таких изменений по следующим основаниям.

Так, не вызывает сомнений, что при задержании наркопотребителя, наличие у него наркотического средства предполагает факт ранее осуществленного незаконного сбыта ему определенным лицом (лицами) такого средства (конечно, за исключением случаев, когда задержанный самостоятельно его изготовил). Данное действие является, согласно ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, преступлением, ответственность за которое предусмотрена ст. 228.1 УК РФ. Игнорировать данный факт, по нашему мнению, не представляется возможным, поскольку в таком случае будет явное противоречие со ст. 2 УК РФ, устанавливающей задачи Кодекса – охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Кроме того, будет нарушен такой принцип уголовного судопроизводства, как уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, установленный ст. 6 УПК РФ.

Следовательно, указанный выше факт незаконного сбыта наркотического средства наркопотребителю, влечёт за собой не просто необходимость, но обязанность реагирования на него соответствующих должностных лиц правоохранительных органов. Такой порядок установлен ст. 21 УПК РФ, согласно которой в каждом случае обнаружения признаков преступления, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

Ссылка же на отсутствие предмета преступления (в последующем уголовном деле в отношении неустановленных сбытчиков) представляется несостоятельной, так как при задержании наркопотребителя за незаконное хранение без цели сбыта наркотических средств при нем имеется наркотическое средство, что фиксируется в соответствующих документах (протоколах лич-

ного досмотра и др.). Это вещество имеет свои индивидуальные видовые и весовые характеристики, что подтверждается заключением эксперта, и наличие его служит основанием для привлечения задержанного к уголовной ответственности.

В силу положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», органами расследования по уголовным делам о преступлениях рассматриваемой категории в целях установления вида средств и веществ, их размеров, названий и свойств, происхождения, способа изготовления, производства или переработки, а также для установления принадлежности растений к культурам, содержащим наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, в обязательном порядке должна назначаться и проводиться судебная экспертиза наркотических средств, сильнодействующих, психотропных и ядовитых веществ, заключение которой приобщается к уголовному делу, является одним из важнейших доказательств по нему и хранится вместе с делом в архиве после рассмотрения дела по существу.

При этом нет препятствий для приобщения копии указанного заключения эксперта к вновь возбуждённому уголовному делу в отношении неустановленных сбытчиков. В случае же установления впоследствии фигурантов и привлечения их к ответственности, данное заключение в силу положений ст. 90 УПК РФ о преюдиции может признаваться судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, так как изложенные в заключении обстоятельства на тот момент будут являться установленными вступившим в законную силу приговором суда.

Иным аргументом против возбуждения уголовных дел в отношении неустановленных лиц по фактам совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, является их основанность якобы на догадках. Однако, здесь нельзя согласиться с таким мнением, так как основания для возбуждения уголовного дела безусловно имеются, ввиду того, что у потребителя изымается наркотическое средство определённого вида и установленного конкретного веса, которое ему кто-то перед этим незаконно сбыл. Речь в данном случае можно вести о качестве

проведённой в порядке ст. 144 УПК РФ процессуальной проверки и последующего расследования, в ходе которых органами дознания и предварительного следствия не устанавливаются в полной мере обстоятельства, входящие в предмет доказывания, и указанные в ст. 73 УПК РФ.

Именно поэтому, при качественно проведённых доследственной проверке и последующем расследовании, с учётом правила преюдиции, можно говорить о судебной перспективе таких дел в случае последующего задержания сбытчиков и привлечения их к установленной законом ответственности.

В целях же повышения эффективности организации следственной и оперативно-розыскной работы по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений рассматриваемой категории, с учётом особенностей осуществления данной деятельности, а также специфики соответствующих статистических учётов, такие вопросы должны решаться не в законодательной (т.е. путём внесения изменений в УПК РФ), а в организационной плоскости (к примеру, путём выделения таких дел в особый вид при осуществлении статистического учёта совершённых преступлений). То есть целесообразной представляется разработка на межведомственном уровне методических рекомендаций, направленных на упрощение и оптимизацию производства по таким «бесперспективным», с точки зрения раскрытия, преступлениям и обеспечения возможности направления уголовного дела в суд. Такие возможности и необходимые полномочия у правоохранительных органов России имеются.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, предложение о внесении в ст. 140 УПК РФ изменений относительно исключения возможности возбуждения уголовных дел в отношении неустановленных лиц при отсутствии сведений о факте и обстоятельствах сбыта наркотиков, по нашему мнению, противоречит действующему законодательству и поддержано быть не может.

Предлагаемый же нами подход, как видится, будет способствовать повышению эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений рассматриваемых видов, упростит и оптимизирует работу соответствующих подразделений правоохранительных структур в рамках действующего законодательства без его изменения.

**К ВОПРОСУ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ВОЗМОЖНОСТИ
ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ
НЕУСТАНОВЛЕННЫХ ЛИЦ ПРИ ОТСУТСТВИИ СВЕДЕНИЙ
ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕЗАКОННОГО СБЫТА
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

Янин Сергей Александрович

*начальник кафедры организации
следственной работы учебно-научного
комплекса по предварительному
следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
к.ю.н., доцент, подполковник полиции*

Шувалов Дмитрий Николаевич

*заместитель начальника кафедры
организации и следственной работы
учебно-научного комплекса по
предварительному следствию в органах
внутренних дел Волгоградской академии
МВД России, к.ю.н., подполковник
полиции*

В статье с правовой точки зрения анализируется инициатива по вопросу исключения возможности возбуждения уголовных дел в отношении неустановленных лиц при отсутствии сведений об обстоятельствах сбыта наркотических средств и психотропных веществ, приводятся аргументы, побудившие правоохранительные органы к предложению таких изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство. Рассматриваются возможные перспективы реализации данной инициативы, а также предлагается свой способ решения обозначенной проблемы.

Ключевые слова: уголовное дело, наркотики, расследование, сбыт.

**PROBLEM OF AN EXCEPTION OF POSSIBILITY OF EXCITATION
OF CRIMINAL CASES AGAINST UNIDENTIFIED PERSONS IN
THE ABSENCE OF INFORMATION ABOUT THE
CIRCUMSTANCES OF ILLEGAL SALE OF NARCOTIC DRUGS
AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES**

Yanin Sergey Aleksandrovich,

*Head of the Department for Organization
of Investigative Work of Educational and
Scientific Complex on Preliminary
Investigation in Internal Affairs Bodies
Volgograd Academy of the MIA of Russia,
PhD in Law, Associate Professor,
Police Lieutenant Colonel*

ShuvalovDmitriyNikolaevich,

*Deputy Head of the Department for
Organization of Investigative Work of
Educational and Scientific Complex on
Preliminary Investigation in Internal
Affairs Bodies
Volgograd Academy of the MIA of Russia,
PhD in Law,
Police Lieutenant Colonel*

The article from a legal perspective, analyzes the initiative on the issue of eliminating the possibility of excitation of criminal cases against unidentified persons in the absence of information about the circumstances of sales of narcotic drugs and psychotropic substances, the arguments that prompted law enforcement agencies to the proposal of such amendments to the current criminal procedural legislation. The article discusses the possible prospects for the implementation of this initiative, and proposes a way to solve the designated problem.

Key words: criminal case, drugs, investigation, sale.

**ՀԱՆՑԱԳՈՐԾՈՒԹՅԱՆ ՄԻՋՆՈՐԴԱՎՈՐՎԱԾ
ԿԱՏԱՐՄԱՆ ԻՐԱՎԱԿԱՆ ԿԱՐԳԱՎՈՐՈՒՄՆ
ԱՐՏԱՍԱՀՄԱՆՅԱՆ ԵՐԿՐՆԵՐԻ ՔՐԵԱԿԱՆ
ՕՐԵՆՄԴՐՈՒԹՅԱՄԲ**

Գրիգորյան Լալա

*ՀՀ ռստիկանության կրթահամալիրի ասպիրանտ,
ՀՀ ռստիկանության կրթահամալիրի ակադեմիայի
իրավագիտության ֆակուլտետի քրեական իրավունքի
և քրեաբանության ամբիոնի ուսումնական ասիստենտ,
ռստիկանության կապիտան*

Արտասահմանյան երկրների քրեական օրենսդրությամբ հանցագործության միջնորդավորված կատարման իրավական կարգավորման ուսումնասիրությունը, ինչպես և ցանկացած իրավահամեմատական հետազոտություն, ունի տեսական և գործնական կարևոր նշանակություն:

Հանցագործության միջնորդավորված կատարումը հայտնի է ինչպես անգլոսաքսոնական, այնպես էլ մայրցամաքային և մուսուլմանական իրավունքի առանձին երկրների քրեական իրավունքի գիտությանն ու քրեական օրենսդրությանը¹: Արտասահմանյան երկրների քրեական իրավունքում հանցագործության միջնորդավորված կատարման բնորոշման վերաբերյալ գոյություն ունեն տարբեր մոտեցումներ: Դա առաջին հերթին կախված է այն հանգամանքից, թե ինչպես է ընկալվում հանցակցության գաղափարն այդ երկրներում:

Մի շարք երկրների քրեական օրենսգրքերում հանցագործության միջնորդավորված կատարման վերաբերյալ օրենսդրական դրույթներն ընդհանրապես բացակայում են: Դա պայմանավորված է այն հանգամանքով, որ այդ երկրներում հանցագործության կատարողը որպես այդպիսին չի առանձնանում: Այդ երկրներում կա՛մ հանցակիցների դասակարգում չի կատարվում, կա՛մ դա տարբերվում է ընդհանուր տարածված կարգից:

Այսպես, օրինակ՝ Նորվեգիայում հանցակցության ինստիտուտն ընդ-

¹ Տե՛ս Բարանկով Н.В. Посредственное исполнение преступления. Автореф. дисс....канд. юрид. наук. СПб., 2001, էջ 14:

հանրապես չի առանձնանում, և հանցակիցները որպես այդպիսին չեն դասակարգվում կամ տարբերակվում: Նորվեգիայի քրեական օրենսդրության (1902 թվականի ընդհանուր քաղաքացիական և զինվորական քրեական օրենսգրքեր)՝ հանցագործության հատկանիշներին վերաբերող հոդվածներում միայն նշվում է այն անձանց մասին, ովքեր «առնչակից են, դրդում կամ օժանդակում են հանցագործության կատարմանը»²:

Հանցակիցների դասակարգում չի կատարվում օրինակ՝ Սան-Մարինոյում և Թուրքիայում: Սան-Մարինոյի Հանրապետության 1974 թվականի քրեական օրենսգրքով սահմանված է, որ բոլոր անձինք, ովքեր ցանկացած եղանակով մասնակցել են դիտավորյալ հանցագործության կատարմանը, ենթարկվում են պատժի այդ հանցագործության տեսակի համար սահմանված չափով (հոդված 73)³: Թուրքիայի 1926 թվականի քրեական օրենսգրքում տրվում է միայն հանցակցության ընդհանուր հասկացությունը և նշվում, որ հանցակցությամբ հանցանք գործելու դեպքում անդամներից յուրաքանչյուրը պատժվում է այդ արարքի համար⁴:

Մի շարք երկրներում բացակայում է կատարողի սահմանումը կամ խոսվում է միայն անձանց կամ արարքների մասին, որոնք կապված են հանցագործության կատարման հետ կամ հավասարեցված են հանցագործության կատարմանը:

Օրինակ՝ ԱՄՆ Տեքսաս նահանգի 1973 թվականի քրեական օրենսգրքի 7.01 հոդվածի համաձայն՝ վերացվում են բոլոր ավանդական տարբերությունները ոսնձգության օժանդակողների ու կատարողների միջև, և ոսնձգության յուրաքանչյուր հանցակցի կարող է առաջադրվել մեղադրանք սովյալ ոսնձգությունն իրականացնելու համար, և նա կարող է դատապարտվել առանց դատարանի կողմից նշելու, որ գործել է որպես կատարող կամ օժանդակող⁵:

Շվեյցարիայի 1937 թվականի քրեական օրենսգրքում կատարողի սահ-

² Տե՛ս՝ u Уголовное законодательство Норвегии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003, էջ 57:

³ Տե՛ս՝ u Уголовный кодекс Республики Сан-Марино 1974 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002, էջ 70:

⁴ Տե՛ս՝ u Уголовный кодекс Турции 1926 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003, էջ 70:

⁵ Տե՛ս՝ u Уголовный кодекс штата Техас 1973 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006, էջ 84:

մանումը չի տրվում: Հանցակցությանը վերագրվում է միայն օժանդակությունն ու դրդչությունը⁶: Նույնն է իրավիճակը նաև Բելգիայում: Այստեղ ևս հանցագործության կատարողի մասին նշում չի պարունակվում⁷:

Դանիայի 1997 թվականի քրեական օրենսգրքի 23-րդ պարագրաֆում էլ նշվում է այն անձանց մասին, ովքեր նպաստել են հանցագործության կատարմանը օժանդակությամբ, խորհուրդներով կամ այլ գործողություններով⁸:

Այս երկրներում իրավակիրառ մարմինները հանցագործության միջնորդավորված կատարողներին քրեական պատասխանատվության ենթարկելիս ստիպված են լինում դիմելու հանցակցության ինստիտուտին և քրեական օրենսգրքի ընդհանուր մասի այլ դրույթներին:

Որոշ երկրներում քրեական իրավունքի գիտությունը և օրենսդրությունը համատեղ հանցավոր գործունեությունը բաժանում է երկու խմբի՝ կատարում և հանցակցություն: Կատարում է համարվում կատարողի, համակատարողի և միջնորդավորված կատարողի գործունեությունը, իսկ հանցակցությունը օժանդակողի և դրդչի արարքներն են⁹: Այսպես՝ Թայլանդի 1956 թվականի քրեական օրենսգրքում կատարողն առանձնացվում է հանցակիցներից: Այսպես, նշված օրենսգրքի 6-րդ՝ «Կատարողներ և հանցակիցներ» վերնագրով գլխում խոսվում է կատարողների, դրդիչների և հանցակիցների (անձինք, ովքեր նպաստում են հանցագործությանը) մասին¹⁰:

Գերմանիայի Դաշնային Հանրապետության 1871 թվականի քրեական օրենսգրքի 3-րդ գլխի 25-րդ պարագրաֆում («Կատարում և հանցակցություն») նշվում է. «Որպես կատարող պատժվում է այն անձը, ով հանցագործությունն իրականացնում է ինքնուրույն կամ այլ անձի միջոցով»¹¹: ԳԴՀ

⁶ St 'u Уголовный кодекс Швейцарии 1937 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002, էջ 80:

⁷ St 'u Уголовный кодекс Бельгии 1867 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004, էջեր 69-70:

⁸ St 'u Уголовный кодекс Дании 1997 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001, էջ 27:

⁹ St 'u Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: Монография / Под общ. и науч. ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ С.П. Щербы. – М.; Издательство «Юрлитинформ», 2010, էջ 190:

¹⁰ St 'u Уголовный кодекс Таиланда 1956 г, М., 2005, էջեր 61-62:

¹¹ St 'u Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия 1871 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003, էջեր 132-133:

քրեական օրենսգրքի 3-րդ գլխի համաձայն՝ հանցակցությանը վերագրվում են միայն դրդչությունն ու օժանդակությունը: Ինչպես նշել է Ա.Է. Ժալինսկին, կատարումը, համակատարումը և հանցակցությունը գերմանական քրեաիրավական դոկտրինում դիտվում են որպես երկու ինքնուրույն ինստիտուտներ¹²:

Ֆրանսիայի 1992 թվականի քրեական օրենսգիրքը հանցակիցների թվին դասում է դրդիչներին և օժանդակողներին (հոդված 121-7): Իսկ 121-4 հոդվածի համաձայն՝ «Հանցավոր արարքի կատարող է համարվում այն անձը, ով իրականացնում է քրեական օրենքով նախատեսված արարքը, կատարում է հանցագործության փորձ կամ օրենքով նախատեսված դեպքերում՝ զանցանքի փորձ»¹³: Ընդ որում՝ Ֆրանսիայի քրեական օրենսգրքի 121-6 հոդվածում առանձնացված են այլ հանցակիցները, որոնք պատժվում են որպես կատարողներ: Փաստորեն օրենսդիրը կատարողի արարքները սահմանափակում է միայն հանցանքի կամ զանցանքի օբյեկտիվ կողմի իրականացմամբ և դրանում չի ներառում այլ հանցակիցների վարքագիծը: Այլ հանցակիցները պատասխանատվություն են կրում որպես կատարողներ՝ այդպիսին չհանդիսանալով:

Ելնելով նրանից, որ ֆրանսիական քրեական օրենսդրությունն առանձնացնում է կատարողներին և հանցակիցներին, կարելի է պնդել, որ կատարողը հանդես է գալիս և՛ որպես ինքնուրույն գործող անձ, և՛ որպես հանցակից:

Ինչ վերաբերում է հանցագործության միջնորդավորված կատարմանը, ապա ֆրանսիական քրեական իրավունքում այն ստացել է հետաքրքիր անվանում՝ պատասխանատվություն ուրիշի արարքների համար: Քրեական իրավունքում ընդունված է անձնական պատասխանատվության սկզբունքը, սակայն այս սկզբունքի հետ քննարկվում է այլ անձի կատարած արարքի համար քրեական պատասխանատվության ենթարկվելու հարցը: Ֆրանսիական քրեական իրավունքում ընդունվում է մի անձի քրեական պատասխանատվության հնարավորությունը մեկ այլ անձի հանցավոր արարքների համար: Հենց նմանատիպ դեպքերն էլ վերաբերում են ուրիշի արարքների համար քրեական պատասխանատվության ինստիտուտին:

¹² St 'u Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004, էջ 261:

¹³ St 'u Уголовный кодекс Франции 1902 г, СПб.: Юридический центр Пресс, 2002, էջեր 78-79:

Իտալիայի 1930 թվականի քրեական օրենսգրքի 111-րդ հոդվածը պատասխանատվություն է սահմանում միջնորդավորված կատարման համար: Այսպես՝ սուբյեկտը, ով հանցանքի կատարմանն է հակել անմեղսունակ կամ այնպիսի անձի, ով անձը բնութագրող այլ հատկանիշների ուժով ենթակա չէ պատժի, պատասխանատվություն է կրում վերջինիս կողմից կատարած արարքի համար: Ընդ որում՝ պատիժը խստացվում է¹⁴:

Անգլիական քրեական իրավունքում գործում է բավականին հին կանոն՝ կապված այսպես կոչված «անմեղ գործող անձի» պատասխանատվության հարցի հետ: Ջեյմս Ֆ. Ստիֆենի «Դիգեստների» համաձայն՝ առաջին աստիճանի կատարող է համարվում նաև այն անձը «ով հանցանքը կատարում է անմեղ գործող անձի միջոցով»¹⁵: Անմեղ գործող անձի կատարած հանցանքի համար ըստ այդ կանոնի պատասխանատվություն է կրում նրան օգտագործողը և փաստորեն վերջինս էլ դառնում է հանցանքի կատարող: Անգլիական քրեական իրավունքում բացի հանցանքն անմիջականորեն կատարող անձից կատարող է համարվում նաև այն անձը, ով հանցանքը կատարել է «անշունչ ուժի կամ անմեղ միջնորդի» միջոցով, այսինքն՝ հանցանքի կատարում է համարվում նաև միջնորդավորված կատարումը, ուստի կատարող համարվելու համար պարտադիր պայման չէ դեպքի վայրում գտնվելը¹⁶:

Լեհաստանի 1997 թվականի քրեական օրենսգրքի 18-րդ հոդվածի 1-ին պարագրաֆի համաձայն՝ պատասխանատվության ենթակա է ոչ միայն այն անձը, ով արգելված արարքն իրականացնում է անձամբ կամ այլ անձանց հետ համատեղ, այլև այն անձը, ով ղեկավարել է արարքի իրականացումն այլ անձանց կողմից կամ օգտագործելով այլ անձի՝ իրենից կախվածությունը, հանձնարարել է վերջինիս արարքի կատարումը¹⁷: Ինչպես տեսնում ենք

¹⁴ St' u Cass. pen., sez. II, 6 giugno 1983, n. 5378 (ud. 30 novembre 1982), Ljccardiello // Cassazione penale. 1984. էջ 1402:

¹⁵ St' u St' u Stephen J.F.A. Digest of the Criminal Law (Indictable Offences)/9th ed., by Lewis F. Sturge. L., 1950, էջ 15:

¹⁶ St' u Безбородов Д. А. Методологические основы учения об уголовной ответственности за совместное преступное деяние. Автореф. дисс.... Докт. Юрид. наук, Санкт-Петербург – 2007, էջ 22-23; Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): Учебное пособие.- М.: Зерцало, 1997, էջ 114:

¹⁷ St' u Уголовный кодекс Польши 1997 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001, էջ 53:

Լեհաստանի քրեական օրենսգիրքը կատարող է համարում ինչպես առանձին, այնպես էլ հանցակցությամբ գործող անձանց: Դրա հետ մեկտեղ, քրեական օրենսգրքի 74-րդ հոդվածում տրվում է հանցագործության միջնորդավորված կատարման հասկացությունը՝ «Ցանկացած անձ, ով մեկ այլ անձի բերում է այնպիսի վիճակի, որի դեպքում վերջինս անկարող է դառնում գիտակցելու կատարվող արարքի նշանակությունը կամ ղեկավարելու այն, կամ այդպիսի նպատակների համար գտնում է անձանց, ովքեր գտնվում են այդպիսի վիճակի մեջ կամ ցանկացած դեպքում ենթակա չեն պատժի, պատասխանատվություն են կրում հանցագործության կատարման համար»¹⁸:

Լիտվայի Հանրապետության 2000 թվականի քրեական օրենսգրքի 24-րդ հոդվածի 3-րդ մասում տրվում է կատարողի սահմանումը, որի համաձայն. «Կատարող է համարվում այն անձը, ով հանցանքը կատարել է անմիջականորեն կամ անմեղսունակ կամ քրեական պատասխանատվության տարիքի չհասած կամ այլ այնպիսի անձանց օգտագործելու միջոցով, ովքեր իրենց կատարած արարքների համար քրեական պատասխանատվություն չեն կրում»¹⁹:

Ուզբեկստանի Հանրապետության 1994 թվականի քրեական օրենսգիրքը ևս կատարողին ներառել է հանցակիցների շարքում: Համաձայն քրեական օրենսգրքի 28-րդ հոդվածի՝ «կատարող է համարվում հանցանքը ամբողջությամբ կամ մասամբ իրականացրած անձը կամ այն անձը, ով հանցանքը կատարել է այլ անձանց միջոցով, ովքեր քրեական օրենսգրքի ուժով ենթակա չեն քրեական պատասխանատվության կամ հանցանքը կատարել է այլ միջոցներ օգտագործելով»²⁰: Այսպիսի օրենսդրական կարգավորման առանձնահատկությունն այն է, որ կատարողի կողմից օգտագործվող անձը օրենսդրորեն անվանվել է հանցագործության միջոց: Նմանատիպ ձևակերպում ամրագրված է նաև Թաթարստանի 1998 թվականի քրեական օրենսգրքի 36-րդ հոդվածում: Այստեղ ևս կատարողը դասվում է հանցակից-

¹⁸ St 'u Уголовный кодекс Польши 1997 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001, էջեր 70-71:

¹⁹ St 'u Уголовный кодекс Литовской Республики 2000 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003, էջ 138:

²⁰ St 'u Уголовный кодекс Республики Узбекистан 1994 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001, էջ 68:

ների շարքին²¹:

Պետք է նշել, որ ԱՊՀ երկրների քրեական օրենսգրքերում տրված կատարողի հասկացության ընդհանրությունները պայմանավորված են նրանով, որ դրանց մշակման համար հիմք է ծառայել 1996թ. փետրվարի 17-ին ԱՊՀ անդամ պետությունների միջխորհրդարանական ասամբլեայի կողմից ընդունված մոդելային քրեական օրենսգիրքը²²:

Այսպիսով, ամփոփելով արտասահմանյան երկրների քրեական օրենսդրությամբ հանցագործության միջնորդավորված կատարման իրավական կարգավորման ուսումնասիրության արդյունքները՝ կարելի է ներկայացնել հետևյալ եզրահանգումները:

1. Արտասահմանյան երկրների քրեական օրենսդրությամբ հանցագործության կատարողի իրավական կարգավորման հիմնական տարբերակները երեքն են:

ա) Հանցագործության կատարողն ընդհանրապես չի առանձնացվում: Նման դեպքերում կա՛մ հանցակիցների դասակարգում ընդհանրապես չի կատարվում (Թուրքիա, Սան-Մարինո, Նորվեգիա), կա՛մ կատարվում է բոլորովին այլ դասակարգում՝ առանց հանցագործության կատարողի մասին նշելու (Բելգիա, Հոլանդիա), կա՛մ նշվում է միայն անձանց կամ արարքների մասին, որոնք հավասարեցված են հանցագործության կատարմանը (Դանիա, Շվեյցարիա, Լեհաստան):

բ) Կատարողի բնորոշումը տրվում է, բայց նա չի դասվում հանցակիցների շարքին (ԳԴՀ, Ֆրանսիա, Լատվիա, Թայլանդ):

գ) Հանցագործության կատարողի բնորոշումը տրվում է, և նա դասվում է հանցակիցների շարքին: Ընդ որում, գոյություն ունեն կատարողի մանրամասնեցված (Լիտվա, Մոլդովա, Ուզբեկստան, Թաթարստան) և չմանրամասնեցված (Կորեա) բնորոշումներ:

ՀՀ քրեական օրենսդրության կատարելագործման հեռանկարների տեսանկյունից առավել նպատակահարմար է թվում երրորդ տարբերակի պահպանումը՝ միայն թե այն վերապահումով, որ կատարողի մանրամասնեցված բնորոշման մեջ չներառվի հանցագործության միջնորդավորված

²¹ Տե՛ս Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001, էջ 49:

²² Տե՛ս Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ. 1997. № 10:

կատարումը²³: Առաջին տարբերակին անցնելն աննպատակահարմար է այն պատճառաբանությամբ, որ կատարողին և մյուս հանցակիցներին չառանձնացնելը էականորեն կդժվարացնի պատիժ նշանակելիս հանցագործության մասնակիցների քրեական պատասխանատվության անհատականացման սկզբունքի իրագործումը, ինչպես նաև չհաջողված հանցակցության որակման գործընթացը: Երկրորդ տարբերակին անցնելու աննպատակահարմարությունը պայմանավորված է նրանով, որ թեև այդ դեպքում հանցագործության միջնորդավորված կատարումը դուրս է բերվում հանցակցության շրջանակներից, սակայն այդ շրջանակներից դուրս է մնում նաև կատարողը: Իսկ դա հանգեցնում է մի շարք խնդիրների, ինչպիսիք են, օրինակ՝ համակատարումը նույնպես հանցակցության շրջանակներից դուրս բերելու անհրաժեշտությունը, կատարողի և հանցակիցների քրեական պատասխանատվության վերաբերյալ առանձին դրույթների սահմանման, կատարողի և հանցակիցների սահմանազանցման առանձնացված կարգավորման անհրաժեշտությունը²⁴:

2. Արտասահմանյան երկրների քրեական օրենսդրությամբ հանցագործության միջնորդավորված կատարման իրավական կարգավորման հիմնական տարբերակները նույնպես երեքն են:

ա) Հանցագործության միջնորդավորված կատարման օրենսդրական կարգավորումը բացակայում է, ինչի հետևանքով իրավակիրառ մարմինները միջնորդավորված կատարողներին քրեական պատասխանատվության ենթարկելիս ստիպված են լինում դիմելու հանցակցության ինստիտուտին և քրեական օրենսգրքի ընդհանուր մասի այլ դրույթներին (Սան-Մարինո, Թուրքիա, Դանիա, Շվեյցարիա, Նորվեգիա, Բելգիա, Թայլանդ):

բ) Հանցագործության միջնորդավորված կատարման մասին նշումն առկա է, սակայն բացակայում է դրա սահմանումը: Այդ երկրներում իրավակիրառողը միջնորդավորման կատարման դեպքերը որակելիս դիմում է

²³ Հանցագործության միջնորդավորված կատարման օրենսդրական կարգավորումը կատարողի և ընդհանրապես հանցակցության շրջանակներից դուրս բերելու հիմնավորումները ներկայացվել են ատենախոսության նախորդ պարագրաֆում:

²⁴ Եթե կատարողի և հանցակիցների քրեական պատասխանատվության, սահմանազանցման և այլ հարցերը պետք է ստանան միասնական կարգավորում, ապա հիմնավոր կասկածի տակ է դրվում կատարողին հանցակիցներից առանձնացնելու նպատակահարմարությունը:

քրեաիրավական նորմերի համակարգային մեկնաբանությանը (Հոլանդիա, Ավստրիա, Ավստրալիա, Լատվիա, Մոլդովա):

զ) Ոչ միայն առկա է հանցագործության միջնորդավորված կատարման մասին նշում, այլև բացահայտվում է դրա բովանդակությունը: Այլ հարց է, որ տարբեր երկրներում տարբեր է միջնորդավորված կատարման հասկացության մեջ ընդգրկվող իրավիճակների շրջանակը (Իտալիա, Լեհաստան, Բելառուս, Ռուսաստան, Ուզբեկստան, Ղազախստան):

Այս տարբերակներից նախապատվելին, իհարկե, երրորդ տարբերակն է, քանի որ այն թույլ է տալիս բացահայտել հանցագործության միջնորդավորված կատարման բովանդակությունը և առանձնացնել դրա դրսևորումները:

ՀԱՆՑԱԳՈՐԾՈՒԹՅԱՆ ՄԻՋՆՈՐԴԱՎՈՐՎԱԾ ԿԱՏԱՐՄԱՆ ԻՐԱՎԱԿԱՆ ԿԱՐԳԱՎՈՐՈՒՄՆ ԱՐՏԱՍԱՀՄԱՆՑԱՆ ԵՐԿՐՆԵՐԻ ՔՐԵԱԿԱՆ ՕՐԵՆՄԴՐՈՒԹՅԱՄԲ

Գրիգորյան Լալա

*ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի ասպիրանտ,
ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի ակադեմիայի
իրավագիտության ֆակուլտետի քրեական իրավունքի
և քրեաբանության ամբիոնի ուսումնական ասիստենտ,
ոստիկանության կապիտան*

Հոդվածը նվիրված է արտասահմանյան երկրների քրեական օրենսդրությամբ հանցագործության միջնորդավորված կատարման համար սահմանված քրեական պատասխանատվությանն առնչվող հարցերի ուսումնասիրությանը: Հեղինակը կատարում է արտասահմանյան երկրների քրեական օրենսդրության համեմատական վերլուծություն, ինչի արդյունքում ի հայտ է բերում հանցագործության միջնորդավորված կատարման ինստիտուտի իրավական կարգավորման դրական և բացասական ասպեկտները: Կատարված հետազոտության արդյունքում հեղինակը հոդվածի եզրափակիչ մասում ներկայացնում է եզրահանգումներ և առաջարկություններ, որոնք վերաբերում են ՀՀ քրեական օրենսգրքում հանցագործության միջնորդավորված կատարման ինստիտուտի իրավական կարգավորմանը:

Բանալի բառեր. հանցագործության կատարող, միջնորդավորված կատարում, իրավահամեմատական հետազոտություն, հանցակցություն, հանցակիցներ, քրեական օրենսգիրք, արտասահմանյան երկրների քրեական օրենսդրություն:

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОСРЕДСТВЕННОГО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Григорян Лала

*Аспирант Образовательного комплекса полиции Республики Армения,
учебный ассистент кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета академии
Образовательного комплекса полиции Республики Армения,
капитан полиции*

Статья посвящена рассмотрению вопросов, касающихся уголовной ответственности за посредственное совершение преступления по уголовному законодательству зарубежных стран. Автор проводит сравнительно-правовой анализ норм зарубежного уголовного законодательства, в результате чего выявляет положительные и негативные аспекты правового регулирования института посредственного совершения преступления. На основе проведенного исследования, автором в заключительной части статьи изложены выводы и предложения, касающиеся правового регулирования института посредственного совершения преступления в Уголовном кодексе Республики Армения.

Ключевые слова: исполнитель преступления, посредственное исполнение преступления, сравнительно-правовой анализ, соучастие, соучастники, Уголовный кодекс, уголовное законодательство зарубежных стран.

LEGAL REGULATION OF MEDIATED COMMITTAL OF CRIME IN CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Grigoryan Lala

Postgraduate student of the RA Police Educational Complex,

Academic Assistant of the Criminal Law and Criminology

Chair of the Law Faculty of the Academy

of the RA Police Educational Complex, Police Captain

The scientific article is devoted to the study of issues related to criminal responsibility for mediated committal of crime in criminal legislation of foreign countries. The author has carried out comparative legal analysis of foreign criminal legislation provisions, and as a result revealed positive and negative aspects of legal regulation of the institution of mediated committal of crime. On this basis, in the final part of the article the conclusions and the proposals are outlined related to legal regulation of the institution of mediated committal of crime in the Criminal Code of the Republic of Armenia.

Key words: perpetrator, mediated committal of crime, comparative legal analysis, complicity, accomplices, Criminal Code, criminal legislation of foreign countries.

**«ԶԻՆՎՈՐԱԿԱՆ ԾԱՌԱՅՈՒԹՅԱՆ ՄԵՁ
ՍԱՀՄԱՆԱՓԱԿՈՒՄԸ» ՊԱՏԺԱՏԵՍԱԿԻ
ՔՐԵԱԻՐԱՎԱԿԱՆ ԵՎ ԿՐԻՄԻՆԱԼՈՔԻԱԿԱՆ
ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ**

Մնացականյան Արտակ

*ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի գիտական աշխատանքների
բաժնի պետ, ոստիկանության կապիտան, ի.գ.թ.*

2012 թվականի օգոստոս ամսին ՀՀ արդարադատության նախարարության կողմից շրջանառության մեջ դրվեց «Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգրքում փոփոխություններ և լրացումներ կատարելու մասին» ՀՀ օրենքի նախագիծը¹, իսկ արդեն 2013 թվականի ապրիլի 30-ին ընդունվեց «Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգրքում փոփոխություններ և լրացումներ կատարելու մասին» ՀՀ օրենքը: Նշված օրենքը (այսուհետ՝ օրենք) միանշանակ ուներ ինչպես դրական կողմեր, այնպես էլ որոշ բացեր: Նշված օրենքով փոփոխություն կատարվեց զինվորական ծառայության կարգի դեմ ուղղված մի շարք հանցակազմերում: Պարզաբանենք որոշ դրական փոփոխություններ, որոնք, ուղղակի, անհրաժեշտություն էին դարձել իրավակիրառ պրակտիկայում:

Օրենքով փոփոխություն կատարվեց ՀՀ քր. օր-ի 356-րդ հոդվածում, որը լրացվեց 6-8-րդ մասերով: Այս լրացումով նախ սահմանվեց սույն գլխի իմաստով պետի (հրամանատարի) հասկացությունը, ինչը մեր կարծիքով չի կարելի համարել դրական փոփոխություն (այս հարցին ավելի մանրամասն կանդրադառնանք ներքևում): Հաջորդ երկու մասերով հստակեցվեցին այս գլխում օգտագործվող գույքային էական և ծանր վնասների գումարային չափերը: Ինչպես գիտենք, քննարկվող հանցագործություններից որոշներում (ՀՀ քր. օր-ի 356-րդ հոդված «հրաման չկատարելը») օբյեկտիվ կողմի պարտադիր հատկանիշ է հետևանքը և այս պարագայում արարքի որակման առումով ուղղակի պարտադիր է օրենսդրությամբ կարգավորել առաջացող հետևանքների առանձնահատկությունները:

¹ Նշված նախագիծը ՀՀ ոստիկանության շտաբում փորձաքննության է ենթարկվել հեղինակի կողմից:

Հստակեցվեցին մի շարք հանցակազմերի (ՀՀ քր. օր-ի 357-րդ, 358-րդ, 359-րդ հոդվածների) դիսպոզիցիաները և ծանրացնող հանգամանքները, մասնավորապես հստակեցվեց ծանր հետևանքների նկատմամբ մեղքի ձևը, ինչը մեր կարծիքով շատ կարևոր է իրավակիրառ պրակտիկայի տեսանկյունից, քանի որ, եթե ՀՀ քր. օր-ի հատուկ մասում համապատասխան նշում չի պարունակվում մեղքի անզգույշ ձևի մասին, ապա տվյալ արարքը կարող է կատարվել միայն դիտավորությամբ:

ՀՀ քր. օր-ի 356-րդ հոդվածի 2-րդ մասի ձևակերպումից բխում էր, որ ծանր հետևանքների նկատմամբ հանցավորը կարող էր միայն դիտավորություն դրսևորել: Ստացվում էր, որ հրամանը չկատարելիս անձի առողջությանը ծանր վնաս հասցնելու կամ նրան դիտավորությամբ կյանքից զրկելու դեպքում արարքը պետք է որակվեր ՀՀ քր. օր-ի 356-րդ հոդվածի 2-րդ մասով, ինչն անհեթեթ վիճակ էր ստեղծում՝ հատկապես քննարկվող հանցագործության սանկցիան հաշվի առնելով²: Վերը նշված փոփոխությունները վերացրեցին գործնականում ծագող մի շարք խնդիրներ:

Դրական առումով պետք է նշենք նաև, որ փոփոխությունների արդյունքում քննարկվող հանցագործությունների խումբը լրացվեց ևս մեկ հանցակազմով, մասնավորապես՝ ՀՀ քր. օր-ի 358.1-րդ հոդվածով նախատեսվեց ստորադասի նկատմամբ բռնի գործողություններ կատարելը կամ դրանք կատարելու սպառնալիքը: Արդյունքում իրավակիրառ պրակտիկայում բացառվեց անալոգիայի կիրառումը, որն արգելված է ՀՀ քր. օր-ի 5-րդ հոդվածի 2-րդ մասով³:

Նշված փոփոխությունները, մեր կարծիքով, ունեին մի շարք բացեր, մասնավորապես՝ նշված փոփոխություններով ՀՀ քր. օր-ի պատժի համակարգը ավելացվեց նոր պատժատեսակով: ՀՀ քր. օր-ում 50-րդ հոդվածի 1-ին մասը լրացվեց «զինվորական ծառայության մեջ սահմանափակումը» նոր պատժատեսակով, որը նախատեսվում է որպես հիմնական պատժատեսակ, իսկ ՀՀ քր. օր-ի 53.1-ին հոդվածով սահմանվեց այս պատժատեսակի էությունը.

1. Զինվորական ծառայության մեջ սահմանափակումը զինվորական ծառայության կարգի դեմ ուղղված ոչ մեծ կամ միջին ծանրության հան-

² Տե՛ս ՀՀ քրեական իրավունք, հատուկ մաս, ԵՊՀ.Եր., 2004, էջ 885:

³ Այս մասին ավելի մանրամասն կխոսվի հաջորդ գլխում:

ցագործությունների համար սպայի կամ ենթասպայի կոչում ունեցող զինծառայողի նկատմամբ կիրառվող պատժատեսակն է, ըստ որի՝ տվյալ անձը երեք ամսից երեք տարի ժամկետով չի կարող նշանակվել իր զբաղեցրած պաշտոնից ավելի բարձր (այդ թվում՝ ավելի բարձր վարձատրվող) պաշտոնի, նրան չի կարող շնորհվել ավելի բարձր հերթական կոչում, ինչպես նաև կասեցվում է հերթական զինվորական կոչում շնորհելու՝ օրենքով սահմանված ժամկետը՝ դրամական բավարարման գումարից մինչև 20 տոկոս պահումով:

2. Տվյալ պատժատեսակի կրման կամ դրանից պակաս ժամկետով դատարանը կարող է զինծառայողի համար սահմանել կրթական կամ վերապատրաստման դասընթացներին մասնակցելու լրացուցիչ պարտականություն:
3. Զինվորական ծառայության մեջ սահմանափակումը չի կարող նշանակվել, եթե առկա է հանցանքների կամ դատավճիռների համակցություն, և կատարված հանցագործություններից մեկի համար կարող է նշանակվել կամ նշանակված է ազատությունից զրկելու հետ կապված կամ որոշակի պաշտոններ զբաղեցնելու կամ որոշակի գործունեությամբ զբաղվելու իրավունքից զրկելու հետ կապված պատիժ:
4. Զինվորական ծառայության մեջ սահմանափակում պատժատեսակը կրելու ընթացքում զինծառայողի նկատմամբ ՀՀ քր. օր-ի 66-րդ հոդվածի 6-րդ մասով կամ 67-րդ հոդվածով սահմանված կարգով ազատությունից զրկելու հետ կապված պատիժ նշանակվելու կամ զինծառայողի կողմից օրենքով սահմանված հիմքերով զինվորական ծառայությունից ազատվելու դեպքում դատարանի կողմից զինվորական ծառայության մեջ սահմանափակումը փոխարինվում է տուգանքով՝ զինվորական ծառայության մեջ սահմանափակման մեկ ամիսը հաշվարկելով նվազագույն աշխատավարձի երեսնապատիկի դիմաց:

Այս պատժատեսակի նպատակահարմարությունը քննարկելու համար անհրաժեշտ է պարզաբանել հիմնախնդրի քրեաիրավական, կրիմինալ-գիական և բարոյաէթիկական ասպեկտները:

Քրեաիրավական ասպեկտը քննարկելու համար անհրաժեշտ է նախ պարզաբանել պատժի հասկացությունը և նպատակները: ՀՀ քր. օր-ի 48-րդ հոդվածով սահմանվում է, որ պատիժը պետական հարկադրանքի միջոց է, որը դատարանի դատավճռով պետության անունից նշանակվում է հանցա-

գործության համար մեղավոր ճանաչված անձի նկատմամբ և արտահայտվում է այդ անձին իրավունքներից և ազատություններից օրենքով նախատեսված զրկմամբ կամ սահմանափակմամբ: Պատժի նպատակն է վերականգնել սոցիալական արդարությունը, ուղղել պատժի ենթարկված անձին, ինչպես նաև կանխել հանցագործությունները: Սոցիալական արդարության վերականգնումը՝ որպես պատժի նպատակ, ենթադրում է անձին, հասարակությանը, պետությանը հանցագործությամբ պատճառված վնասի՝ պատժի միջոցով հնարավորինս հատուցում, հանցագործության վտանգավորության և պատժի համապատասխանություն, միևնույն հանցագործության համար կրկին անգամ պատժելու անթույլատրելիություն և արժանապատվությունը նվաստացնելու անթույլատրելիություն⁴: Հարց է առաջանում՝ արդյո՞ք նշված պատժատեսակով իրականացվում է սոցիալական արդարությունը վերականգնելու նպատակը:

Ինչպես գիտենք հանցագործությունը մյուս իրավախախտումներից տարբերվում է իր հանրային վտանգավորությամբ, այս պարագայում հանցագործության համար օրենքով նախատեսված պատիժը նույնպես պետք է տարբերվի մյուս պատասխանատվության տեսակներից իր խստությամբ, որպեսզի համապատասխանի ՀՀ քր. օր-ի 10-րդ հոդվածով նախատեսված արդարության և պատասխանատվության անհատականացման սկզբունքի պահանջներին: Սակայն նշված պատժատեսակը ըստ էության հանդիսանում է կարգապահական պատասխանատվության տեսակ, որն ընդգրկված է տարբեր գերատեսչությունների ծառայողների համար կարգապահական պատասխանատվություն նախատեսող իրավական ակտերում, օրինակ՝ ՀՀ դատական օրենսգրքի 157-րդ հոդվածի (Դատավորների նկատմամբ կիրառվող կարգապահական տույժերը) 2-րդ և 3-րդ մասերով որպես կարգապահական տույժ սահմանվում է նկատողություն և խիստ նկատողություն աշխատավարձի 25 տոկոսից զրկելով 6 ամիս կամ 1 տարի ժամկետով, կամ «Ոստիկանությունում ծառայության մասին» ՀՀ օրենքի 42-րդ հոդվածի (ոստիկանության ծառայողների նկատմամբ կիրառվող կարգապահական տույժերը) 1-ին մասի 3-րդ կետով նախատեսվում է 10-ից 50 տոկոսով պաշտոնային դրույքաչափի իջեցում: Նույնիսկ որպես կարգապահական տույժ

⁴ Տե՛ս Խաչիկյան Հ.Մ., Հայաստանի Հանրապետության քրեակատարողական իրավունք, Եր., 2009, էջ 87:

երբեմն աշխատավարձի պահումն ավելի խոշոր չափով է նախատեսված, քան քննարկվող պատժատեսակում: Իհարկե, քրեական պատժատեսակը անձի համար նախատեսում է յուրահատուկ իրավական դրություն՝ դատվածություն, սակայն, մեր կարծիքով, քրեական պատժատեսակը չպետք է մյուս պատասխանատվության տեսակներից տարբերվի լոկ դատվածության հատկանիշով, մանավանդ, եթե քննարկվող պատժատեսակի կիրառման դեպքում անձը շարունակում է մնալ իր պաշտոնում՝ հաշվի առնելով այն հանգամանքը, որ պետական գրեթե բոլոր հաստատություններում նախկինում դատապարտված լինելու հանգամանքը օրենքով սահմանված կարգով արգելք է հանդիսանում աշխատանքի ընդունման ժամանակ: Պետք է նշենք, որ այս արգելքը առկա է նաև զինծառայողների համար. «Ձինվորական ծառայության անցնելու մասին» ՀՀ օրենքի 4-րդ հոդվածով սահմանվում է, որ պայմանագրային զինվորական ծառայություն է համարվում զինված ուժերում և այլ զորքերում կամավոր հիմունքներով զինվորական ծառայություն անցնող շարքային, ենթասպայական, սպայական կազմի և կանանց զինվորական ծառայությունը: Պայմանագրային զինվորական ծառայության ընդունվող քաղաքացիները պետական լիազոր մարմնի հետ կնքում են գրավոր պայմանագիր: Իսկ ահա նույն օրենքի 7-րդ հոդվածով սահմանվում է, որ պայմանագիր չի կարող կնքվել պահեստագործից պայմանագրային զինվորական ծառայության անցնելու ցանկություն հայտնած այն քաղաքացիների հետ, **որոնց նկատմամբ կատարվում է հետաքննություն, նախաքննություն, դատական քննություն, ովքեր դատապարտվել են հանցագործություն կատարելու համար, և դատվածությունը սահմանված կարգով հանված կամ մարված չէ:** Այս պարագայում հակասություն է առաջանում նշված դրույթի և քննարկվող հանցակազմի միջև, քանի որ այս պատիժը կիրառելու դեպքում հանցագործություն կատարած անձին հնարավորություն է տրվում շարունակել զինվորական ծառայությունը:

Կրիմինալոգիական ասպեկտը ոչ պակաս կարևոր է հիմնախնդրի լուծման համար: Ինչպես նշեցինք, օրենքը կատարելագործելու համար անհրաժեշտ է նախօրոք կատարել լուրջ կրիմինալոգիական հետազոտություններ և միայն դրա հիման վրա կատարել համապատասխան և անհրաժեշտ փոփոխություն: Հիմնախնդրի կրիմինալոգիական ասպեկտը քննարկելուց առաջ, ուսումնասիրենք քննարկվող պատժատեսակի նախագծային տարբերակի հիմնավորումը.

«ՀՀ քր. օր-ի 49-րդ հոդվածում նախատեսված չէ այնպիսի պատժատեսակ, որը մի կողմից կհանդիսանա իրական այլընտրանք ազատագրկման հետ կապված պատիժներին, մյուս կողմից իր բնույթով կունենա կանխարգելիչ բնույթ և չէր գուգորդվի զինված ուժերի կազմից ոչ ծանր հանցագործություններ կատարած սպայական անձնակազմի հեռացմամբ՝ դրանով նաև ապահովելով պատժի արդյունավետության սկզբունքը:

Զինվորական ծառայության կարգի դեմ ուղղված հանցագործությունների սանկցիաներում որպես պատժատեսակներ հիմնականում նախատեսված են ազատագրկման հետ կապված պատիժները՝ կալանքը, կարգապահական գումարտակում պահելը, ազատագրկումը: Դրանով պայմանավորված՝ ՀՀ քր. օր-ում անհրաժեշտ է նախատեսել այնպիսի պատժատեսակ, որը կկիրառվի ոչ մեծ կամ միջին ծանրության հանցագործությունների դեպքում, չի գուգորդվի դրանք կատարող անձանց ազատությունը որոշակի ժամկետով սահմանափակելով, հնարավորություն կտա այդ անձանց շարունակելու զինվորական ծառայությունը ՀՀ զինված ուժերում՝ ապահովելով ՀՀ զինված ուժերի մարտունակությունը»:

Մեր կարծիքով հիմնավորման հետ կարելի է համաձայնել՝ այլընտրանքային պատժատեսակի նախատեսման առումով, սակայն այդ այլընտրանքը պետք է լինի հիմնավորված և իրագործի օրենքով սահմանված պատժի նպատակները: Հիմնավորումից տպավորություն է ստեղծվում, որ այս պատժատեսակի հիմնական նպատակը հանցագործություն կատարած սպայական անձնակազմին ծառայության մեջ պահելն է, նրանց վրա կատարված պետության ծախսերը չկորցնելու ակնկալիքով, կամ անհասկանալի է այն մտտեցումը, որ ՀՀ զինված ուժերի մարտունակությունը պետք է ապահովվի հանցագործների միջոցով:

Ինչպես իրավացիորեն նշում է Ա.Ս. Սեդրակյանը, «պատիժ կրած զինծառայողների մուտքը գորամաս զինվորական կոլեկտիվի մեջ կրիմինոգեն վիճակի բարձրացումից բացի որևէ այլ (դրական) ազդեցություն չի թողնում»⁵:

Քրեաիրավական ազդեցության միջոցների դերը, հատկապես պատժի

⁵ Տե՛ս Սեդրակյան Ա.Ս. Զինվորական հանցագործությունների քրեաիրավական և կրիմինալոգիական բնութագիրը, ի.գ.թ. գիտական աստիճանի հայցման ատենախոսության սեղմագիր, Եր., 2008, էջ 7:

դերը՝ որպես քրեական պատասխանատվության իրականացման ձև, որպես քրեաիրավական ներգործության միջոց հանցագործություն կատարած անձի նկատմամբ, ինչպես նաև որպես հանցագործության դեմ պայքարի միջոց չի կարելի թերագնահատել և միաժամանակ պետք չի գերագնահատել⁶:

Քննարկվող պատժատեսակի սոցիալական արդարության վերականգնման տեսանկյունից պետք է նշել, որ հանցագործություն կատարող անձը նույնպես պետք է զգա, որ իր կողմից կատարված հանրային վտանգավոր արարքի համար ինքը արժանացել է համաչափ զրկանքների, որոշակիորեն կորցրել է իր սոցիալական կարգավիճակը, սակայն ներկայումս հասարակության մեջ արմատացած սպառողական հոգեբանության և փողի պակասորդի առկայության պարագայում, կարգապահական պատասխանատվության տույժի որոշ տեսակներ՝ օրինակ ծառայությունից ազատելը (որպես կարգապահական տույժի տեսակ ընդգրկված է բոլոր ուժային կառույցների գործունեությունը կարգավորող իրավական ակտերի մեջ) ավելի մեծ զրկանքներ են բերում իրավախախտում կատարած անձին, քան քննարկվող պատժի կատարման արդյունքում: Հանցագործություն կատարած անձը ոչ միայն չի ազատվում իր զբաղեցրած պաշտոնից, այլ նաև պահպանում է իր աշխատավարձը, և ոչ միայն չի վերականգնվում սոցիալական արդարությունը, այլ նաև անիմաստ է խոսել պատժի մյուս նպատակի՝ պատժի ենթարկված անձին ուղղելու մասին: Այս պարագայում ոչ միայն չի իրականացվում պատժի՝ հանցագործի ուղղման նպատակը, այլ ուղղակի հանցագործին հիշեցվում է հետագայում ավելի շրջահայաց և հաշվենկատ լինելու անհրաժեշտության մասին: Ինչ վերաբերում է պատժի մյուս՝ հանցագործությունները կանխելու նպատակին, ապա ուսումնասիրությունները ցույց են տալիս, որ անարդարացի պատիժը ռեցիդիվին նպաստող կարևորագույն գործոններից է: Անարդարացի մեղմ պատիժն անպատժելիության հոգեբանություն է ձևավորում, իսկ անարդարացի խիստ պատիժը թշնամանք է ձևավորում օրենքի և իրավապահ մարմինների նկատմամբ: Երկու դեպքերում էլ նպաստավոր պայմաններ են ստեղծվում հետագա հանցավոր վարքագծի համար⁷:

⁶ Տե՛ս *Тадевосян Л.З.* Социальное значение уголовно-правового института деятельного раскаяния. Вектор науки Тольяттинского государственного университета, Серия «Юридические науки». N 3(3), 2010, էջ 196:

⁷ Տե՛ս Գաբուզյան Ա.Հ., Կրիմինոլոգիա (դասախոսություններ), Եր., 2011, էջ 104:

Բարոյաէթիկական ասպեկտի քննարկումը պետք է կապենք այս հարցում պետության ընդհանուր մոտեցման և իրավական քաղաքականության հետ: Մասնավորապես ՀՀ գրեթե բոլոր պետական մարմիններում և հատկապես ուժային կառույցներում պաշտոնի նշանակվելու և ծառայության անցնելու սահմանափակումները և արգելքները կապված են քաղաքացու կողմից հանցագործություն կատարելու հետ՝ «Զինվորական ծառայության անցնելու մասին» ՀՀ օրենք, ՀՀ դատական օրենսգիրք, «Ոստիկանությունում ծառայության մասին» ՀՀ օրենք, «Դատախազության մասին» ՀՀ օրենք, «Ազգային անվտանգության մարմիններում ծառայության մասին» ՀՀ օրենք, «Հատուկ քննչական ծառայության մասին» ՀՀ օրենք, «Քրեակատարողական ծառայության մասին» ՀՀ օրենք, «Դատական ակտերի հարկադիր կատարումն ապահովող ծառայության մասին» ՀՀ օրենք: Ընդ որում, որոշ դեպքերում արգելք է հանդիսանում ոչ միայն դատվածության առկայությունը, այլ ուղղակի դիտավորյալ հանցագործություն կատարած լինելու հանգամանքը՝ անկախ նրանից, թե դատվածությունը օրենքով սահմանված կարգով մարվել կամ հանվել է:

Անձը հանցագործություն կատարելով խախտում է պետական ծառայողի համար օրենսդրությամբ նախատեսված բոլոր էթիկայի կանոնները, իսկ զինծառայողը՝ նաև զինվորական ծառայության սկզբունքները:

Կրիմինոլոգիական վերլուծությունների մեջ հանցավոր գործողությունները բազմիցս կապվում են բարոյականություն եզրույթի հետ, հանցագործությունը իր իսկ գոյությամբ նպաստում է հասարակության բարոյական անկմանը, հանցագործությունը ինքնին հանդիսանում է հակահասարակական, հակաիրավական, հակաբարոյական երևույթ, և հանցագործը չի ընդունում հասարակության բարոյական արժեքները:

Զինվորական ծառայությունը, ինչպես նշվեց, հանդիսանում է պետական ծառայության տեսակ, և այդ նույն պետությունը, որոշակի անհիմն պատճառներից ելնելով (ավելորդ ծախսերից խուսափելու) նախատեսում է այնպիսի պատժատեսակ, որը ոչ միայն չի իրականացնում պատժի նպատակները, այլև հնարավորություն է տալիս այդ նույն պետության դեմ հանցագործություն կատարած անձին մնալ պետության ներկայացուցչի կարգավիճակում: Բացի այդ հարց է առաջանում՝ արդյոք դատվածություն ունեցող հրամանատարը բարոյական իրավունք ունի ղեկավարել ստորաբաժանումը, և ինչ հեղինակություն կունենա վերջինս ենթակաների մոտ:

Այս պարագայում, հաշվի առնելով սպայական կազմի կողմից կատարվող հանցագործությունների քանակը՝ դժվար չի պատկերացնել, որ ոչ հեռու ապագայում ՀՀ զինված ուժերի սպայական անձնակազմի ահռելի տոկոսն ուղղակի հանցագործներ կլինեն: Սա, իհարկե, անընդունելի է բոլոր առումներով:

ՀՀ քր. օր-ի 53.1-ին հոդվածի 2-րդ մասով, սահմանվում է որ, տվյալ պատժատեսակի կրման կամ դրանից պակաս ժամկետով դատարանը կարող է զինծառայողի համար սահմանել կրթական կամ վերապատրաստման դասընթացներին մասնակցելու լրացուցիչ պարտականություն: Դատարանն արդարադատություն իրականացնող մարմին է, իսկ պետական ծառայողների պաշտոնի համապատասխանության կամ կրթական ու վերապատրաստման հարցերը կարգավորվում են օրենքով սահմանված կարգով համապատասխան գերատեսչություններում ստեղծված ատեստացիոն հանձնաժողովների կողմից, ատեստացիաներ անցկացնելու և համապատասխան որոշում կայացնելու միջոցով: Ինչքանով է դատարանը կոմպետենտ այս հարցում, և ընդհանրապես ինչ կապ ունի կրթական կամ վերապատրաստման դասընթացներին մասնակցելու պարտականությունը քրեական պատժի հետ: Սա, իհարկե, անհեթեթություն է, և անհրաժեշտ է կտրականապես հրաժարվել քննարկվող պատժատեսակից՝ հետագայում վերջինիս կիրառման արդյունքում առաջացող հնարավոր խնդիրներից խուսափելու նպատակով:

«ԶԻՆՎՈՐԱԿԱՆ ԾԱՌԱՅՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

ՍԱՀՄԱՆԱՓԱԿՈՒՄԸ» ՊԱՏԺԱՏԵՍԱԿԻ ՔՐԵԱԻՐԱՎԱԿԱՆ և ԿՐԻՄԻՆԱԼՈՔԻԱԿԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Մնացականյան Արտակ

ՀՀ ռստիկանության կրթահամալիրի գիտական աշխատանքների բաժնի պետ, ռստիկանության կապիտան, ի.գ.թ.

2013 թվականի ապրիլի 30-ին ընդունվեց «Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգրքում փոփոխություններ և լրացումներ կատարելու մասին» ՀՀ օրենքը: Նշված օրենքը միանշանակ ունի ինչպես դրական կողմեր, այնպես էլ որոշ բացեր, մասնավորապես՝ նշված փոփոխություններով

ՀՀ քր. օր.-ի պատժի համակարգը ավելացվեց նոր պատժատեսակով: ՀՀ քր. օր-ում 50-րդ հոդվածի 1-ին մասը լրացվեց «զինվորական ծառայության մեջ սահմանափակումը» նոր պատժատեսակով, որը նախատեսվում է որպես հիմնական պատժատեսակ: Այս պատժատեսակը մեր կարծիքով ունի որոշակի իրավական բացեր, որի քրեաիրավական և կրիմինալոգիական քննարկմանն է նվիրված աշխատությունը:

Բանալի բառեր՝ պատժատեսակ, զինվորական ծառայություն, կրիմինալոգիա, դատվածություն, հանրային վտանգավորություն, քրեական օրենսգիրք, ռեցիդիվ, իրավախախտում:

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВИДА НАКАЗАНИЯ «ОГРАНИЧЕНИЕ ПО ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ»

Мнацаканян Артак

*Начальник научного отдела Образовательного комплекса
полиции РА, капитан полиции, кандидат юридических наук.*

30 апреля 2013 года был принят закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РА». Указанный закон определенно имел как положительные стороны, так и некоторые недостатки, в частности, с указанными изменениями в систему наказаний Уголовного кодекса РА добавлен новый вид наказания. В часть 1 статьи 50 Уголовного кодекса РА внесен новый вид наказания «Ограничение по военной службе», в качестве основного вида наказания. По нашему мнению, этот вид наказания имеет определенные недостатки правового характера, уголовно-правовому и криминологическому анализу которого посвящена работа.

Ключевые слова: вид наказания, военная служба, криминалистика, судимость, общественная опасность, Уголовный кодекс, рецидив, правонарушение.

**CRIMINOLOGICAL AND CRIMINAL-LEGAL
PROBLEMS OF PUNISHMENT TYPE
«RESTRICTION ON MILITARY SERVICE»**

Mnatsakanyan Artak

Head of the Scientific Department of RA

Police Educational Complex of RA

Captain Police, PhD in Law

On 30 April 2013, a law was passed «On Making Amendments and Addenda to the RA Criminal Code». This law definitely had a positive side, as well as some short comings, in particular, with these changes a new form of punishment was added in the RA Criminal Code penalties system. In the first part of the Article 50 of the RA Criminal Code, a new form of punishment was introduced «Restriction on Military Service», as the main form of punishment. In our opinion, this kind of punishment has certain disadvantages of a legal nature, and the work is devoted to its criminal-legal and criminological analysis.

Key words: punishment, military service, criminology, criminal records, public danger, Criminal Code, offense recidivism.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ НОРМ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ОХРАНУ ИНТЕРЕСОВ ПРАВОСУДИЯ

Намнясева Виктория Вячеславовна

*начальник кафедры уголовного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
полковник полиции*

В УК РСФСР 1960 года впервые в истории советского уголовного законодательства¹ появилась специальная глава, выделяющая интересы правосудия в качестве родового объекта уголовно-правовой охраны. И с этого момента в доктрине уголовного права дискуссионными остаются как вопросы нахождения в этой главе тех или иных норм, регламентирующих ответственность за посягательства на интересы правосудия, т.е. целесообразность их включения в систему, так и классификации этих норм внутри системы, т.е. особенности построения, внутренней структуры самой системы.

Так, в настоящее время наиболее дискуссионными являются вопросы о целесообразности размещения в главе 31 «Преступления против правосудия» нормы, закрепленной в ст. 295 УК РФ (некоторые авторы полагают, что логичнее было бы поместить данный состав преступления в главу 16 «Преступления против жизни и здоровья» [1, с. 35]), и необходимости перемещения в главу 31 норм, предусмотренных ст. 174, 175 и 321 УК РФ [2, с. 57; 3, с. 12]. Рассматривая вопросы классификации преступлений против правосудия, следует отметить, что не существует единого мнения ни о том, какое именно основание классификации более приемлемо, более значимо как для доктрины уголовного права, так и для нужд законотворчества и правоприменения, ни о том, какие именно классификационные группы выделять в зависимости от данного основания.

Наверное, нет сейчас такого исследователя, который не высказывал бы

¹ Впервые в истории российского законодательства глава «О противодействии правосудию» была выделена в Уголовном Уложении 1903 года.

идею о необходимости совершенствования уголовного законодательства. Однако, изучая правотворческую деятельность последних лет, возникает ощущение, что научная обоснованность внесенных в уголовный кодекс поправок далека от желаемой. По данному поводу представляется как нельзя более уместным привести высказывание профессора В.И. Гладких, отметившего, что законодательная практика последних лет наводит на мысль, что научная деятельность и практическое законотворчество идут параллельными путями, которые, как известно, никогда не пересекаются [4, с. 16]. В уголовном законе есть немало примеров явного, совершенно очевидного несоответствия правовой нормы не только реальным правоотношениям, но и здравому смыслу. В отдельных случаях изменения принимаются без учета системно-структурных связей уголовно-правовых норм, игнорируется понимание уголовного законодательства как целостной, внутренне непротиворечивой системы, построенной в соответствии с определенными принципами и правилами. Такое положение прежде всего сказывается на качестве нормативных актов, которые не могут эффективно регулировать отношения в обществе, государстве.

Именно в этих условиях особую актуальность приобретают исследования, посвященные вопросам законодательной техники и законотворческого моделирования, содержащие конкретный алгоритм построения как системы уголовного законодательства в целом, так и ее структурных составляющих, каждая из которых должна отвечать целому ряду требований.

На наш взгляд, именно научно-обоснованное построение структурированной системы уголовно-правовых норм позволяет выявить наличие неточностей и пробелов в законодательной регламентации ответственности за совершение преступлений, посягающих на определенный объект, и с учетом этого предлагать оптимальные конструкции правовых норм и прогнозировать необходимость закрепления новых составов.

Одним из методов достижения этой цели является уголовно-правовая классификация, которая является и своеобразным способом познания, и источником знаний о рассматриваемом явлении или процессе. С. В. Познышев отмечал, что «классификация – это первый и чрезвычайно важный шаг, который должен сделать исследователь всякой разнообразной группы явлений. Как прием изучения, классификация имеет двоякое значение для научного исследователя: со стороны внешней – это прием, который вносит в изу-

чение систему и порядок; со стороны внутренней – это прием, который предопределяет полноту и правильность выводов изучения» [5, с. 5].

Проблеме классификации преступлений против правосудия в той или иной степени уделял внимание каждый исследователь, анализирувавший как отдельные нормы, регламентирующие ответственность за конкретные посягательства на интересы правосудия, так и всю систему в целом. А. С. Горелик и Л. В. Лобанова отмечают, что «правосудие, как объект уголовно-правовой охраны, ввиду многообразия включаемых в его содержание общественных отношений не может быть представлено в качестве односложного защищаемого блага» [1, с. 50]. Внутри всей совокупности общественных отношений, связанных с обеспечением деятельности суда и содействующих ему органов и лиц, можно выделить несколько групп однородных общественных отношений, определяющих непосредственный объект конкретных посягательств на интересы правосудия. И с этим трудно не согласиться. Но при анализе предложенных (весьма разнообразных) классификаций по признаку непосредственного объекта, возникает целый ряд вопросов.

Анализируя существующие в теории уголовного права варианты построения системы преступлений против правосудия, нетрудно заметить, что одни и те же преступления включаются в различные классификационные группы. Так, например, преступление, предусмотренное ст. 309 УК РФ, по мнению различных авторов, препятствует «поступлению в распоряжение правосудия доброкачественных доказательств и правдивых сведений от граждан» [6, с. 53-54] и «исполнению работниками правоохранительных органов их обязанностей по осуществлению целей и задач правосудия» [7, с. 18], входит в группу преступлений, связанных с фальсификацией и сокрытием доказательств [8, с. 396], посягает на «установленный Конституцией и процессуальным законом порядок получения, использования и сохранения доказательственной информации» [9, с. 679-680], на «общественные отношения, обеспечивающие познавательное-правоприменительное осуществление правосудия» [1, с. 56-59], на «процессуальный порядок расследования преступлений» [10, с. 459-460], на «процессуальный порядок получения доказательств по делу» [11, с. 6-7], относится к преступлениям против правосудия общего характера [12, с. 9], к преступлениям в сфере выполнения гражданами обязанностей содействовать или не препятствовать осуществлению правосудия.

дия [13, с. 678], к посягательствам на субъектную основу интересов судебной власти [14, с. 18]. При этом, естественно, отличается не только название, но и состав соответствующей классификационной группы, в которую включается рассматриваемая норма. И подобная ситуация характерна практически для всех норм, объединенных в главе «Преступления против правосудия».

Такой разброс точек зрения, объясняется, на наш взгляд, причинами как субъективного, так и объективного характера. С одной стороны, критерии выделения по логике объекта подсистем в рамках системы норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану интересов правосудия, обусловлены, в первую очередь, целями, поставленными исследователем. С другой – в рамках объяснения сложившейся ситуации, вполне уместными и убедительными представляются доводы А. В. Наумова, полагающего, что непосредственные объекты преступлений против правосудия настолько переплетены друг с другом, что практически любая классификация по этому признаку становится условной, так как многие преступления из предлагаемых группировок заслуживают вхождения не только в «свою», но и в другую группировку. В связи с изложенным А. В. Наумов полагает, что «следует вернуться ... к классификации преступлений против правосудия не по непосредственному объекту, а по субъекту преступления» [15, с. 446]. Следует отметить, что позиция о нецелесообразности классификации преступлений против правосудия по признаку объекта, неоднократно высказывалась и до принятия УК РФ 1996 года. Так, например, М. А. Гаранина указывала, что система преступлений против правосудия, построенная по непосредственному объекту, отличается сложностью и неудобна для практического использования» [16, с. 23].

Полагаем, что построение по признаку непосредственного объекта безупречной, непротиворечивой структурированной системы анализируемых норм, отвечающей всем требованиям, предъявляемым к классификации, и, в первую очередь, не вхождения одного и того же объекта в различные классификационные группы, действительно невозможно. И это объективно существующее положение вещей, даже с учетом того фактора, что любая классификация всегда условна, относительна и является результатом некоторого размывания либо огрубления границ между классификационными группами. Игнорирование этого приводит либо к искусственному объединению в одну

группу деяний, посягающих на различные непосредственные объекты², либо к неоправданному «отрыву» друг от друга смежных норм, которые помещаются в разные классификационные группы.

В то же время полагаем, что полный отказ от выделения структурных групп в рамках всей совокупности преступлений против правосудия по признакам непосредственного объекта (как это предлагается некоторыми авторами), принесет больше вреда, чем пользы. Представляется оптимальным выделять основные непосредственные объекты преступлений против правосудия, анализировать, какие именно деяния на них посягают и анализировать свойственные данной структурной группе норм особенности, но единую классификационную систему при этом не строить. Комплексное рассмотрение группы преступлений против правосудия, посягающих на один и тот же непосредственный объект, даст возможность проанализировать механизм причинения вреда соответствующим благам и интересам, оценить пробельность или дублирование в законодательной регламентации и недостатки смежных норм. Кроме того, большинство преступлений против правосудия посягают на несколько непосредственных объектов, и их рассмотрение в различных структурных группах будет способствовать совершенствованию законодательства с учетом максимального количества необходимых факторов. Ведь именно комплексный анализ преступлений, посягающих на один и тот же непосредственный объект, будет в наибольшей степени способствовать достижению как научных, так и практических целей – разработке и формулированию оптимальных конструкций соответствующих уголовно-правовых норм и совершенствованию практики их применения.

Проиллюстрируем сказанное на примере анализа нормы, закрепленной в ст. 309 УК РФ. С одной стороны, данное преступление посягает на личную безопасность, честь и достоинство участников процесса вместе с деяниями, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена в ст. 295,

² В рамках данных групп отдельные авторы пытаются объединить составы, которые не подходят к другим группам, и в то же время избежать чрезмерного дробления. Названия таких классификационных групп, как правило, являются аморфными, носят слишком общий, неопределенный характер и обуславливают возможность включения в эту группу и других преступлений.

296, 297, 298 и 311 УК РФ. И в рамках данной группы, особенно при комплексном рассмотрении во взаимосвязи со ст. 296 УК РФ, сразу бросаются в глаза некоторые недостатки законодательной регламентации, связанные с определением круга специальных потерпевших в рассматриваемых нормах.

С другой стороны, рассматриваемое деяние посягает на интересы правосудия в сфере обеспечения процессуального порядка получения доказательств и установления истины по делу вместе с деяниями, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена в ст. 302-304, 306-309 УК РФ. И с этой позиции смежной для анализируемой в первую очередь является норма, закрепленная в ст. 302 УК РФ. При совместном анализе этих норм выявляются и другие проблемы, связанные с недостатками законодательной конструкции – в частности, вопросы о способах и целях принуждения.

Конечно, предлагаемый метод является далеко не единственным средством оптимизации системы норм, регламентирующих ответственность за преступления против правосудия. Необходим комплексный подход, включающий, в частности, и анализ внутриотраслевых и межотраслевых связей рассматриваемых норм, и применение методов сравнительного правоведения, и закрепление в законодательстве дефинитивных предписаний, и многое другое.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ НОРМ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ОХРАНУ ИНТЕРЕСОВ ПРАВОСУДИЯ

Намнясева Виктория Вячеславовна

*начальник кафедры уголовного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
полковник полиции*

В статье рассматриваются особенности построения системы уголовно-правовых норм, направленных на охрану интересов правосудия. В результате анализа предложенных различными авторами вариантов классификации преступлений против правосудия по признакам объекта преступления, делается вывод о невозможности построения по данному признаку непротиво-

речивой системы, соответствующей всем требованиям, предъявляемым к классификации. В то же время только комплексное рассмотрение группы преступлений против правосудия, посягающих на один и тот же непосредственный объект, дает возможность проанализировать возможности механизма причинения вреда, оценить пробельность или дублирование в законодательной регламентации и недостатки смежных норм. Предлагается авторский вариант решения рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: правосудие, классификация, система, уголовно-правовая норма, объект преступления.

SOME ISSUES OF OPTIMIZING THE SYSTEM OF RULES THAT PROVIDE CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF THE INTERESTS OF JUSTICE

Namnyaseva Viktoriya Vyacheclavovna

PhD in Law, Associate Professor

Head of the Criminal Law Department,

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

The article discusses the features of construction of the system of criminal law aimed at protecting the interests of justice. Based on the analysis of different classification of crimes against justice for the crime object, the author makes conclusion about the impossibility of constructing a consistent system that meets all the requirements for classification. At the same time, only a comprehensive review of offenses against justice encroaching on the same immediate object, gives the opportunity to analyze the possibility of a mechanism of inflicting harm, to evaluate the gap or duplication in the legislation and disadvantages of related legal norms. The author's version of the solution to the problem is proposed.

Key words: justice, classification, system, criminal law, object of the crime.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Смолянинов Е.С.

*Доцент кафедры уголовной политики и организации
предупреждения преступлений,
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)*

Многие теоретические принципы, в рамках которых формируется и проводится уголовная политика России в сфере экономики, на протяжении уже долгого времени, весьма трудно соизмерить. Коренные изменения общественных отношений в связи с переходом к рыночной экономике, конкуренция в мире бизнеса дают основание говорить о целесообразности и даже необходимости привлечения юридических лиц к уголовной ответственности[1]. В современных условиях корпорации имеют возможность совершать экономические, экологические, а также компьютерные преступления, оставляя реальных исполнителей незамеченными. Процесс ужесточения государственного контроля за имуществом и операциями компаний, деятельность которых чревата повышенной социальной напряжённостью, является первоочередной задачей государства. Почему то принято считать, что государство в этом случае должно осуществлять свою социальную функцию путём лицензирования отдельных видов деятельности. Однако справедливость данного вывода вызывает сомнения, в частности, анализ использования фирм-однодневок для совершения мошеннических действий в финансовой сфере в России в 90-х годах прошлого века показывает неэффективность государственного контроля в данной сфере.

В связи с этим, уголовная ответственность юридического лица, на наш взгляд, необходима, если общественно опасные последствия наступили в результате умышленных действий конкретных физических лиц, располагающих определенной властью в отношении формирования политики организа-

ции и уполномоченных действовать в интересах юридического лица (с использованием его сил и средств), а также за действия, совершенные по неосторожности.

Учитывая современную социально-экономическую ситуацию и состояние экологической безопасности в России, необходима переоценка существующих положений. При этом важно помнить о том, что анализ проблем привлечения юридических лиц к уголовной ответственности неизбежно отличается от традиционного подхода к чисто уголовно-правовой проблематике.

Субъектами уголовной ответственности могут быть не только те предприятия, организации и учреждения, которые имеют, согласно гражданскому законодательству, статус юридических лиц. При этом факт законного образования юридического лица не столь важен. Ведь если предприятие возникает с целью совершения действий, противоречащих закону, то тогда не имеет значения, является ли юридическое лицо де-юре или де-факто таковым, ответственность в данном случае должна возлагаться как на само юридическое лицо, так и на физических лиц, принимавших участие в осуществлении данной деятельности. К основным чертам, свойственным преступной деятельности юридических лиц, относятся следующие:

- 1) преследование экономических выгод;
- 2) высокий уровень организации и конспирации преступной деятельности юридического лица, что достигается в первую очередь при помощи подбора профессиональных кадров;
- 3) тесная взаимосвязь между членами юридического лица, ответственными за принятие конкретных решений, согласованность их действий;
- 4) наличие коррумпированных связей в аппарате власти;
- 5) контроль со стороны организованной преступности.

Особое внимание необходимо уделить проблеме, связанной с наличием у юридических лиц вины.

Данный вопрос является наиболее сложным, так как противники уголовной ответственности юридических лиц считают неразрешимой проблему их вины. А поскольку российское уголовное право стоит на позиции субъективного вменения, уголовно-правовые санкции в отношении юридических лиц кажутся им невозможными. Это обусловлено в первую очередь тем, что ответственность юридических лиц якобы всегда связана с объектив-

ным вменением (ответственность без вины), а это противоречит традиционным принципам уголовного права.

Так, принято считать, что уголовная ответственность может наступить лишь в том случае, если лицо, совершившее преступление, осознавало преступную цель своего действия, имело возможность предвидеть общественно опасные последствия и была возможность избежать их. Таким образом, действия лица должны быть волевыми. Отсюда, каждое волевое действие характеризуется наличием сознания и определенной цели. То, что каждое юридическое лицо имеет цель, не вызывает никаких сомнений. Сознанием же обладает только физическое лицо, то есть человек. Отсюда, с точки зрения критиков, и возникают основные сложности.

Вместе с тем все теории юридического лица признают, что людским субстратом каждого предприятия являются живые люди. Наряду с этим нельзя ставить знак равенства между юридическим лицом и коллективом людей, входящих в его состав, так как каждое юридическое лицо признается со стороны закона самостоятельным субъектом, существующим независимо от физических лиц[2]. Тем не менее, юридическое лицо не сможет действовать без индивидов. Поэтому, несмотря на тот факт, что существование юридического лица имеет самостоятельное значение, наличие физических лиц является необходимым условием для достижения определенных целей, в связи с чем, мы приходим к выводу о том, что деятельность юридического лица - это и есть деятельность его коллектива[3].

Считаем возможным признать, что виновность корпорации можно опосредованно определить через виновность конкретных физических лиц, если они в рамках своих служебных обязанностей совершают преступление с целью принести выгоду корпорации, то есть в интересах юридического лица с использованием его сил и средств. Следовательно, уголовно-правовые санкции к юридическому лицу могут применяться самостоятельно, а конкретные исполнители общественно опасного деяния, то есть физические лица, будут нести ответственность в зависимости от степени участия.

Вследствие этого считаем возможным утверждать, что уголовная ответственность юридического лица не исключает таковой в отношении физических лиц, причастных к преступлению. При этом под преступлением, совершенным юридическим лицом, будет признаваться общественно опасное деяние,

совершенное от имени или в интересах юридического лица лицом или лицами, которые контролируют осуществление последним его прав и обязанностей, с использованием сил и средств юридического лица. Для этого необходимы условия, при которых юридическое лицо может быть признано субъектом преступления. При раскрытии данного вопроса следует исходить из того, что:

во-первых, юридическое лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за особо опасные деяния, признанные уголовным законом преступными. При этом преступление может быть как умышленным, так и совершенным по неосторожности;

во-вторых, юридическое лицо может отвечать только за виновные действия лица, уполномоченного действовать в его интересах, которые носят служебный характер;

в-третьих, необходимо наличие в действиях служащего цели принести выгоду самому юридическому лицу;

в-четвертых, уголовно-правовые санкции к юридическому лицу могут применяться независимо от того, будут ли установлены конкретные исполнители общественно опасного деяния, то есть физические лица (управляющий либо члены совета директоров) или нет.

Исходя из этого, юридическое лицо может быть субъектом уголовной ответственности, если:

а) деяние было совершено от имени или в интересах юридического лица;

б) деяние было санкционировано, исполнено либо допущено по неосторожности органом, служащим, либо лицом, осуществляющим функции управления юридическим лицом;

в) деяние состоит в неисполнении или ненадлежащем исполнении прямого предписания закона, устанавливающего обязанность или запрет на осуществление определенной деятельности.

Практика использования данного института за рубежом выработала различные виды наказаний, которые могут быть применимы к юридическим лицам.

В Российской Федерации юридические лица (в случае введения уголовной ответственности) могут быть также подвергнуты следующим видам уго-

ловно-правовых наказаний:

- штраф;
- лишение права заниматься определенной деятельностью;
- закрытие всех предприятий юридического лица, использовавшихся для совершения инкриминируемых действий;
- конфискация имущества;
- помещение под судебный контроль;
- приостановление деятельности юридического лица;
- ликвидация юридического лица.

При этом все виды наказаний, применимых к юридическим лицам, условно можно разделить на три группы, в зависимости от порядка назначения наказания: основные, дополнительные наказания, которые могут назначаться как в качестве основных, так и в качестве дополнительных.

Основные наказания могут применяться только самостоятельно и не могут присоединяться к другим наказаниям. К таковым можно отнести следующие: штраф, закрытие всех заведений юридического лица, использовавшихся для совершения инкриминируемых действий, ликвидация юридического лица.

Дополнительные наказания назначаются лишь в дополнение к основным и не могут назначаться самостоятельно. В качестве таковых могут применяться только конфискация имущества, помещение под судебный контроль.

Приостановление деятельности юридического лица, лишение права заниматься определенной деятельностью могут применяться в качестве как основных, так и дополнительных видов наказаний.

Таким образом, уголовно-правовые меры в отношении юридических лиц не ограничиваются только лишь штрафными санкциями.

Кроме этого, к юридическим лицам могут применяться и такие меры пресечения, как замораживание или ограничение распоряжения банковскими счетами юридического лица, конфискация или изъятие имущества, использовавшегося в ходе или полученного в результате совершения преступления. В связи с этим, должно быть установлено следующее правило: если доказано, что юридическое лицо приобрело имущество во время нарушения законодательства и никаким другим путем эту собственность оно приобрести не могло, то следует предположить, что оно нажито преступным путем. Следовательно, данное имущество подлежит конфискации.

Исходя из вышеизложенного, следует вывод, что уголовная ответственность юридических лиц приобретает особенно важное значение в связи с преступной деятельностью транснациональных корпораций, которая наносит колоссальный ущерб экономике разных стран. В настоящий момент актуальна инициатива Следственного комитета России, разместившего на своем сайте проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [4], что требует детального анализа потребностей введения института уголовной ответственности юридических лиц в России.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Смолянинов Е.С.

*Доцент кафедры уголовной политики и организации
предупреждения преступлений
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)*

В статье рассматриваются вопросы охраны экономических отношений уголовно-правовыми мерами с учетом опыта зарубежных стран.

Ключевые слова: Уголовная ответственность юридических лиц, ответственность корпораций (компаний), публичные юридические лица, несостоятельность корпораций, основания уголовной ответственности компаний.

**CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL PERSONS
AS A DIRECTION FOR ENHANCING RUSSIA'S CRIMINAL
POLICY IN THE FIELD OF ECONOMY**

Smolyaninov E.S.

Associate Professor

Department of Criminal Policy and Organisation of Crime Prevention

Academy of Management of Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law

The issues of protection of economic relations with criminal law measures are touched upon in the article based on the experience of foreign countries.

Key words: Criminal liability legal persons, corporations (companies), public legal persons, corporate insolvency, grounds for criminal liability of companies.

К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО НАСИЛЬСТВЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Бурый Виталий Евгеньевич,

Доцент кафедры правовых дисциплин учреждения образования

«Могилевский институт МВД Республики Беларусь»,

кандидат юридических наук, доцент права,

подполковник милиции

Вопросы криминологической характеристики личности преступника (осужденного) насильственной направленности в различных аспектах отражены в своих трудах такие отечественные ученые-правоведы, как В.М. Хомич, В.А. Ананич, В.Б. Шабанов, О.П. Колченогова, В.Е. Бурый и др. [1–5].

Преступления насильственной направленности охватывают группу наиболее общественно опасных посягательств против жизни, здоровья, личной и половой неприкосновенности личности. К ним относятся убийство, умышленные тяжкие телесные повреждения, изнасилование, хулиганство и др.

Как показывает юридическая статистика правоохранительных органов Республики Беларусь, в 2015 году в стране на фоне тенденции уменьшения общего количества преступлений, количество зарегистрированных преступлений насильственной направленности (в т.ч. относящихся к бытовым), к сожалению, увеличивается. Так, например, на четверть увеличилось количество убийств и на треть – тяжких телесных повреждений (т.е. преступлений, относящихся к категориям тяжкие и особо тяжкие) [6, с. 3]. Увеличилось в 2015 году (в сравнении с 2014 годом) количество уголовных дел, возбужденных по статье 363 УК Республики Беларусь «Сопrotивление сотруднику органов внутренних дел или иному лицу, охраняющему общественный порядок» и статье 364 УК Республики Беларусь «Насилие либо угроза применения насилия в отношении сотрудника органов внутренних дел» [7, с. 4].

Следует также отметить, что в 2014 году в местах лишения свободы Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь отбывало наказание порядка 32% лиц, осужденных за преступления корыстной направленности,

31% – за насильственные преступления, 19% – за корыстно-насильственные.

Негативный общественный резонанс этих преступлений не только наносит ущерб наиболее важным в цивилизованном обществе ценностям, но и имеет много общих криминологически значимых черт и признаков, особенно если речь идет об убийствах и причинении тяжких телесных повреждений.

Несмотря на высокий удельный вес насильственной преступности, ее предупреждение и профилактика остаются одной из наиболее актуальных задач криминологической науки и правоохранительных органов, в т.ч. в рамках реализации задач Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [8].

Изучением криминологических характеристик осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы (архивы ИК-2, 4, 8, 9, 10, 11, 15, 17, 19, 20, 24, тюрем №№ 4 и 8 ДИН) за преступления насильственной мотивации (совершенные как в условиях свободы, так и исправительных учреждениях), отмечаются следующие особенности значимых признаков.

Личность преступника (осужденного) характеризуется множеством социально обусловленных признаков, которые можно объединить в две группы:

присущие личности вообще и приобретающие криминологическое значение только при рассмотрении их через призму факта совершения преступления (социально-демографические признаки);

прямо или косвенно связанные с совершением преступления (антиобщественные установки, уголовно-правовые и пенитенциарные признаки).

Указанные признаки, характеризующие личность осужденного, совершившего насильственное преступление, помогают изучать его в различных аспектах. Подобный подход позволяет наиболее полно раскрывать индивидуальные причины преступного поведения.

Криминологическая характеристика личности преступника приобретает практическую и научную значимость только при определенной систематизации черт, свойств и социальных связей личности преступника. Этим целям напрямую служит предлагаемая нами типология личности преступника (осужденного) и классификация преступников. Классификация преступников (осужденных), совершивших насильственные преступления в условиях свободы или в исправительных учреждениях (далее – ИУ), преследует цель распределения статистической совокупности таких лиц на определенные категории.

В основу классификации положены уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и социально-демографические критерии.

1. Критерии, основанные на данных об интенсивности преступной деятельности (уголовно-правовые признаки).

Принято считать, что любое повторное преступление находится в прямой зависимости от ранее совершенного. Это объясняется наличием у преступника (осужденного) характерных негативных стереотипов и привычек поведения, формирующих психологическую готовность к совершению нового преступления. В структуре преступников, совершивших насильственные преступления как в условиях свободы, так и в ИУ, преобладают лица со стойкой агрессивно-насильственной установкой.

Насильственный характер ранее совершенного преступления оказывает существенное влияние и на срок, назначенный судом за ранее совершенное преступление. Это, как правило, лица, отбывающие срок наказания не менее 8 лет лишения свободы.

Насильственные преступления в местах лишения свободы в большинстве случаев совершаются в группе. Основную часть составляют устойчивые группы отрицательной направленности, цель которых оказание противодействия исправительному процессу в пенитенциарных учреждениях.

Другим показателем уголовно-правовой характеристики насильственных преступников может служить количество судимостей, оно позволяет определить устойчивость антиобщественных установок личности (чем больше судимостей, тем глубже «криминальная зараженность»).

2. Критерии, основанные на данных об отношении осужденного к процессу исполнения назначенного судом наказания (уголовно-исполнительные признаки).

Большая часть лиц, совершивших насильственные преступления как в условиях свободы, так и в ИУ, характеризуется отрицательно (как правило, признаются злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания; имеют дисциплинарные взыскания; состоят/состояли на профилактическом учете в ИУ, как склонные к агрессии, нападению, азартным играм, захвату заложников, побегу и др.).

Следует также отметить, что в криминологической научной литературе принято говорить о том, что к этой категории относятся лица, поддерживаю-

щие «воровские» идеи и традиции, которые отличаются устойчивой отрицательной направленностью, имеют определенный авторитет среди осужденных. Они склонны к нарушению режима содержания, а применяемые к ним дисциплинарные взыскания воспринимают как должное, что объективно способствует повышению их авторитета.

3. Критерии, основанные на социально-демографических данных, главным образом по возрасту, полу, образованию.

Для осужденных, совершивших насильственные преступления, наиболее активными являются лица в возрасте 18-24 лет. Отсутствие необходимого жизненного опыта у лиц этой возрастной группы компенсируется различными демонстрационными формами агрессивного поведения. В структуре всех насильственных преступников доля этих лиц составляет около 33%.

Следующую возрастную группу составляют осужденные в возрасте 25-35 лет (27%), что связано прежде всего с тем, что в данном возрасте, как правило, завершается становление личности. Криминальная активность снижается у осужденных в возрасте 35-45 лет (21%) и 45-55 лет (14%). Самую малочисленную группу среди насильственных преступников составляют осужденные в возрасте 55 лет и старше.

Доля лиц мужского пола среди преступников (осужденных), совершивших насильственные преступления, достигает около 90 % от всех взрослых. Это объясняется тем, что преступниц (осужденных) женщин намного меньше, чем осужденных мужчин. Кроме того, сказывается разница в психофизических особенностях мужчин и женщин, а также в специфике их социальных ролей. Мужчины по сравнению с женщинами в большей степени ориентированы на агрессивность и насилие. Они имеют более широкий комплекс негативных пристрастий, что объективно создает условия для возникновения криминального конфликта.

Наиболее представительная группа по уровню образования – это преступники (осужденные), имеющие общее среднее и среднее специальное образование (54%). Доля преступников (осужденных), имеющих неполное среднее образование, составляет 24% от общего числа лиц, совершивших насильственные преступления. Незначительна доля лиц, получивших высшее образование, в том числе незаконченное, около 1,7 %.

4. Критерии, основанные на данных о семейном положении и роде занятия.

Семья традиционно рассматривается в качестве сдерживающего (анти-криминального) фактора. Так, больше половины преступников (осужденных), совершивших насильственные преступления, не имели семьи. В браке из числа этой категории состоял только каждый пятый.

В части, касающейся типологии преступников (осужденных), нами предлагается следующая, основанная на мотивационной направленности личности преступников (осужденных) данной категории.

Применительно к рассматриваемой группе преступлений можно выделить три основных типа насильственных преступников.

Первый тип: преступники (осужденные) с ярко выраженной, устойчивой агрессивно-насильственной направленностью. Их поведение ориентировано на общественно опасные посягательства против личности. Для них характерны негативно-пренебрежительное отношение к человеческой личности и ее важнейшим благам, убежденность в допустимости насильственных средств разрешения конфликтов. Такой поведенческий стереотип – результат глубокой деформации их личности, специфический продукт эгоцентрической жизненной направленности. Доля этих лиц, в общем числе совершивших насильственные преступления как в условиях свободы, так и в ИУ, составляет не менее 50%.

У определенной части осужденных этого типа агрессивно-насильственная направленность имеет столь глубокий характер, что их преступные действия в значительной мере утрачивают ситуационность. Ведущими чертами личности таких преступников являются озлобленность, жестокость, моральная нечувствительность и неспособность к состраданию. Эти осужденные при выборе формы разрешения конфликтной ситуации, не задумываясь, прибегают к самым крайним формам насилия. Один из характерных признаков подобного типа насильственных преступников – совершение преступлений с внезапно возникшим умыслом.

Мотивация их преступного поведения главным образом связана с таким отрицательным чувством, как гнев (злоба). Для них достаточно незначительного повода, чтобы примитивный стереотип самоутверждения, связанный с применением силы, воплотился в преступном посягательстве, причем нередко они сами создают криминогенную провоцирующую ситуацию.

«Шкала гнева» в порядке нарастания выраженности, «энергетической

мощности» этого негативного чувства выглядит примерно так: неудовлетворенность - недовольство - дискомфорт - разочарование - сожаление - напряжение (стресс) - нервозность - нервность - раздражение - раздражительность - нетерпение - нетерпимость - тревожность - беспокойство - обидчивость - злопамятность - черствость - жестокосердие - бессердечность - возмущение - гнев - злорадность - агрессивность - негодование - беснование - бешенство - ненависть - неистовство - ярость.

Но гнев редко ограничивается сферой чувств. В подавляющем большинстве случаев, гнев находит свое выражение в нашем поведении и, прежде всего в речи, действиях, поступках. «Шкала гнева» в сфере действий, поступков, действий, выглядит следующим образом: неприятие - неприязнь - неодобрение - порицание - брюзжание - недоброжелательность - несдержанность - прямолинейность - беспардонность - амбициозность - насмешливость - сарказм - презрение - пререкание - злословие - сквернословие - брань - угрозы - проклятия - агрессия - враждебность - месть - избиение - убийство.

Второй тип: это насильственные преступники, у которых направленность на совершение посягательств против личности явно не выражена, эти лица характеризуются в целом отрицательно и отбывают наказание, как правило, за насильственные или корыстно-насильственные преступления. Совершение насильственного преступления становится для них нередко средством достижения особо значимых целей. В ИУ в качестве таких целей выступает повышение социально-ролевого статуса в неформальной иерархии (доля этих лиц, в общем числе совершивших насильственные преступления, как в условиях свободы, так и в ИУ, составляет порядка 20%).

Третий тип: это так называемые ситуационные преступники. Обычно до отбывания наказания в ИУ или до пенитенциарного рецидива такие лица характеризовались нейтрально либо положительно, а насильственное посягательство совершили под воздействием неблагоприятных внешних обстоятельств. В их поведении отсутствуют признаки, характерные для представителей двух предыдущих типов. Они применяют насилие в качестве реакции на ситуацию, которую воспринимают как остроконфликтную. Как правило, это связано с защитой социально значимых в среде осужденных интересов. В структуре насильственных преступников их доля составляет около 30 %.

Механизм преступного поведения этих осужденных часто представляет

собой неадекватную реакцию на внезапно возникающую криминогенную ситуацию. Подобная неадекватность обусловлена интенсивным психологическим давлением неформальной группы или позицией ложно понимаемой солидарности с другими осужденными, придерживающимися таких же социальных установок.

В этом типе преступников самостоятельную группу могут составлять так называемые «отверженные». Для них насильственное преступное поведение – это реакция на длительную психотравмирующую ситуацию. Накопленное отрицательное психическое напряжение неожиданно проявляется у них в агрессивно-насильственных действиях. Их мотивация часто связана с чувством обиды, ненависти, мести к тем осужденным, которые причинили им максимальные страдания.

Каждый из указанных типов характеризует единый родовой объект или группу объектов преступного посягательства, но типология исходит не из этого критерия, а из характера антисоциальных целей и мотивов преступного поведения осужденных, отражающихся как в выборе объекта посягательства, так и в форме реализации преступного намерения.

Таким образом, глубокое изучение криминологической характеристики личности преступника (осужденного) насильственной направленности, на современном этапе развития белорусского общества, позволит не только качественно реализовать одну из задач Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (2010 г.), в части повышения эффективности предупреждения и профилактики преступности, но и уменьшить уровень пенитенциарного рецидива среди досрочно освобожденных из мест лишения свободы ((поскольку, как показывает правоприменительная практика ОВД, доля осужденных насильственной мотивации, досрочно освобожденных из МЛС и вновь совершивших преступление в течение 1-2 лет с момента досрочного освобождения, составляет не менее 46% (от всех лиц, совершивших пенитенциарный рецидив в течение указанного срока)).

К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО НАСИЛЬСТВЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Бурый Виталий Евгеньевич,

Доцент кафедры правовых дисциплин

учреждения образования

«Могилевский институт МВД Республики Беларусь»,

кандидат юридических наук, доцент права,

подполковник милиции

Указом Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672, утверждена Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения. Одной из задач данной Концепции является повышение эффективности предупреждения и профилактики преступности. В связи с этим, актуальность изучения криминологической характеристики личности преступника насильственной направленности не вызывает сомнений, поскольку более 50% преступлений, совершенных гражданами Республики Беларусь, составляют преступления насильственной и корыстно-насильственной направленности.

Ключевые слова: криминологическая характеристика личности преступника, преступность насильственной направленности, мотивация, гнев, агрессия.

PROBLEM OF CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CONDEMNED PERSON OF VIOLENT CONSIDERATION

Bury Vitali Evgenievich,

PhD (candidate of jurisprudence),

Assistant Professor of the Department of Law at the

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs,

Associate Professor of law, Lieutenant Colonel

The presidential Decree of 23.12.2010 № 672 approved the Concept of improving the system of criminal responsibility and the order of its fulfillment. One

of the objectives of this concept is to improve the prevention of crime. In this context, the relevance of the study of criminological characteristics of violent criminals is not in doubt, because more than 50% of crimes committed by citizens of the Republic of Belarus constitute violent crimes and mercenary violent crimes.

Key words: criminological characteristics of a criminal, violent crime, motivation, anger, aggression.

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ ПРАВОНАРУШИТЕЛЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Виноградов А.В.

*старший преподаватель-методист кафедры
уголовной политики и организации предупреждения преступлений
Академии управления МВД России*

Говоря о преступности, как о сложнейшем социальном явлении, хотелось бы особо отметить, что такая ее разновидность, как преступность несовершеннолетних, всегда вызывает у ученых повышенное внимание [5]. И это вполне обоснованно, поскольку молодое поколение является естественным резервом социального развития, а нарушения уголовного закона лицами юного возраста, их распространенность не только свидетельствуют о существующих недостатках воспитания, условий для включения молодежи в жизнедеятельность общества, но и в значительной мере выступают в качестве прогностической характеристики преступности в целом.

По мнению А.И. Долговой, выделение преступности несовершеннолетних позволяет более глубоко изучать ее особенности, специфику детерминации, причинности, а также разрабатывать дифференцированные меры специального ее предупреждения. Не учитывать криминологически значимые особенности преступности несовершеннолетних, значит не обеспечивать целенаправленный и дифференцированный подход к борьбе с ней [6, С. 889]. Такая точка зрения нам кажется вполне справедливой, так как преступность несовершеннолетних обладает рядом специфичных, присущих только ей характеристик. Их выделение, детальное рассмотрение и изучение предоставит возможность выработки более эффективных мер предупреждения исследуемого вида преступности. В России исследованию этой проблемы посвящены труды многих ученых¹.

На наш взгляд уголовное законодательство России играет наибольшую роль в правовом регулировании противодействия преступности несовершеннолетних. В соответствии с Уголовным кодексом РФ, его задачами являются

¹См. напр.: Г.М. Миньковского, Л.И. Беляева, А.И. Долгова, С.Е. Вицина, С.М. Иншакова и др.

не только охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, но и предупреждение преступлений [10].

Современная криминальная ситуация в России и анализ статистических данных позволяют сделать тревожный вывод о достаточно высокой преступной активности несовершеннолетних, особенно в сфере тяжких и особо тяжких преступлений (Таблица 1).

Таблица 1

Динамика и структура преступности несовершеннолетних (абсолютные числа)

		2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Число выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления		72692	65963	59461	60761	54089	54708
Число преступлений, совершенных несовершеннолетними		62689	57929	52203	55641	48851	50514
Глава 16 УК РФ		6244	5092	4623	4499	4224	4696
Из них	Ст.105 УК РФ	265	211	178	192	142	116
	Ст.111 УК РФ	937	774	599	581	548	482
	Ст.161 УК РФ	9457	8051	5937	5405	4193	3889
	Ст.162 УК РФ	1251	1052	675	638	551	460

Рассматривая преступность несовершеннолетних в России, можно констатировать, что за 2015 год темп ее прироста по отношению к предыдущему году составил (+3,4%), при этом количество несовершеннолетних, ранее совершавших преступления, возросло и составило(+1,1%), а удельный вес в структуре преступности несовершеннолетних составил 25,7 %. Это не позволяет нам в целом оценивать состояние преступности несовершеннолетних, как стабильное или даже благополучное, так как состояние латентности в преступности несовершеннолетних самое высокое [8, С. 36-40].

Преступность несовершеннолетних, наряду с общими особенностями, имеет и ряд собственных, отличительных характеристик, которые проявляют-

ся в первую очередь в причинном комплексе и мотивации формирования преступного поведения и, как следствие, в ее уровне и тенденциях развития.

Так, структура преступности несовершеннолетних в России выглядит следующим образом: 51,2% - кража; 19% - разбой, грабеж; 3% - убийство, покушение на убийство, изнасилование, покушение на изнасилование, причинение тяжкого вреда здоровью; 2,3% - незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ; 2,1% - вымогательство; 0,5% - хулиганство; 21,9% - иные преступления [7].

Анализ преступности несовершеннолетних, с одной стороны, - инструмент выявления криминогенных факторов в социуме, а с другой - база для прогноза преступности в целом.

Криминализация детей и подростков - это криминализация будущего нашей страны. По процессам, происходящим в детской и молодежной среде, мы можем с большой долей вероятности судить о том, каким будет наше общество в перспективе, в том числе какой будет преступность.

Совершенно справедливым является мнение Г.И. Забрянского, который полагает, что до 90% всех преступлений в общей преступности несовершеннолетних составляют три вида: 1) корыстные преступления (преступления против собственности, имущественные преступления); 2) насильственные преступления (преступления против личности и др.); 3) преступления против общественной безопасности и здоровья населения. В целом, по действующему законодательству, уголовную ответственность несовершеннолетние могут нести более чем по 130 видам преступлений. Из них подростки реально совершают до 25 [3, С. 9]. Однако, по нашему мнению, в данный перечень очень важно на сегодняшний день внести вид корыстно-насильственной преступности, которая неуклонно возрастает и доминирует в преступном и девиантном поведении несовершеннолетних.

Помимо исследовательских и прогностических аспектов изучения преступности несовершеннолетних, есть еще один - гуманитарный. Дети относятся к числу наименее защищенных социальных групп населения. Такое направление воздействия, как профилактика преступности в смысле защиты от нее, защиты от поражения социальных групп «криминальным вирусом», имеет наибольшее значение именно применительно к несовершеннолетним: детям и

молодежи [9]. К сожалению, уровень криминальной пораженности данной части населения в современный период достаточно высокий [2, С. 455-460].

Следует отметить, что специфика преступности несовершеннолетних может быть рассмотрена как обусловленная комплексом взаимосвязанных факторов, относящихся к возрастным, социальным, психологическим особенностям несовершеннолетних, специфике социального статуса [1]. Установление таких специфических черт, обуславливающих правонарушающее поведение несовершеннолетних, особенности их качественных и количественных параметров, их анализ являются основой для разработки мер предупреждения, ориентированных на применение в отношении данной возрастной группы.

Однако, следует констатировать тот факт, что в настоящее время по-прежнему сохраняются негативные факторы, объективно снижающие эффективность профилактической работы с несовершеннолетними. К их числу относятся:

1) проблема безнадзорности несовершеннолетних, затронутая президентом Российской Федерации в ходе состоявшегося 04.03.2015 расширенного заседания коллегии МВД России (в 2014 г. из неблагополучных семей ушли более 30,5 тыс. подростков) [11];

2) молодежная наркомания, которая на протяжении многих лет является одной из социально значимых проблем российского общества (в 2015 г. количество выявленных правонарушений, связанных с потреблением несовершеннолетними наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, возросло на 8,6%) [7];

3) низкая эффективность деятельности всех субъектов системы профилактики (например, в 2014 г. прокурорами выявлено значительное количество нарушений законов в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (104 897), что на 8,2% больше, чем в 2013 г. (96 943) [4, С. 78].

Как социальная проблема, преступность несовершеннолетних продолжает оставаться в центре внимания ученых. Это можно объяснить особенностями подростковой преступности, постоянным изменением социальных, экономических условий и законодательства, а также гуманными соображениями, т.е. необходимостью оградить подрастающее поколение от вовлечения в противоправную деятельность. Кроме того, вызывает тревогу тот факт,

что в последние годы прослеживается рост преступлений против семьи и несовершеннолетних (Таблица 2). В среднем, ежегодно в Российской Федерации совершается более 200 тыс. преступлений, так или иначе посягающих на права и интересы несовершеннолетних. По статистическим данным МВД РФ, в 2015 г. потерпевшими от различных преступлений стали 101 235 детей (что составляет 6,4% от общего количества потерпевших от преступлений) [7].

Таблица 2

Динамика и структура преступности в отношении несовершеннолетних
(абсолютные числа)

		2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Всего		97159	89896	84558	84055	85812	95208
Глава 20 УК РФ (преступления против семьи и несовершеннолетних)		62780	70649	71743	74080	77490	78603
Из них	Ст. 150 УК РФ	3727	3132	2265	1963	1660	1858
	Ст. 156 УК РФ	4757	3635	2912	2480	2161	2117
Глава 16 УК РФ (преступления против жизни и здоровья)		29701	27919	29041	29709	30138	33333
Из них	Ст.105 УК РФ	497	501	504	505	439	415
	Ст.111 УК РФ	745	649	514	511	447	398
	Ст.161 УК РФ	14189	9853	6807	5274	3801	3333
	Ст.162 УК РФ	1602	1216	1136	905	602	587

К тому же, необходимо отметить, что до сих пор до конца не исследован вопрос о том, как влияет преступность в отношении несовершеннолетних на преступность самих несовершеннолетних, и какая между ними взаимосвязь. Для того, чтобы это установить и научно доказать, необходимо провести исследование (изучить уголовные дела, в которых фигурируют несовершеннолетние, провести анкетирование несовершеннолетних, совершивших преступления и лиц, ставших жертвами преступных посягательств и т.д.), и возможно поучиться выявить определенные тенденции, определить, какие средства уголовной политики в отношении несовершеннолетних работают лучше всего, а какие не используются либо нуждаются в совершенствовании,

разработать меры, направленные на изменения положения несовершеннолетних в лучшую сторону. И нельзя забывать, что приоритетным направлением в этой сфере должна быть предупредительная деятельность по устранению причин и условий, порождающих преступность несовершеннолетних.

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ ПРАВОНАРУШИТЕЛЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Виноградов А.В.

*старший преподаватель-методист кафедры
уголовной политики и организации предупреждения преступлений
Академии управления МВД России*

В данной статье автором рассматривается такая важная составляющая преступности в России, как преступность несовершеннолетних. Проводится анализ, как состояния преступности несовершеннолетних, так и преступности в отношении несовершеннолетних, а также различных точек зрения ученых, касающихся данной проблемы, делаются соответствующие выводы.

Ключевые слова: уголовный закон, криминальная ситуация, состояние преступности, несовершеннолетний.

JUVENILE OFFENDER IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

Vinogradov A.V.

*Senior Lecturer-methodist of the Department of Criminal
Policy and Organization of Crime Prevention
Academy of Management of the Interior Ministry of Russia*

The article is devoted to juvenile crime in Russia. The analysis of a condition of juvenile crime, and crimes against juveniles is carried out, and also various points of view of scientists concerning this problem, corresponding conclusions are drawn.

Key words: criminal law, criminal situation, crime, juvenile.

ОПЫТ США В ОБЛАСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА С УЧАСТИЕМ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ПОЛИЦИЕЙ

Труханова А.Г.

*адъюнкт кафедры уголовной политики и организации
предупреждения преступлений
(Академия управления МВД России)*

При исследовании опыта Российской Федерации в области предупреждения преступлений и иных правонарушений, в обеспечении охраны правопорядка и национальной безопасности силами негосударственных субъектов правоохранительной направленности, приходим к выводу, что данное направление в указанной деятельности не имеет особой уникальности. Поиск эффективных путей и методов предупреждения преступлений и иных правонарушений на протяжении многих десятилетий остается одной из наиболее острых и пока неразрешенных проблем как в России, так и в зарубежных государствах [1]. Взаимодействие общественных объединений с правоохранительными органами является характерным явлением для многих государств, так как представляет собой проявление сознательного активного участия населения в общественной жизни, в связи с мотивированием граждан о поддержке и обеспечении общественного порядка, снижения уровня преступности в целом, оказание содействия в профилактике правонарушений.

Изучение публикаций зарубежных исследований по проблемам противодействия преступности показывает, что несмотря на ужесточение уголовной политики в ряде зарубежных государств, связанной с активизацией терроризма и организованной преступностью, одним из приоритетных направлений в деятельности правоохранительной системы остается по-прежнему предупреждение преступлений [2].

Кроме того, научно-исследовательским институтом полиции Польши МВД в 1993-1996 гг. были изучены результаты проведенного исследования о

проблемах взаимодействия общественных формирований с полицией. Результаты исследования заключались в следующем: 66% опрошенных респондентов оказались сторонниками позиции, что взаимодействия с органами полиции являются обязанностью каждого гражданина [3].

Данное изучение проблемы взаимодействия населения и полиции, проведенное соискателем в рамках диссертационного исследования, подтверждает позицию и населения субъектов Российской Федерации. В ходе проведенного социологического исследования Российским государственным социальным университетом в 2015 г., по изучению общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел РФ, было установлено, что 57 % респондентов доверяют полиции в обеспечении своей личной и имущественной безопасности, а 89 % от числа опрошенных положительно ответили на вопрос, следует ли помогать органам внутренних дел [4].

По данному вопросу можно в пример привести и данные о численности сотрудников частных полицейских служб, полученных в результате проведенного исследования И.А. Ревиним, который установил, что в частных полицейских службах США занято свыше 1 млн. человек, а численность частных сыщиков и охранников в Великобритании в два раза превышает штатную численность обычной полиции страны [5]. Данные свидетельствуют о том, что функционирование общественных формирований в сфере как административного, так и уголовно-правового регулирования, своего рода "перекрывает" большую часть проблем современной национальной безопасности и вносит значимый вклад в сферу организации предупреждения преступлений.

Даже если рассматривать сегодняшнюю внешнеполитическую ситуацию, то очевидно, что государство в лице только правоохранительных органов из-за нехватки сил и средств не может обеспечить своим гражданам надлежащие услуги, связанные с защитой их безопасности, собственности и интересов. В связи с чем, гражданину проще обратиться в частные службы безопасности и оплатить услуги, чем полагаться на государственную службу, которая перегружена работой по защите общественных интересов, в первую очередь общеуголовной направленности.

Национальный институт правосудия США провел финансирование на проведение научных исследований по вопросу частных служб безопасности, в ходе чего были получены следующие результаты: частная система защиты

граждан к 90-м годам стала преобладающей в области предупреждения преступлений. Она превзошла государственную службу по расходам на 75 %, а по числу работающих - в 3 раза. Кроме того, увеличились и затраты на развитие таких служб. Для понимания, приведем следующие показатели: в 1981 г. затраты на государственную полицию составили 13,8 млрд. долларов, а частной полиции - 21,7 млрд. К 1991 г. они возросли до 52 млрд. долларов. В тот же год было затрачено 30 млрд. долларов. В итоге, в период с 1980 по 1990 год ежегодно расходы на частные службы превышали расходы на государственные в среднем на 57%. В исследовании американской фирмы "Холлкрест Систем Инк", получившем название "Перспективы частной службы безопасности до 2000 г." было следующее утверждение: "американский бизнес движется к частной системе уголовной юстиции" [7].

После того, как в Нью-Йорке во всемирном торговом центре 9 сентября 2001 г. произошел террористический акт, президент США Дж. Буш издал исполнительный приказ 13228 [8], где была переоформлена организационная структура, обеспечивающая безопасность страны и общества. Кроме того, законодатель упростил процедуру получения правоохранительными органами санкции суда на прослушивание разговоров и проведение обысков. Новая организационная структура системы безопасности получила название (Homeland Security System) [9].

Кроме того, программы предупреждения преступлений с участием граждан стали в США нормой, где основная задача заключается в осуществлении совместного контроля над преступностью по месту жительства последних. И такие программы имеют показатель снижения уровня преступности.

Популярной программой с участием населения является "Полицейская академия для граждан", в ходе которой осуществляются ознакомительные занятия и инструктажи по вопросам личной безопасности.

Кроме того, в США имеется классификация программ по осуществлению борьбы с преступностью:

- **комплексные программы** - осуществляется контроль над преступностью или сдерживанием ее методами предупреждения, пресечения и судебного преследования.
- **профилактические программы** - осуществляется как сотрудниками полиции, так и общиной (*национальные частные и общественные орга-*

низации) самостоятельно. Данная программа реализуется непосредственно в конкретных местах жительства населения (в районах с высоким уровнем преступности) с целенаправленным профилактическим воздействием на конкретные виды преступления.

Также в США в настоящее время особое внимание уделяется программе по предотвращению проникновений в помещения с целью совершения квартирных и других краж.

- ❖ Например, в штате Миннесота осуществляется программа "**Операция по идентификации**". Суть программы: жители штата с помощью специальных инструментов или карандашей маркируют (ставят отличительные отметки) свою собственность, из сочетания 16 букв или цифр (первые десять букв и цифр представляют собой индекс полицейского органа США) или же заказывают технико-информационную программу посредством чиповых сигнализаций со спутнико-отслеживаемой программой (например: против угона эксклюзивных марок автомобилей). И как показывает практика, преступники избегают хищения такой собственности, в связи со сложной реализацией последнего, а следовательно, не представляющей интереса без извлечения материальной выгоды.

Кроме того, как показал анализ результатов, проведенный национальной ассоциацией шерифов США, данные программы способствовали преодолению отчужденности между жителями отдельных районов, которое долгое время было главным препятствием на пути реализации профилактических мероприятий. Согласно официальным данным, например в г. Детройте за три года действия программы в жилых кварталах, где были созданы такие общественные формирования, как группы наблюдения, количество преступлений снизилось на 58 %. В округе Сантамон и в г. Спрингфилд преступность снизилась на 84 %. Число арестов преступников возросло на 27 % [10].

Во многих штатах США действует программа "**CRIME STOPPERS**" (**БОРЦЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**). Суть программы - постоянное наблюдение групп лиц за состоянием правопорядка в районе проживания с целью интенсивного воздействия на преступность. Данная программа была разработана в связи с тем, что местные органы власти и полиция не в состоянии были остановить и минимизировать стремительный рост преступности в отдельных регионах страны. Такая программа охватила сначала 8 городов (Атланту, Бал-

тимор, Кливленд, Даллас, Денвер, Нью-Йорк, Портленд (штат Орегон) и Сент-Луис), которые были пропитаны преступностью. В течение первых двух лет реализации данной программы, преступность снизилась на 5 %, через три года - на 20 %. Кроме того, была разработана отдельно программа количественной оценки эффективности реализации планов:

- **первый этап:** определить характер проблем в области борьбы с преступностью. Для анализа были проведены в телефонном режиме опросы потерпевших, изучено общественное мнение, получены данные у полиции о состоянии преступности. После того, как план изложен с указанием конкретных проблем и перечнем того, что необходимо сделать, он передается на рассмотрение органам местной власти.

К примеру, для того, чтобы сократить уровень квартирных краж со взломом, разработчики изучили литературу, касающуюся таких вопросов, как тактика совершения и способы борьбы с таким видом преступления.

В дальнейшем, были разработаны меры по предосторожности: (т.е. установление чипов со спутнико-поисковой системой отслеживания, отметки (маркировка) вещей, способы оказания противодействия и задержания преступника (наблюдение со стороны соседей и вызов полиции) и подготовлены специальные брошюры по вопросам личной безопасности.

- **второй этап:** разработка и обеспечение выполнения мероприятий, направленных на решение этих проблем.
- **третий этап:** оценка решения выполненного объема по борьбе с преступностью, с анализом полученных данных и использованием положительного опыта в практической работе всех служб.

Помимо этого, важно было оценить, в какой степени сотрудничали друг с другом жители, выполняя эту программу. Результат данной программы был следующим: на 50 % были снижены квартирные кражи со взломом и проникновения с целью ограбления.

Анализ результатов осуществления таких программ позволил сделать важные выводы с целью применения эффективного опыта США о том, что привлечение населения в качестве наблюдателей - активистов целесообразно, но при следующих трех условиях:

- должны быть проведены обязательные первоначальные курсы подготовки для лиц, вступивших в группы наблюдения;

- должно быть надежное техническое обеспечение каждой группы наблюдения с полицией;
- должна быть всемерная поддержка групп со стороны органов местного управления.

Жители США в 70-е годы, для защиты своих интересов от криминальных посягательств, объединялись и организовывали добровольные группы для борьбы с преступностью, а в 1981 г. данная форма участия населения переродилась в ассоциации, которые существуют уже повсеместно и в настоящее время насчитывают более 5 миллионов человек. Такая форма участия населения в борьбе с преступностью привела к значительному сокращению количества таких видов преступлений, как грабеж, кража со взломом и масштабное распространение наркотиков в школах.

На местном уровне наиболее широко и активно в США реализуется программа **"Квартальное наблюдение" (Соседский присмотр)**. Содержание данной программы проводится по трем направлениям:

- объединение в группы или отряды граждан с целью ведения наблюдения за подозрительными лицами и информирования об этом полиции;
- маркировка имущества (руководители квартального наблюдения наклеивают на окна специальные марки, предупреждающие преступников о том, что ведется наблюдение и имущество маркировано)
- организация посещений сотрудниками полиции домовладельцев.

Количество квартир, домов, которое входит в программу наблюдения, согласно рекомендациям, не должно превышать 400-600. Но на практике показатель варьируется до 2 000. Данная программа считается реализованной тогда, когда она утверждена на общем собрании жителей района, квартала, выбраны представители домовых и уличных комитетов, которые будут непосредственно информировать обо всем происходящем на закрепленном участке сотрудниками полиции. Согласно представленным данным полицейской статистики г. Детройт, который ранее был рекордсменом по количеству убийств, был отмечен Международным сообществом по предупреждению преступлений в качестве примера эффективной реализации указанной выше программы.

Но, даже несмотря на такую проведенную профилактику, согласно дан-

ным института общественного мнения Гэллапа, 48 % американцев опасаются находиться на улицах в темное время суток.

Ассоциация добровольных групп помощи полиции имеет около 450 отделов в 23 штатах США. В рамках указанного общественного формирования, хорошо отлажен канал получения оперативных сведений по вопросам предупреждения преступности с местной полицией, так как ведется постоянный информационный обмен, в ходе которого приобретаются навыки. Данная ассоциация внесена в законопроект о содействии органам правосудия, в связи с чем предусматривается оказание финансовой помощи.

Кроме того, стоит отметить, что в последнее время полиция в США привлекает и почтальонов для борьбы с преступностью, т.е. при несении службы на своем участке, почтальоны должны быть бдительными и сообщать в полицию по телефону о замеченных ими подозрительных лиц, так как именно почтальоны прекрасно знают и ориентируются в своем районе. Помимо этого, почтальоны проходят соответствующую подготовку для выявления противоправных действий. При этом, сами они не должны вступать в единоборство с преступником, в связи с тем, что последние, как показывает практика, могут быть вооружены. Данная мера в основном актуальна в борьбе с квалифицированными кражами (кражи со взломом). Данная программа пользуется большой поддержкой общественности. С одной стороны она не требует затрат, а с другой стороны является действенным средством, сдерживающим потенциальных преступников. Особенно имеется значительный спрос указанной программы в штате Флорида США в летний период времени, так как его население увеличивается с 6,5 до 80 тыс.человек.

Лица, которые желают быть в резерве полиции, должны пройти 97-часовую специальную подготовку, где им выдается обмундирование. Их также могут привлечь к работе в судах или дежурной части полиции. Указанные лица - резервисты, получают разрешение на приобретение собственного оружия и несут патрульно - постовую службу. При этом, добровольцы проходят проверку на пригодность службы в полиции, и имеют те же права, но посвящают этой работе лишь часть своего свободного времени [11].

Кроме того, согласно положениям региональных вышеуказанных программ, полиция проводит работу по повышению правосознания и оказания взаимопомощи всего населения США в борьбе с преступностью. Особенно

важным является информирование населения через СМИ о состоянии преступности в отдельных районах об уличной преступности, кражах автомобилей, мошенничестве, насильственных действиях и т.д.

В заключении можно сказать следующее: общепрофилактическая деятельность правоохранительных органов зарубежных государств по защите граждан и всех форм собственности достаточно многообразна, однако, без взаимодействия и сотрудничества с общественными объединениями, такая деятельность не будет являться эффективной. Кроме того, зарубежный опыт профилактики преступлений также показал, что никакого эффекта от применения жестких мер правоохранительными органами не последует и к успеху в борьбе с преступностью не приведет.

ОПЫТ США В ОБЛАСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА С УЧАСТИЕМ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ПОЛИЦИЕЙ

Труханова А.Г.

*адъюнкт кафедры уголовной политики и организации
предупреждения преступлений
(Академия управления МВД России)*

В статье рассматриваются и анализируются вопросы развития профилактической деятельности США, осуществляемой полицией при взаимодействии с общественными объединениями в области предупреждения преступлений и правонарушений.

Ключевые слова: общественные объединения, региональные программы штатов США по предупреждению преступлений с участием населения.

**THE US EXPERIENCE IN THE FIELD OF CRIME
PREVENTION AND LAW ENFORCEMENT WITH THE
PARTICIPATION OF PUBLIC ASSOCIATIONS IN THE
INTERACTION WITH THE POLICE**

Trukhanova A. G.

*Adjunct of the Department of Criminal Policy
and Organization of Crime Prevention*

(Academy of Management of MIA of Russia)

The article examines and analyzes the development of preventive activities in the USA, carried out by the police in the interaction with public associations in the field of prevention of crimes and offences.

Key words: public associations, regional programs of U.S. States for crime prevention with the participation of the population.

О ВОЗМОЖНОМ ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

Шкаплеров Юрий Павлович

первый заместитель начальника

Могилевского института МВД

Республики Беларусь,

кандидат юридических наук, доцент

Пановицын Алексей Михайлович

преподаватель кафедры тактико-

специальной подготовки Академии МВД

Республики Беларусь

Постоянно растущие возможности информационных технологий, с одной стороны создают дополнительный потенциал для организации террористических актов, а с другой – позволяют эффективно им противодействовать на более высоком уровне. В последнее десятилетие одним из самых распространенных способов борьбы с применением дистанционных взрывателей на базе устройств сотовой связи стало использование портативных и стационарных активных постановщиков помех (блокираторов). Неоспоримым достоинством данного метода является высокая мобильность и избирательная работа в частотных диапазонах сотовой связи, что способствует изоляции сигналов, поступающих от командных устройств к исполнительным элементам дистанционной активации взрывчатых веществ. В то же время действие блокираторов в качестве средства профилактики террористической угрозы (в случае их применения при отсутствии информации о ней) парализует работу всех мобильных телефонов, попадающих в радиус действия постановщика помех, что не позволяет применять указанную методику в качестве профилактического средства в местах большого скопления людей. Постоянно работающий блокиратор оставляет граждан без связи, что является неприемлемым и нарушает законодательство большинства стран. В то же время отсутствие средств профилактики терроризма может повлечь за собой трагические последствия.

В этой связи, в поисках новых методов профилактики террористической угрозы в общественных местах и местах проведения массовых мероприятий, были изучены технологические возможности операторов сотовой связи. Цель данной работы заключается в выявлении возможностей использования штат-

ного оборудования операторов мобильной связи для построения систем безопасности, снижающих вероятность применения мобильных телефонов в качестве радиовзрывателей.

Структурное разделение сети GSM на две системы позволило исключить из рассмотрения «Систему базовых станций», как отвечающую за функции, относящиеся к радиоинтерфейсу

Анализ работы «Коммутационной системы», выполняющей функции обслуживания вызовов и отвечающей за реализацию всех назначенных абоненту услуг, позволил определить направление разработки методики организации профилактических мероприятий, снижающих вероятность использования мобильных телефонов для активации взрывных устройств. В основу методики положены принципы взаимодействия основных узлов центра коммутации. Центр коммутации мобильной связи (MSC) представляет собой автоматическую телефонную станцию системы сотовой связи, обеспечивающую все функции управления сетью. Он осуществляет постоянное слежение за подвижными станциями, организуя эстафетную передачу, в процессе которой достигается непрерывность связи при перемещении абонентов из одной соты в другую; переключение рабочих каналов в соте при появлении помех или неисправностей; производит соединение подвижного абонента с тем, кто ему необходим в обычной телефонной или мобильной сетях [6, с. 10].

Работа центра коммутации предполагает активное участие операторов, поэтому в состав центра входят соответствующие терминалы, а также средства отображения и регистрации информации [6, с. 118]. Кроме того, центр коммутации управляет работой визитного регистра (VLR) и обменивается информацией с опорным регистром местоположения (HLR). Когда в процессе перемещения абонент переходит из зоны действия одного контроллера базовой станции BSC, объединяющего группу базовых станций, в зону действия другого BSC, он регистрируется новым BSC, и в визитный регистр заносится информация о номере области связи, которая обеспечит доставку вызовов абоненту. В то же время регистр положения HLR хранит ту часть информации о местоположении какой-либо подвижной станции, которая позволяет центру коммутации доставить вызов.

Для сохранности данных, находящихся в HLR и VLR, в случае сбоев предусмотрена защита устройств памяти этих регистров. VLR содержит такие же

данные, как и HLR, однако эти данные содержатся в VLR только до тех пор, пока абонент находится в зоне, контролируемой VLR [6, с. 18]. Когда абонент перемещается в зону обслуживания нового центра коммутации, визитный регистр, подключенный к новому центру коммутации MSC, запрашивает информацию об абоненте из того опорного регистра, в котором хранятся данные этого абонента. Опорный регистр местоположения посылает копию информации в визитный регистр и обновляет у себя информацию о местоположении абонента. Когда абонент звонит из новой зоны обслуживания, визитный регистр уже располагает всей информацией, необходимой для обслуживания вызова. В случае роуминга абонента в зону действия другого коммутационного центра, визитный регистр VLR запрашивает данные об абоненте из опорного регистра местоположения, к которому принадлежит данный абонент. По своей сути VLR – это локальная база данных в данной зоне о подвижном абоненте. В регистре положения хранится та часть информации о местоположении какой-либо подвижной станции, которая позволяет центру коммутации доставить вызов. Этот регистр содержит международный идентификационный номер подвижного абонента (IMSI), который используется для опознавания подвижной станции в центре аутентификации (AUC), а также еще некоторые данные, необходимые для нормальной работы сети GSM [2, с. 123]. Следовательно, для обеспечения общественной безопасности и профилактики террористической угрозы, на любом объекте достаточно в базе данных VLR избирательно на программном уровне внести изменения коммутационных возможностей находящихся там потенциально опасных абонентов.

Сота является базовым элементом сотовой системы и определяется как область радиопокрытия, обеспечиваемого одной антенной одной базовой станции. Каждой соте назначается свой уникальный номер, называемый Глобальным идентификатором соты (CGI). Чтобы разделить территорию на соты оптимально, т.е. без перекрытия или пропусков участков, могут быть использованы три геометрические фигуры – треугольник, квадрат и шестиугольник [3, с. 7].

Зона местоположения (LA) представляет собой область, в которой вероятнее всего может в данный момент перемещаться абонент. Каждая зона местоположения обслуживается одним центром коммутации мобильной свя-

зи. Каждой зоне местоположения назначен идентификатор зоны нахождения абонента (LAI – Location Area Identity).

Зона обслуживания MSC состоит из некоторого числа LA и отображает географическую часть сети, находящуюся под управлением одного коммутационного центра.

В результате, в зависимости от географической протяженности участка местности, на котором необходимо снизить вероятность использования GSM-взрывателей, определяются центр коммутации и обслуживаемые им номера групп сот. Далее, из визитного регистра, обслуживающего центр коммутации, считывается информация об абонентах, находящихся на профилируемой территории для анализа их потенциальной опасности.

Представляется, что наибольшая потенциальная террористическая угроза исходит от трех категорий абонентов. Первая – это абоненты, ранее не использовавшие SIM-карту для звонков и сообщений; вторая – не имеющие официально оформленного договора на пользование услугами связи (обслуживание абонентов по предоплате); третья – находящиеся в роуминге. Первая категория абонентов не имеет «истории звонков и перемещений», вторая категория не дает информации о «хозяине телефона», третья – может сочетать в себе обе предыдущих. Во всех перечисленных случаях значительно усложняется процедура установления личности террориста.

Проведенные статистические исследования в данной области показали, что в среднем около 0,1% абонентов, воспользовавшихся услугами сотовой связи в период времени и на территории проведения массовых мероприятий, соответствуют указанным категориям. Анализу подвергались данные, полученные от двух крупнейших операторов сотовой связи Республики Беларусь, – СП ООО «МЦС» (Velcom) и СООО «МТС». В результате исследования установлено, что при проведении футбольного матча 20 сентября 2012 г. на стадионе «Спартак» г. Могилева в период с 18.00 по 21.00 воспользовались телефонами 1912 абонентов МТС, из них 2 абонента (0,1 % от общего числа) впервые воспользовались услугами электросвязи. В период проведения осенней сельскохозяйственной ярмарки, проходившей 3 ноября 2012 г. в г. Могилеве, на открытой площадке возле Дворца культуры области в период с 10.00 до 17.00 абоненты Velcom воспользовались услугами электросвязи 4126 раз. Из общего количества установленных соединений ранее не использовали SIM-

карты 5 абонентов (0,12 % от общего количества). 30 декабря 2012 г. в период с 8.00 по 17.00 при проведении праздничных мероприятий на открытой концертной площадке г. Могилева, услугами электросвязи МТС воспользовались 5211 абонентов. Среди общего количества установленных соединений выявлено 6 абонентов (0,11 % от общего числа), впервые воспользовавшихся SIM-картой. За время хоккейного матча, проходившего 31 января 2013 г. в Ледовом дворце г. Могилева, 234 абонента Velcom воспользовались мобильной связью. Среди них лиц, впервые использовавших SIM-карты, не выявлено [5, с. 170].

Для организации мероприятий по профилактике террористической угрозы в местах постоянного или временного большого скопления граждан, достаточно средствами мобильного оператора исключить из обслуживания потенциально опасных абонентов. Критерием оценки потенциальной опасности абонентов целесообразно считать биллинговую информацию о количестве потребляемых услуг связи. Данные биллинга генерируются центром коммутации в режиме реального времени при совершении звонков, отправке сообщений, использовании канала передачи данных и являются прямой характеристикой активности абонента. Предлагаемые ограничения избирательно затронут только малую часть абонентов, относящихся к категории потенциально опасных, и не повлияют на качество обслуживания остальных граждан.

Ограничения для потенциально опасных абонентов будут вводиться лишь в случае нахождения такого абонента на территории и во время проведения массовых и иных мероприятий. По окончании мероприятий или перемещении абонента за пределы мест большого скопления граждан, наложенные ограничения автоматически снимаются. Применение указанных методов позволит организовать профилактические мероприятия по снижению вероятности использования мобильных телефонов в качестве дистанционных взрывателей и повысит эффективность мер безопасности в целом.

О ВОЗМОЖНОМ ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

Шкаплеров Юрий Павлович

*первый заместитель начальника
Могилевского института МВД
Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

Пановицын Алексей Михайлович

*преподаватель кафедры тактико-
специальной подготовки Академии МВД
Республики Беларусь*

Угроза совершения террористических актов является актуальной для большинства стран мира. В последние десятилетия для приведения в действие взрывных устройств террористы довольно часто используют мобильные телефоны, как наиболее простой и доступный способ инициирования детонации. Цель данной работы состоит в выявлении возможностей штатного оборудования операторов мобильной связи для построения систем безопасности, снижающих вероятность применения мобильных телефонов в качестве радиовзрывателей.

Ключевые слова: терроризм, мобильный телефон, предотвращение террористических актов.

POSSIBLE PREVENTION OF THE USE OF MOBILE PHONES FOR TERRORIST PURPOSES

Yuriy Shkaplerov,

*First Deputy Head of the Mogilev Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the
Republic of Belarus, Candidate of Legal
Sciences, Associate Professor*

Alexey Panovitsin,

*Lecturer of the Chair of Tactical and Special
Training of the Academy of the Interior
Ministry of the Republic of Belarus*

The threat of terrorist acts is actual for most countries in the world. In recent decades, the terrorists often use mobile phones to activate the explosive device as the most simple and affordable way to initiate detonation. The purpose of this research is to identify the possibilities of standard equipment of mobile operators to build safety systems that reduce the possibility of the use of mobile phones as radio controlled fuses.

Key words: terrorism, mobile phone, prevention of terrorist acts.

ОБРАЗ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ АРХЕТИПАХ ГОСУДАРСТВА

Абрамов О.А.

*заместитель начальника кафедры
конституционного и административного
права Волгоградской академии МВД
России, кандидат юридических наук*

Мелихов А.И.

*доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук*

На протяжении большей части своей истории, российская государственность строилась на философской концепции государства как семьи. Многие отечественные философы и правоведы ратовали за «семейный склад отношений между верховной властью и народным сознанием» [1, с.34] с целью распространения модели семейного поведения на государственно-правовые отношения.

Впервые данную концепцию сформулировал Конфуций, утверждавший, что идеальное государство должно строиться по аналогии с хорошей семьей, в которой правитель, как отец, заботится о подданных, а подданные почитают его и любят друг друга, как братья. Архетип семьи, как правило, максимально понятен каждому человеку и используется им, как методология для уяснения своего места в иерархичных отношениях и построения собственных моделей поведения. Концепция государства как семьи породила и ввела в повседневный оборот такие священные для каждого россиянина слова, как «Отечество», «Родина», «патриот», литературные формы обращения к главе государства как, «царь-батюшка», «отец родной», «отец народов», бытовые обращения ко всем гражданам, как «брат», «сестра», «мать», «отец», что говорит о ее глубоком проникновении в народный менталитет.

Активные попытки изменения народной ментальности были предприняты в первые несколько десятилетий существования СССР, а затем после его распада, когда для исследования государственно-правовых явлений стала активно применяться экономическая методология. Если в 20-30 годы прошлого века в соответствии с учением К. Маркса утверждалось о неизбежности исчезновения государства и правоохранительных органов, как общественных

институтов при приходе к коммунизму, то в 90-е гг. в экономических кругах заговорили о «невидимой руке рынка» и необходимости сведения роли государства к роли «ночного сторожа», максимально ограничив его вмешательство в экономические отношения. Сотруднику правоохранительных органов в данной концепции отводилась роль работника, оказывающего государственную услугу, оплаченную налогами населения, а не лица, выполняющего моральный и служебный долг перед Отечеством. Превращение «старшего» члена семьи в наемного работника породило потребительское отношение обывателей к правоохранительным органам[2] и понижение статуса правоохранителей в социальной иерархии.

Необходимо отметить, что некоторые институты, действующие в органах внутренних дел, не способствуют созданию данного типа взаимоотношений. Например, введенная после 1991 г. возможность принятия на службу в органы внутренних дел для обучения в ведомственных вузах лиц от 16 лет, привела к выходу в 21-23 года на работу в органы внутренних дел сотрудников без жизненного опыта, но с большими властными полномочиями, что никак не соответствует образу сотрудника полиции как «отца» или хотя бы «старшего брата». Когда же сотрудник через 5-10 лет работы с людьми начинает соответствовать данному образу, то его переводят, как правило, на руководящие должности, на которых повседневное общение с гражданами существенно ограничено, и опытный сотрудник становится «отцом» или «старшим братом», в лучшем случае, для возглавляемого им коллектива. Также необходимо учитывать, что согласно современному законодательству о службе в органах внутренних дел у большинства сотрудников, начавших карьеру в правоохранительных органах в 16-17 лет с обучения в ведомственном вузе, к возрасту социальной зрелости 36-37 годам уже есть возможность уйти на пенсию по выслуге лет.

В настоящее время, для объяснения современных российских государственно-правовых явлений в интернете и иных средствах массовой информации, популяризируется концепция государства, как «стационарного (или «оседлого», в отличие от «гастролирующего») бандита», разработанная знаменитым американским экономистом Манкуром Олсоном[3]. Согласно неоинституциональной теории, государство выводится из модели так называемого «стационарного бандита» на примере Китая первой половины XX века. С 1899 года, когда началось восстание боксеров, до 1949 года, когда закончилось военное

противостояние между коммунистами и гоминьдановцами, страна жила в состоянии непрерывных гражданских войн. В течение десятилетий по Китаю бродили воинские части с генералами, но без правительств. Когда какой-нибудь полк захватывал город, обычно он грабил его дочиства, понимая, что никогда туда не вернется. Но вот некая воинская часть запирается конкурентами в городе, и солдаты понимают, что им там придется задержаться. Именно в этот момент начинается переход от модели бандита-гастролера к стационарному бандиту, который осознает, что грабить некоторую территорию ему нужно будет регулярно. А чтобы это можно было делать, нужно чтобы люди, которые занимаются хозяйственной деятельностью, имели некоторые гарантии. Попадая в ситуацию запертого уезда, те же самые грабительские полки вынуждены создавать государственность, чтобы изымать свою ренту, они вынуждены создавать общественные блага в виде правил, правопорядка, судов [4, с.50].

Сотрудник правоохранительных органов в данной системе отношений предстает уже не в качестве «отца», «старшего брата» или хотя бы «слуги», а в качестве своего убежденного антагониста – члена организованной преступной группы. Художественная форма данного отношения к государству и правоохранительным органам активно насаждается в интернет-среде в доступной и понятной для обывателя форме. Например, в ролике Студии 420 «О власти», набравшем более 4 млн. просмотров на интернет портале «youtube», о правоохранительных органах говорится как об «ОМОНе или другой организации, бьющей тех, кто не слушается правителя и охраняет его тушку буквально ото всех».

Из области нетипичного исторического примера и художественного вымысла, представленного в легко употребляемой мультипликационной форме, указанная модель отношений между обществом и государством подхватывается представителями различных социологических центров, утверждающих, что «в современной России работа полиции и других правоохранительных органов сопровождается таким количеством отрицательных побочных эффектов, что опасность для граждан, связанная с повседневной работой правоохранительной системы, сравнима по масштабам с опасностью, порождаемой преступностью, с которой эта система призвана бороться» [5], а также представителями средств массовой информации и киноиндустрии, создающих у обывателя прямую ассоциацию между российским государством и стационарным бандитом (см., например, телесериал «Ментовские войны»).

После создания такого общественного образа полиции, закономерно возникают дискуссии о необходимости передачи функций по обеспечению общественного порядка и безопасности людей специальным коммерческим охранным организациям и сокращения количества «дармоедов» в форме.

Согласно выводам, сделанными на основе социологических опросов, проведенных в Волгоградской области, неудовлетворенность населения работой сотрудников органов внутренних дел в 2013 году, была «...в определенной мере связана с тем, что реально функционирующие органы внутренних дел не соответствуют тому образу стража порядка, который создан воображением населения» [6]. Однако, в условиях агрессивного насаждения концепции «государство как бандит» в средствах массовой информации, причины неудовлетворенности населения работой правоохранительных органов могут перейти из количественной категории «несоответствия созданному положительному образу» в качественную категорию отрицания предлагаемого образа правоохранительных органов, как необходимого общественного института.

Насаждение экономической методологии в исследовании государственно-правовых явлений приводит к упрощению роли, свойственных человеческой природе общественных институтов государства. Отголоски антигуманного отношения к человеку отчетливо слышны и в нашей сегодняшней повседневной жизни. Люди стали постоянным объектом исследований в области экономики и кибернетики. Они находятся «под колпаком» маркетологов, банковских аналитиков, страховщиков, политтехнологов, пиарщиков и других специалистов, занимающихся социопрограммированием, как в сфере потребления, так и в области государственного управления. Обоснованная экономикой и кибернетикой целесообразность заменяет человечность, заставляя политиков рассуждать о «возрасте дожития», «лишения права голоса неимущих» и «социальном балласте». Полное упорядочение и оптимизация общественных отношений приводит к предсказуемости человеческого поведения и дает широкие возможности для манипуляции.

В настоящее время осознана острая необходимость формирования общественного образа взаимоотношений государства, общества и человека как семьи. Президент Российской Федерации В.В. Путин на недавнем выступлении в ходе «Прямой линии» заявил, что патриотизм - (любовь к своей Родине - любовь к своей «родне», *прим. автора*) является неотъемлемой сутью рос-

сийского народа. Что объединяет семью, как устойчивое во времени и пространстве объединение людей? Прежде всего, это взаимопонимание или, выражаясь языком современной психологии, эмпатия. Именно недостаток взаимопонимания приводит к кризису доверия в современной семье, обществе и государстве, а затем противопоставлению социальных институтов друг другу и создание новых пагубных для общества архетипов государства – «ночного сторожа» или «стационарного бандита».

Необходимо отметить, что кризис взаимопонимания наступил в силу ряда объективных причин, с которыми полиция зарубежных стран столкнулась еще в середине XX века. Сотрудниками Волгоградской академии МВД РФ по результатам зарубежных командировок и социологических исследований были выявлены причины снижения взаимопонимания общества и полиции. На их взгляд, «...к числу фундаментальных перемен, которые отражаются на нашей жизни и деятельности полицейских сил, относится растущая урбанизация; возросший темп жизни, ее мобильность. В аспекте полицейской деятельности это означает, что многие люди лишены «корней»: они могут жить в одном месте, работать в другом, а могут при желании путешествовать по всему свету. Раньше человека знали его окружающие на работе и дома, а он знал своих соседей. Теперь анонимность, являющаяся следствием проживания в больших городах, наряду с одиночеством приводят к совершению преступлений.

Почему этот фактор столь важен для полиции? Дело в том, что одним из основных элементов эффективной полицейской работы всегда было хорошее знание людей: кто они такие, что они из себя представляют, и что заставляет их нарушать закон. Это способствовало созданию атмосферы взаимопонимания между полицией и населением, однако такой атмосферы нелегко добиться, если члены местного сообщества или даже сотрудники полиции не находятся на одном месте достаточно долгое время для того, чтобы узнать друг друга. Высокий уровень ротации полицейского персонала неблагоприятно сказывается на взаимоотношениях между полицией и населением.

Растущие профессионализация и специализация полицейской работы, наметившиеся в течение последних десятилетий, привели к постепенному *дистанцированию* полиции от населения [7].

Однако профессионализация полицейской деятельности, на наш взгляд, не должна означать, что образ полицейского – такого же обычного человека,

смысл действий которого понятен окружающим, – уходит в прошлое. Напротив, в новых условиях работы полиции, взаимопонимание должно стать новой философией правоохранительной деятельности.

Как известно, свое учение об идеальном государстве Конфуций создавал в полемике с так называемыми «законниками» - социальной школой, представители которой считали, что залог благосостояния и могущества государства в хороших законах. Возражая «законникам», Конфуций говорил, что хорошие законы без добродетелей у членов общества не приведут к социальной гармонии, так как население будет уклоняться от их исполнения, в то время как высокий уровень нравственности гарантирует процветание государства без наличия строгих законов [8,с.34].

Логика законодателя, в отличие от логики отца, не всегда понятна обывателю, и нередко приводит его к мыслям о несправедливости и произволе в отношении него, а, следовательно, к последующему отторжению государственного устройства общества как блага для него. В этих условиях интересны исследования причин правового нигилизма населения. Если выразаться языком институциональных экономистов, то транзакционные издержки (затраты времени, денег, жизненных сил) на изучение отечественного законодательства настолько велики, что население отказывается от модели правового поведения как нецелесообразной, выбирая нормы морали, нравственности, «понятий», выработанных в различных человеческих сообществах, т.е. более простые корпоративные правила поведения. Как вывод из данного наблюдения следует, что принципу «незнание закона не освобождает от ответственности», должен соответствовать принцип ясности закона и возможности легкого доступа к нему. Иными словами, члены одной семьи должны говорить на понятном друг другу языке, а не на «птичьем языке» узкой юридической терминологии, для понимания которой требуется поголовное юридическое образование.

На наш взгляд позитивными площадками для нахождения взаимопонимания между полицией и обществом с целью последующего формирования объективного общественного мнения и деятельности полиции, могут стать следующие проекты, инициированные в Волгоградской академии МВД России:

1. Общественная юридическая клиника на базе вузов МВД России. На протяжении нескольких лет в Волгоградской академии МВД РФ функционировала внештатная юридическая клиника, в которой в вечерние часы профес-

сорско-преподавательский состав академии, совместно с курсантами, производят бесплатные юридические консультации, помогают составлять процессуальные документы, разъясняют логику действий сотрудников полиции и проводят анкетирование граждан по вопросам взаимодействия с правоохранительными органами[9,с.29-32]. Примечательно, что по результатам опросов, проводимых среди клиентов юридической клиники, подавляющая часть населения была удовлетворена деятельностью полиции.

2. Общественная полицейская академия - Идея общественной полицейской академии впервые появилась в Англии в 1977 г. Полиция Дэвона и Корнуэлла создала полицейскую вечернюю школу, основная цель которой заключалась в том, чтобы сформировать у сознательных граждан понимание характера и задач полицейской деятельности. В условиях учебной среды Волгоградской академии МВД России, мы адаптировали указанную идею к российским условиям, разработав программную документацию и опубликовали ряд научных статей.

В отечественной практике есть примеры и других успешных проектов по нахождению взаимопонимания между обществом и полицией [10].

Вышеперечисленные проекты позволяют по средствам доступной обывателю методологии познания в форме распространения архетипа семьи на государственно-правовые отношения, самостоятельно сформировать мнение об органах внутренних дел на основе объективной информации и непосредственного общения с сотрудниками ОВД.

ОБРАЗ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ АРХЕТИПАХ ГОСУДАРСТВА

Абрамов О.А.

*заместитель начальника кафедры
конституционного и административного
права Волгоградской академии МВД
России, кандидат юридических наук*

Мелихов А.И.

*доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук*

В статье рассматривается образ сотрудника полиции в разных архетипах государства, предлагаемых экономистами. Утверждается о пагубности при-

менения исключительно экономической методологии в исследовании результатов правоприменения. Обосновывается необходимость решения проблемы взаимопонимания между государством и обществом посредством формирования образа современного сотрудника полиции, как ответственного старшего члена семьи.

Ключевые слова: архетип, эмпатия, государство-бандит, государственно-ночной сторож, государство-семья, опросы общественного мнения, критерии оценки деятельности полиции.

THE IMAGE OF A POLICE OFFICER IN ECONOMIC ARCHITYPES OF THE STATE

Abramov O. A.

Deputy Chief of the Constitutional and Administrative Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Science (Law)

Melikhov A. I.

Associate Professor of the Constitutional and Administrative Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Science (Law)

The article examines the image of the police in different States archetypes proposed by economists. It proves the malignancy of the application of exclusively economic methodology in the study of the law. The necessity of formation of the image of the modern police officer as a responsible older member of the family as the most effective way of improving the relationship between the state and society.

Keywords: archetype, empathy, the state is a bandit state - night watchman, the state, the family, public opinion surveys, the evaluation criteria of police activity.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕДУРЫ ДОСМОТРА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КРУПНОМАСШТАБНЫХ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Никифоров Михаил Юрьевич
*доцент кафедры деятельности ОВД в
особых условиях Санкт-Петербургского
университета МВД России,
кандидат педагогических наук*

Горелов Станислав Александрович
*преподаватель кафедры деятельности
ОВД в особых условиях Санкт-
Петербургского университета МВД
России, кандидат психологических наук*

Массовые мероприятия, представляющие собой организованные действия значительных групп, протекающие в общественных местах, являются одной из важнейших форм общественной активности граждан. Количество проводимых в мире массовых мероприятий из года в год растет. В то же время при их проведении существенно возрастает угроза нарушения общественного порядка, а также совершения террористических актов и иных посягательств на общественную безопасность. Происшедшие за годы реформ серьезные изменения в социально-экономической сфере существенно повлияли на состояние общественных отношений, привели к обострению социальных конфликтов, нередко находящих свое выражение в форме противоправных массовых акций. Ежегодно регистрируется значительное количество публичных мероприятий, проводимых без какого-либо уведомления, с нарушением установленного порядка, отмечается рост политического и религиозного экстремизма[1, с. 21].

Система предупреждения преступлений на объектах с массовым пребыванием граждан, является комплексом государственных и общественных мер воздействия, направленных на выявление причин, условий и личности преступника, а также на граждан, склонных к совершению правонарушений, с целью недопущения совершения противоправных деяний перечисленных категорий на объектах с массовым пребыванием граждан.

Все элементы предупредительной деятельности (уровни, формы и виды) проявляются лишь в результате активной и целенаправленной деятельности субъектов профилактики, относящихся к общественной безопасности. [2, с. 1394].

Исходным для характеристики этих субъектов является понятие предупреждения преступности, как специфической целенаправленной деятельности государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и отдельных граждан, связанных по роду своей деятельности с осуществлением и организацией работы, перевозки, обслуживания и обеспечения населения во время организации и проведения массовых мероприятий, осуществляемой с целью недопущения совершения преступлений и террористических актов на объектах с массовым пребыванием граждан.

Формулируя понятие субъектов предупредительной деятельности, следует иметь в виду, что оно входит в общее понятие субъекта любого вида деятельности, как носителя субъективных прав и обязанностей, реализующего определенный круг задач по достижению конечной цели. На него распространяются нормы, регламентирующие данную деятельность, режим законности в его конкретном выражении. [3, с. 13].

Таким образом, субъектами предупреждения преступности в местах с массовым пребыванием граждан следует считать совокупность государственных и общественных организаций и граждан, целенаправленно осуществляющих на различных уровнях и в различных масштабах руководство, планирование предупредительных мероприятий по предупреждению преступлений, управление этими мероприятиями и их непосредственную реализацию, имеющих в этой связи определенные права и обязанности и несущих ответственность за решение возложенных задач. При этом следует отметить, что деятельность по предупреждению преступности и преступлений на объектах с массовым пребыванием граждан отличается высокой степенью дифференциации по задачам, масштабу, полномочиям, формам и методам, степени специализации, а также по месту в ряду других систем, связанных с обслуживанием населения во время проведения массовых мероприятий. Одной из форм организации безопасности и предупреждению преступлений и террористических актов в местах массового пребывания граждан является организация досмотровых комплексов, проведение личного досмотра, организация и ведение оперативного профайлинга. [4, с. 64].

Личный досмотр граждан, находящихся при них вещей на территории сооружений, территории, где проводятся массовые мероприятия, производится в целях обеспечения безопасности участников массового мероприятия

и предотвращения незаконного проноса взрывчатых, отравляющих, легковоспламеняющихся, радиоактивных веществ, сильнодействующих ядов, оружия, боеприпасов и других запрещенных предметов и веществ.

Основными задачами при организации работы сотрудников полиции по досмотру граждан (транспортных средств) при проходе (проезде) на территорию, где организованы и проводятся массовые мероприятия, являются следующие:

- своевременное выявление, предупреждение и пресечение попыток несанкционированного проникновения на территорию проведения массовых мероприятий с запрещенными к проносу предметами;
- исключение контактов и передачу каких либо предметов, граждан, прошедших досмотр, с гражданами, которые ещё его не проходили;
- своевременное оперативное управление действиями сотрудников полиции на досмотровых комплексах, создаваемыми органами управления правоохранительных структур на контролируемом объекте;
- осуществление досмотра граждан в круглосуточном режиме в стационарных или временно организованных пунктах досмотра, расположенных в пределах организуемой контролируемой территории;
- состав досмотровой смены определяется в зависимости от оснащения и оборудования досмотровых пунктов и возможной пропускной способности;
- пункты досмотра могут быть постоянными, в случаях постоянного нахождения в местах их расположения граждан, транспортных средств, подлежащих досмотру, или временными, в случаях их создания на время проведения грузовых (перевозочных), а также других действий или мероприятий;
- выбор мест развёртывания дополнительных временных пунктов досмотра осуществляется с учётом особенностей объекта, организации движения транспортных средств и местности.

По нашему мнению каждые пункты досмотра должны быть оборудованы и укомплектованы:

- помещением (кабиной) для проведения сотрудниками полиции личного (контактного) досмотра граждан и находящихся при них вещей;
- техническими средствами (интроскопами, рамочными и ручными металлодетекторами, системами бесконтактного личного досмотра, приборами для обнаружения пожароопасных и взрывоопасных жидкостей, обнаружите-

лями паров взрывчатых веществ и т.д.), позволяющими выявлять предметы, запрещенные и ограниченно разрешенные к проносу (провозу) на контролируемую территорию;

- инструкциями (рекомендациями) изготовителя технических средств досмотра по их функциональному предназначению;

- в случае необходимости привлекаются сотрудники кинологических подразделений со служебными собаками;

- для выполнения возложенных на полицию обязанностей при досмотре граждан применяются технические средства - аудио, фото и видеофиксации.

Сотрудники правоохранительных органов в составе смены досмотрового пункта обязаны:

- не допускать на контролируемую территорию объекта граждан, отказавшихся от проведения досмотра (личного и вещей);

- обеспечивать проход на контролируемую территорию объекта категориям граждан, в отношении которых решением оперативного штаба по обеспечению безопасности данная мера безопасности не применяется;

- при получении информации о возникновении потенциальных угроз, в том числе угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность пунктов досмотра, информировать соответствующих должностных лиц силовых ведомств;

- при наличии данных о том, что граждане, подлежащие досмотру, имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные, ядовитые или радиоактивные вещества, обязаны осуществлять личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях с соблюдением мер личной безопасности.

Анализируя мировую действующую систему организации и проведения антитеррористических мероприятий по усилению общественной безопасности в местах массового скопления людей, можно сделать вывод, что она не в полной мере отвечает существующим угрозам безопасности, в первую очередь потому, что не носит системный, централизованный и долгосрочный характер. [5, с. 10].

Для обеспечения надежной защиты, а также обнаружения и нейтрализации террористических угроз, необходим комплексный подход к обеспечению безопасности потенциально опасных объектов, важными составляющими которой являются комплексное использование инженерно-технических систем безопасности, профессионально подготовленные сотрудники полиции, входящие в состав досмотровой смены, использование оперативного профайлинга. Мировой опыт показывает, что комплексное применение надежных технических средств охраны и оперативного профайлинга позволяет существенно снизить процент совершения террористических актов на объектах и в местах с массовым пребыванием граждан.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕДУРЫ ДОСМОТРА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КРУПНОМАСШТАБНЫХ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Никифоров Михаил Юрьевич

*доцент кафедры деятельности ОВД в
особых условиях Санкт-Петербургского
университета МВД России,
кандидат педагогических наук*

Горелов Станислав Александрович

*преподаватель кафедры деятельности
ОВД в особых условиях Санкт-
Петербургского университета МВД
России, кандидат психологических наук*

В статье рассматриваются административно-правовые вопросы обеспечения личной безопасности граждан, их конституционных прав и свобод во время проведения досмотровых мероприятий. Обосновываются вопросы об усилении роли государства, как гаранта безопасности личности и общества, создания совершенной для этого правовой базы и механизма ее применения. Рассматриваются основные задачи в области обеспечения безопасности при проведении крупномасштабных массовых мероприятий, во время угроз и нарушениях общественного порядка, а также совершения террористических актов и иных посягательств на общественную безопасность, с привлечением значительных сил и средств для обеспечения правопорядка.

Ключевые слова: административное право, государственное управление, досмотр, крупномасштабные массовые мероприятия.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECTS OF THE INSPECTION ACTIVITIES DURING LARGE-SCALE EVENTS

Mikhail U. Nikiforov

Assistant Professor of the Department of Internal Bodies' Activity in Special Conditions of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

Stanislav A. Gorelov

Lecturer of the Department of Internal Bodies' Activity in Special Conditions of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

The article considers administrative and legal matters ensuring personal safety of citizens of their constitutional rights and freedoms during the conduct of inspection activities. It settles the issues of strengthening the role of the state as a guarantor of the security of the individual and society, the creation of a perfect legal base and mechanism of its application. The article discusses the main tasks in the sphere of ensuring security when conducting large-scale events, while threats and breaches of public order and Commission of terrorist acts and other assaults on public safety, with the involvement of considerable forces and means to ensure law and order.

Keywords: administrative law, public administration, inspection mode, large-scale public events.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (НА ЕВРОПЕЙСКОМ ОПЫТЕ)

Тагиров Зуфар Ильдарович

адъюнкт Академии управления МВД России,
преподаватель Казанского юридического института МВД России,
майор полиции

Интегративные процессы межгосударственного сотрудничества становятся неотъемлемым элементом современной международной жизни. На сегодняшний день значительных успехов в межгосударственной интеграции достиг Европейский союз (далее – ЕС, Евросоюз).

В настоящее время ЕС обеспечивает интеграцию 28 стран практически во всех сферах общественной жизни. Изучение политико-правового опыта деятельности данного альянса особенно актуально в связи с тем, что в отдельных направлениях международного правоохранительного сотрудничества Европейский союз демонстрирует прямую интеграцию с правовыми и организационными механизмами борьбы с преступностью таких стран, как США, Канада и Австралия, формирующими собственный экономический союз. Прослеживаются признаки формирования данными странами совместно с Евросоюзом глобальной правоохранительной кооперации со значительным потенциалом сил и средств противодействия преступности. Изучение форм и методов международного правоохранительного сотрудничества европейских правоохранительных органов и организаций приобретает повышенную актуальность, особенно в связи с тем, что такая правоохранительная деятельность может выступать инструментом геополитической борьбы.

В европейско-азиатском регионе действует множество межгосударственных экономико-политических союзов и международных организаций, таких как СНГ, Союзное государство, Таможенный союз, Евразийский экономический союз, Единое экономическое пространство, Совет Европы, ОДКБ, ОБСЕ, БРИКС, АТЭС, Шанхайская организация сотрудничества, Совет государств Балтийского моря, Организация черноморского экономического сотрудни-

чества и другие. В рамках деятельности указанных союзов, межгосударственное правоохрнительное сотрудничество на сегодняшний день пока ещё не достигло того уровня интеграции правовых и организационных механизмов противодействия преступности, который достигнут между странами Европейского союза.

В Европейском союзе с 1997 года (принятие Амстердамского договора) началось формирование так называемой «третьей опоры» ЕС – сотрудничества полиций и судов в уголовно-правовой сфере. Международное правоохрнительное сотрудничество стран ЕС получило новый импульс после принятия в 2007 году Лиссабонского договора о реформе Евросоюза, который предусматривает делегирование части суверенной компетенции государства в области внутренних дел в «общеевропейское пространство свободы, безопасности и правопорядка».

С точки зрения криминогенной ситуации в Европе, по оценкам Европола, значительную угрозу для внутренней безопасности ЕС представляют крупномасштабные преступные и террористические сети. [1] В настоящее время полиция стран Европейского союза расширяет меры противодействия преступности на основе правоохрнительной кооперации и новых информационных коммуникаций.

Англоязычный термин «cooperation» переводится на русский язык как «сотрудничество» или «взаимодействие». В отечественном классическом понимании взаимодействие, согласованное по *целям*, месту и времени, совместная деятельность неподчиненных субъектов – это система действий, направленных, прежде всего, на решение определенных задач взаимодействующего субъекта, и не всегда – на достижение общего *результата*. Понимание полицейского взаимодействия как системы, [2, С.8] требует унификации неоднородных организационных подсистем и информационных моделей. Перед информационно и организационно неоднородными правоохрнительными системами стран Европейского союза задача унификации информационных моделей не стоит и ставиться не может. Европейская теория управления исходит из понимания, что автономная устойчивость отдельных элементов любых кибернетических систем слагает их общую устойчивость. Именно поэтому для коммуникации правоохрнительных органов стран Евросоюза актуально неунифицированное сотрудничество или кооперация.

Кооперация в западном понимании – это процесс сотрудничества для общей или взаимной выгоды. Коммуникация – это целенаправленная деятельность двух и более субъектов информационного обмена для передачи или получения значений через общую систему знаков и правил.

В основе генезиса форм и методов коммуникаций и коопераций между государственными правоохранительными органами стран Евросоюза лежит общая заинтересованность в борьбе с терроризмом и «серьезными» преступлениями (serious crimes).

В европейских странах преступность, в т.ч. террористическая, рассматривается с позиции деятельности разветвленных криминальных сетей. После парижских терактов 2015 года, Европа столкнулась с наивысшим уровнем террористической угрозы за последние 10 лет (после терактов в Мадриде 11 марта 2004 года, когда было совершено 10 взрывов, 193 человека погибли). Парижские нападения 13 ноября 2015 года и бельгийские теракты 22 марта 2016 года ставят новые проблемы для государств-членов ЕС. Угроза дальнейших терактов в Европе остается высокой. Поэтому у ЕС существует большая потребность в усилении антитеррористических мер. Исходя из понимания террористической угрозы, как результата сетевого взаимодействия людей, вынашивающих террористические цели, в области борьбы с терроризмом соответствующим образом выстраивается современная европейская модель межгосударственного правоохранительного сотрудничества – как модель сетевой правоохранительной деятельности. Зарождаясь как формат антитеррористического взаимодействия, такая модель имеет серьезные перспективы стать основой управления всей правоохранительной деятельности во всём Европейском союзе.

Под сетевой правоохранительной деятельностью нами понимаются совместные действия нескольких субъектов государственного управления в среде правоохранительной коммуникации, направленные на получение общего результата. В процессе сетевой правоохранительной деятельности создается, дополняется и используется общая для всех субъектов значимая информация, используются общие стандарты (правила) деятельности, совершаются общественно значимые действия. Участники сетевой правоохранительной деятельности объединены общими объектами информации, в отношении которых они совершают свои действия. Сетевая правоохранительная деятельность, по нашему мнению, невозможна без интеграции правовых и последую-

щей за ней интеграции организационных механизмов осуществления правоохранительной деятельности.

Правовые и организационные меры противодействия преступности, применяемые правоохранительными органами стран Европейского союза в рамках сетевой правоохранительной деятельности, реализуются посредством участия в кооперации правоохранительных органов стран ЕС с правоохранительными организациями Евросоюза. Такая правоохранительная кооперация базируется на разграничении правоохранительных компетенций между правоохранительными органами и организациями, а также на развитии информационно-правоохранительных коммуникаций. Наглядные примеры сетевых правоохранительных институтов Европейского союза – агентства Европол и Евроюст.

Сетевые информационно-правоохранительные коммуникации в Евросоюзе можно разделить на общие и специальные. К общим сетевым коммуникациям могут быть отнесены традиционные коммуникации Европола, такие как SIENA (Secure Information Exchange Network Application) – сетевое приложение по безопасному обмену информацией и EIS (Europol Information System) – информационная система Европола. Данные сети и системы организованы в электронных формах и к ним имеют доступы все правоохранительные органы всех стран ЕС.

Специальные информационно-правоохранительные коммуникации сетевой правоохранительной деятельности разнообразны. Рассмотрим некоторые из них.

1. Сотрудничество по исполнению европейского ордера на арест (European Arrest Warrant, EAW). При этом для экстрадиции не могут стать препятствиями политические мотивы. [3, с.66]

2. Деятельность совместных межгосударственных следственно-оперативных групп Европола, имеющих юрисдикцию в странах ЕС. [4, с.48] Кроме того, в Европоле по делам о терроризме создаются совместные целевые группы. В расследовании парижских терактов официально принимают участие правоохранительные органы США, [5] в рамках совместной деятельности в результате межгосударственного правоохранительного сотрудничества было сделано *800 разведывательных выводов* и более *1600 выводов о подозрительных финансовых операциях*. [6]

3. Механизм формирования и использования общих для всех государств

списков террористических организаций и физических лиц. [7] Сопоставление европейского и российского списков террористических организаций выявило очевидную проблему: в международном сообществе нет единого понимания террористической деятельности. В Европейском союзе список террористических лиц фактически является извлечением из другого известного персонального антитеррористического списка наиболее разыскиваемых террористов – «Most Wanted Terrorists», формируемого ФБР с 2001 года. [8, с.255]

4. Формирование общеевропейских поименных списков разыскиваемых физических лиц. Подобные списки применяются для розыска и пресечения въезда в ЕС нежелательных лиц. [9]

5. Сотрудничество в рамках совместного мониторинга, ареста (замораживания) и конфискации имущества и финансов, используемых в террористических целях. В сетевой коммуникации правоохранительным органам стран ЕС для этих целей значительное содействие оказывает организация Camden Asset Recovery Inter-agency Network (CARIN) – Международная межведомственная сеть возвращения активов. Между ЕС и США в 2010 году заключено соглашение (EU–US TFTP Agreement) в рамках американской программы отслеживания финансирования терроризма (Terrorist Finance Tracking Programme – TFTP).

6. Слежение за внутренними перемещениями физических лиц. На уровне Евросоюза сейчас ведется работа по созданию общеевропейского банка данных о пассажирских перевозках. Её название идентично аналогичной системе США - Passenger Name Records, PNR [10].

7. Финансовая разведка на основе интеграции с информационными базами данных Европола, ранее децентрализованной информационной сети под названием Fiu.Net. [11]

8. Сотрудничество под эгидой Европейского контртеррористического центра Европола (European Counter Terrorism Centre)[6], которое сосредоточено на задержании иностранных боевиков, обмене разведанными и экспертизы по финансированию терроризма (по программе TFTP и сети FIU.net), на противодействии онлайн-пропаганде терроризма и экстремизма, незаконной торговле оружием и на международном сотрудничестве.

При исследовании европейского опыта противодействия преступности, выявлена высокая степень правоохранительной интеграции ЕС с США в право-

вой и организационной сферах. Фактически можно говорить если не о единых, то очень сращенных межгосударственных и межконтинентальных (глобальных) организационно-правовых механизмах противодействия преступности.

Европейская сетевая модель организации правоохранительной деятельности в настоящее время рекомендована к развитию в рамках межгосударственного сотрудничества Европейского комитета по проблемам преступности Совета Европы, [12, с.6] такая модель положительно оценена учеными-правоведами в области международного правоохранительного сотрудничества. [13, с.9]

Основываясь на изучении европейского опыта деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности, можно предложить для обсуждения ряд авторских инициатив.

Считаем актуальным дальнейшее изучение сетевых форм организации правоохранительной деятельности, развивать опыт организации защищенного межведомственного электронного сетевого информационного обмена в среде правоохранительной коммуникации, организовывать межгосударственные межведомственные правоохранительные базы данных информации под эгидой «единого информационного центра».

В качестве варианта организации совместного сбора, обработки и использования значимой правоохранительной информации, предлагаем дискуссию о пересмотре архитектур национальных правоохранительных систем. Необходимо выделять в правоохранительных системах, отдельно от правоохранительных органов, правоохранительные организации, которые могут решить вопрос распределения сетевого доступа к общим правоохранительным базам данных информации.

Безусловно, зарубежный опыт в одной из сфер общественной жизни не может быть механически перенесен и адаптирован в иных социально-экономических реалиях. Но рассмотренные нами вопросы позволяют развить научную дискуссию о допустимости использования европейской модели сетевой правоохранительной деятельности при формировании правоохранительных структур, призванных в будущем обеспечивать оперативный информационный обмен между правоохранительными институтами в рамках евразийских интеграционных образований.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (НА ЕВРОПЕЙСКОМ ОПЫТЕ)

Тагиров Зуфар Ильдарович

адъюнкт Академии управления МВД России,

преподаватель Казанского юридического института МВД России,

майор полиции

В статье на основе европейского опыта правоохранительной деятельности делаются авторские предложения по возможным путям дальнейшего совершенствования евразийского правоохранительного сотрудничества.

Ключевые слова: правоохранительное сотрудничество, евразийская интеграция, Европейский союз, правоохранительные органы, сетевая правоохранительная деятельность.

FURTHER DEVELOPMENT OF THE EURASIAN LAW ENFORCEMENT COOPERATION (BASED ON THE EUROPEAN EXPERIENCE)

Tagirov Zufar Ildarovich

Postgraduate at the Management Academy of the

Ministry of the Interior of the Russian Federation,

Lecturer at the Kazan Law Institute

of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,

Police Major

On the basis of the European experience in law enforcement, the author suggests possible ways to further improve the enforcement of the Eurasian cooperation.

Keywords: law enforcement cooperation, the Eurasian integration, the European Union law enforcement agencies, law enforcement network.

ԳԵՐՄԱՆԱԿԱՆ ԼԵԶՈՒՆԵՐԻ ԵՎ ՂԱՐԱԲԱՂԻ ԲԱՐԲԱՌԻ ՀՆԴԵՎՐՈՊԱԿԱՆ ԸՆԴՀԱՆՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Հայրապետյան Անի

ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի

լեզուների ամբիոնի պետ,

ոստիկանության գնդապետ

Թեև աշխարհի լեզուները բազմաթիվ են, սակայն նրանք բաժանվում են որոշ խմբերի՝ դասակարգվելով հստակ սկզբունքներով: Ժամանակագրական տեսակետից առաջին դասակարգումը, որ կոչվում է լեզուների աշխարհագրական դասակարգում, հիմնված էր լեզուների տարածական կապի վրա: Այս կարգի դասակարգումն առաջ քաշվեց 18-րդ դարում, երբ դեռ շատ լեզուներ բավականաչափ ուսումնասիրված և նույնիսկ գիտությանը հայտնի չէին: Լեզվաբանությունն ինքնին՝ որպես ինքնուրույն գիտություն, դեռևս ձևավորված չէր, ուստի դեռ հայտնի չէին այն հիմնական միջոցները, որոնցով կարելի էր գտնել առանձին լեզուների միջև եղած ներքին կապերը և դասակարգել լեզուները՝ ըստ այդ կապերի: Այդ պատճառով միակ հնարավոր դասակարգումը աշխարհագրականն էր, ըստ որի աշխարհի լեզուները բաժանվում էին հինգ խմբի՝ ըստ մայրցամաքների: Թերևս այսպիսի դասակարգումը լեզուների բնույթի որոշման ու նրանց ներքին կապերի բացահայտման տեսակետից գիտական արժեք ներկայացնել չէր կարող, քանի որ հիմնված էր բացառապես տարածական հատկանիշի վրա և անտեսում էր լեզուների միջև եղած ներքին կապերը, նրանց ընդհանրություններն ու տարբերությունները: Այսպես, օրինակ, Ասիայի կամ ասիական լեզուների խմբում միավորվում էին բազմաթիվ լեզուներ, որոնք ներկայացնում էին ամենատարբեր լեզվաընտանիքներ (հնդեվրոպական, թուրքական և այլն), իսկ այդպիսի միավորումը մթազնում էր հենց այդ լեզվաընտանիքների յուրահատկությունները (Ադայան 1952:550):

Աշխարհագրական դասակարգման այդ թերությունները հայտնի դարձան 19-րդ դարի սկզբին, երբ լեզվաբանական գիտությունը թևակոխեց զարգացման նոր փուլ: Ուսումնասիրելով և զուգադրելով տարբեր լեզուներ՝ լեզվաբաններն առաջին հերթին ճիշտ կերպով գիտակցեցին, որ աշխարհագրական դասակարգումը գիտական արժեք չունի լեզուների ներքին կապե-

րի բացահայտման համար: Մյուս կողմից, դիտարկելով լեզուն որպես կենդանի օրգանիզմ իր պատմական զարգացման կտրվածքով, նրանք գտան ձևայինների որոշ ընդհանրություններ այնպիսի լեզուներում, որոնք առաջին հայացքից իրար հետ ոչ մի կապ չունենին: Հենց այս ընդհանրությունների հայտնագործումն էլ հիմք հանդիսացավ պատմահամեմատական լեզվաբանության հիմնադրմանը: Եթե նախորդ շրջանում լեզուներն ուսումնասիրվում էին իրարից անկախ, որպես բոլորովին միմյանցից առանձնացած միավորներ, կամ միայն փոխառությամբ ստեղծված բառային ընդհանրություններն էին նկատի առնվում, ապա այժմ շեշտը դրվեց միաժամանակ և՛ բառային, և՛ քերականական ձևերի (մասնիկներ, ներքին թեքում) վրա: Առաջին հերթին մեծ թափ ստացավ հնդեվրոպական լեզուների համեմատական ուսումնասիրությունը: Համեմատելով հունարեն, լատիներեն, սանսկրիտ, ռուսերեն, գերմաներեն և մի շարք այլ լեզուներ, որոնք վաղուց ի վեր լեզվաբանական ուսումնասիրությունների առանցքն էին կազմում, լեզվաբանները գտան, որ այդ լեզուներում կան ընդհանուր ծագում ունեցող բազմաթիվ արմատներ և քերականական ձևեր: Օրինակ՝ հայերեն՝ *մայր*, ռուսերեն՝ *мать*, պարսկերեն՝ *mādar*, լատիներեն՝ *mater*, հունարեն՝ *meter*, գերմաներեն՝ *Mutter*, ֆրանսերեն՝ *mère*, անգլերեն՝ *mother* կամ հայերեն՝ *տասր*, ռուսերեն՝ *десять*, պարսկերեն՝ *dah*, լատիներեն՝ *decem*, հունարեն՝ *deca*, ֆրանսերեն՝ *dix* և այլն: Այս կարգի համեմատությունների շնորհիվ նրանց հաջողվեց գտնել այդ լեզուների միջև եղած հնչյունական որոշ համապատասխանություններ. օրինակ՝ համեմատելով տասը բառի հնչյունակազմը հիշյալ լեզուներում՝ համապատասխանություն գտնվեց հայերեն տ, ռուսերեն д, լատիներեն d, հունարեն d և ֆրանսերեն d հնչյունների միջև, որն էլ հավաստեց այդ լեզուների միջև եղած ընդհանրությունները՝ պատմականորեն ավանդված լեզվական փաստերի համեմատությամբ: Նույն այդ հնչյունական օրենքների շնորհիվ նրանք վերականգնեցին ընդհանուր այն հնչյունները, որոնք այս կամ այն փոփոխություններն են կրել այդ լեզուներում. օրինակ՝ նույն տասը բառի *u-*ի դիմաց ռուսերենում նույնպես ունենք *c* (*десять*), մինչդեռ հունարենում ու լատիներենում ունենք *g* (*deca*), որից և եզրակացրին, թե եղել է ընդհանուր հնդեվրոպական *g*, որին համապատասխանում է հայերենի ու ռուսերենի *u-*ն, իսկ հունարենի և լատիներենի *g-*ն: Այս հնչյունական փոփոխությունների օրինաչափությունների միջոցով էլ վերականգնվեցին այն նախաձևերը, որոնցից ստացվել են այդ լեզուների

տարբեր ձևերը: Օրինակ՝ մայր բառի նախաձևն է եղել *mater**, հայր բառի նախաձևը՝ *pater** և այլն:

Լեզուների միջև եղած այդ ընդհանրությունների հայտնագործումը նոր դարաշրջան բացեց լեզվաբանական ուսումնասիրությունների մեջ: Դրանով սկիզբ առավ պատմա-համեմատական մեթոդը, որի հիմնադրման պատիվը պատկանում է սլավոնական լեզուների համեմատական ուսումնասիրության հիմնադիր Ալեքսանդր Վոստոկովին, հնդեվրոպական լեզուների համեմատական ուսումնասիրության հիմնադիր Ռասմուս Կրիստան Ռասկին և գերմանական լեզուների պատմահամեմատական ուսումնասիրության հիմնադիր Յակով Գրիմին: Վեր հանելով լեզուների, առաջին հերթին հնդեվրոպական լեզուների միջև եղած ընդհանրությունները՝ նրանք ցույց տվեցին, որ այդ ընդհանրությունները ծագում են մեկ ընդհանուր աղբյուրից: Հիմնվելով այս դրույթի վրա՝ լեզվաբանները հիմնադրեցին լեզուների ցեղակցության տեսությունը: Ինչպես արդեն նշվեց, լեզուների ցեղակցությունը որոշվում է նրանց միջև եղած ընդհանրություններով: Բայցևայնպես, լեզուների միջև կարող են լինել երկու կարգի ընդհանրություններ՝ ծագումնաբանական ընդհանրություններ, որոնք առաջանում են միևնույն աղբյուրից՝ իբրև նրա ներքին զարգացման տարբեր ուղղությունների արդյունք, և լեզվաբանական փոխազդեցությունների հետևանքով առաջացած ընդհանրություններ: Օրինակ՝ վերոհիշյալ *шашур-десять-dah-decem-deca-dasan-Zehn-dix* ձևերը հանդիսանում են միևնույն նախաձևի (**dekm*) զարգացման տարբեր ընթացքը և հետևանքը համապատասխանաբար հայերենում, ռուսերենում, պարսկերենում, լատիներենում, հունարենում, սանսկրիտում և գերմաներենում: Հետևաբար դրանք ծագումնաբանական ընդհանրություններ են: Մինչդեռ, օրինակ, հայերեն *գավազան* և պարսկերեն *gāvazan* բառերը նույնպես ընդհանրություններ են ներկայացնում, սակայն ծագումնաբանական ընդհանրություններ չեն, քանի որ դրանք ոչ թե մեկ ընդհանուր բառի զարգացման տարբեր դրսևորումներն են, այլ պարսկերենում գոյություն ունեցող *gāvazan* (*gāv-կով+zan-հարկանեյ*) բառը հայերի կողմից փոխառելու հետևանք: Ըստ այդմ՝ կարելի է տալ լեզուների ցեղակցության վերաբերյալ հետևյալ հստակ սահմանումը. «Այն լեզուները, որոնք ունեն քերականական կառուցվածքի և հիմնական բառաֆոնդի այնպիսի ընդհանրություններ, որ հավաստիորեն վկայում են նրանց սկզբնական բարբառային մերձավորություն՝ միևնույն սկզբնական լեզվին պատկանելու, մեկ սկզբնական լեզվի բարբառներ լինելու մասին, կոչվում են

ցեղակից լեզուներ» (Ջահուկյան 1992:8):

Ընդունելով, որ լեզուների միջև եղած այն ընդհանրությունները, որոնք հետագայի փոխառություններ չեն և ծագում են մեկ ընդհանուր աղբյուրից, լեզվաբանները հանգեցին այն եզրակացությանը, որ ցեղակից լեզուները առաջացել են նախկինում գոյություն ունեցած մեկ լեզվից: Այդ ընդհանուր աղբյուրը հանդիսացող լեզուն նրանք կոչեցին «նախալեզու»: Ընկած լինելով ցեղակից լեզուների հիմքում՝ նախալեզուն ծառայել է որպես հիմք, որի պատմական զարգացմամբ, ժողովուրդների կազմավորման պրոցեսին գուզնթաց կազմավորվել են առանձին ժողովուրդների լեզուները: Ցեղակից լեզուները, ունենալով մեկ ընդհանուր աղբյուրից՝ նախալեզվից, ստացած հիմքը, զարգացրել, հարստացրել են այդ հիմքը՝ յուրաքանչյուրն իր ուրույն ընթացքով, իր ուրույն պատմական պայմաններում: Այդ ընդհանուրին նրանցից յուրաքանչյուրն ավելացրել է պատմական զարգացմամբ ստեղծված իր սեփականը, որն էլ կազմում է ցեղակից լեզուների միջև եղած տարբերությունների էությունը: Այսպիսով, ցեղակից լեզուները ինչ-որ նախալեզվի պարզ շարունակությունները չեն, այլ պատմական ընդհանրությունների հիմքի վրա զարգացած ուրույն որակներ: Այսպես, օրինակ, ժամանակակից հայերենի *կ* եղանակիչը (*կասեմ, կասեի և այլն*) ցեղակից լեզուների մեջ չկա: Այն ստեղծվել է լեզվի ներսում, բայց նույնքան հարազատ է հայերենին, որքան *եմ*՝ պակասավոր բայը, որ հնդեվրոպական ծագում ունի: Այսպիսով՝ ցեղակից են կոչվում մեկ ընդհանուր հիմքի վրա զարգացած լեզուները: Ցեղակից լեզուները միավորվում են մեկ լեզվաընտանիքի մեջ: Աշխարհի ամենամեծ լեզվաընտանիքներից մեկը հնդեվրոպականն է, որի առանձին լեզուներից մեկն է նաև հայերենը: Հնդեվրոպական լեզվաընտանիքը տարածված է Եվրոպայի մեծ մասում, ինչպես և Ասիայի, Աֆրիկայի, Ավստրալիայի և Օվկիանիայի զգալի մասում: Լինելով իսիստ բազմանդամ՝ այն ունի ճյուղավորումներ: Դրանք են՝ սլավոնական, կելտական, ռոմանական, գերմանական, բալթիական, հունական, հնդիրանական, թոխարական, ինդոարևելական կամ հին անատոլիական, փոյոզական, թրակյան, ալբանական, իլիրական, վենետական և հայերեն՝ որպես առանձին լեզու:

Անցյալ դարի առաջին կեսին, երբ դեռ նոր էր հիմնադրվել համեմատական լեզվաբանությունը, մի շարք արևելագետներ (Պետերման, Վինդիշման, Գոշե և այլն), ուսումնասիրելով հայերենը, ցույց տվեցին, որ այն ևս հնդեվրոպական լեզու է, բայց սխալ կերպով համարեցին հնդիրանական ճյուղի ի-

րանական ենթաճյուղին պատկանող մի բարբառ: Դրա հիման վրա Ֆրանց Բոպպն իր համեմատական քերականության երկրորդ հրատարակության մեջ հայերենը նույնպես մտցրեց հնդեվրոպական լեզուների ընտանիքի մեջ՝ որպես հնդիրանական ճյուղի մի բարբառ: Այդ սխալ տեսակետը ընդունվեց նաև ուրիշ լեզվաբանների կողմից (Մյուլլեր, Պոլ-դը-Լագարդ և ուրիշներ) մինչև 1875 թվականը, երբ լույս տեսավ Հայնրիխ Հյուբշմանի «Հայերենի դիրքը հնդեվրոպական լեզուների շարքում» աշխատությունը: Այդ աշխատության մեջ Հյուբշմանը, ճիշտ կերպով կիրառելով հնչյունափոխական օրենքները հայերենում, կարողացավ գատել հայերենի բնիկ հնդեվրոպական բառերը փոխառյալ բառերից և դրանով իսկ վեր հանեց այն առանձնահատկությունները, որ ունի հայերենը թե՛ իրանական և թե՛ հնդեվրոպական մյուս լեզուների համեմատությամբ: Դրա հիման վրա նա եկավ այն եզրակացության, որ հայերենը՝ իբրև հնդեվրոպական լեզու, ինքնուրույն ճյուղ է ներկայացնում և չի մտնում հնդիրանական ճյուղի մեջ (Oruga 1990:86):

Մերված լինելով հնդեվրոպական նախալեզվից՝ հայերենը պետք է ունենա բնիկ հնդեվրոպական բաղադրիչներ: Դրանք առաջին հերթին քերականական կառուցվածքի տարրերն են՝ բուն քերականական արժեք ունեցող մասնիկները, մասնավորապես վերջավորությունները, որոնք գրեթե փոխ չեն առնվում. օրինակ՝ հայերեն՝ ես, սեռականը՝ իմ, պակասավոր բայի ներկան՝ ես, ես, է, լատիներեն՝ *ego-meī, sum, es, est*: Երկրորդ հերթին դրանք զանազան կարգի ածանցներն են, որոնք համեմատաբար քիչ են փոխառվում, օրինակ՝ *under-underground-անդրշիրիսյան*: Եվ երրորդ հերթին դրանք հիմնական բառաֆոնդի բառերն են, որոնք քիչ են փոփոխվում և մեծ մասամբ կայուն են (Ջահուկյան 1992:40), օրինակ՝ հայր բառը հնդեվրոպական նախալեզվի *pater** բառն է, որտեղ *p*-ն կամ հայերենում դարձել է *h*, ինչպես, օրինակ, հնդեվրոպական նախալեզվի *penk*-ը՝ հայերենում *հինգ* կամ սղվել է, օրինակ՝ սանսկրիտ-*pad*, հունարեն-*pous*, լատիներեն-*pes*, անգլերեն-*foot*, իսկ հայերեն գրաբարյան ձևում՝ *nun* (Chambers 1980:34): Հնդեվրոպական ուսումնասիրությունների արդյունքում հաջողվել է վերականգնել մոտ երկու հազար բառարմատ, որոնց մեկ երրորդ մասը պահպանված է հայերենում՝ մասնավորապես բարբառներում, որոնք լեզվի տարածքային տարբերակներն են (Chambers 1980:5): Ուսումնասիրությունները ցույց են տվել, որ բարբառներում՝ որպես բանավոր խոսք, պահպանվել են արմատներ, որոնք նույնիսկ գրաբարում չկան (Հովհաննիսյան 1977:1) և ավելի հին են

օր. *զգեստ* բառում պահպանվել է գրաբարյան *զ* ածանցը, մինչդեռ բարբառներում պահպանվել է ավելի հին *գեստ* տարբերակը: Ահա թե ինչու մենք ընտրել ենք դարաբաղյան բարբառը, որը հայերենի բարբառների շարքում ամենահիններից մեկն է, և, ինչպես ստորև բերված օրինակները կփաստեն, առավել շատ է պահպանել բուն հնդեվրոպական նախալեզվի բաղադրիչները, ուստի զուգադրել ենք հնդեվրոպական լեզվաընտանիքի գերմանական ճյուղին պատկանող անգլերենի հետ՝ վեր հանելու հայերենի բուն հնդեվրոպական բառարմատները:

Արցախյան բարբառը հայերենի ամենատարածված, ուսումնասիրված ու դեռ ուսումնասիրության ընդգրկուն դաշտ ունեցող բարբառներից է: Այն ունի հարուստ ու բազմադարյան պատմություն. հայերենի հնագույն բարբառներից է և հատկանշվում է հնչյունական, քերականական ու լեզվաոճական առանձնահատկություններով, ճոխ բառապաշարով, բառապաշարի հնագույն տարրերով, բառիմաստային ուշագրավ իրողություններով: Բարբառի բառապաշարի հարստությունը վկայում է պատմական խոր արմատներ ունենալու փաստը: Դեռևս 8-րդ դարի քերական Ստ. Սյունեցին, հայ բարբառները աշխարհագրորեն դասակարգելով, հայերենի 8 բարբառների շարքում առանձնացրել է նաև Արցախյանը. 13-րդ դարի բանաստեղծ, մանկավարժ ու քերական Հովհ. Երզնկացին Դիոնիսոս Թրակացու իր մեկնաբանություններում Ստ. Սյունեցու օրինակով դարձյալ 8 բարբառներ է տարբերակում, այդ թվում և Արցախի բարբառը՝ Կորճայք, Տայք, Խուլթ, Սպեր, Չորրորդ Հայք, Սյունիք, Արցախ, Արարատյան կամ Ոստանիկ: Աճառյանը Արցախյան բարբառը -ում ճյուղի բարբառների շարքն է դասում ու իր «Ղարաբաղի բարբառը» մենագրության մեջ ներկայացնում բարբառի առանձնահատկությունները: Հետագայում Ա. Ղարիբյանը Ղարաբաղի բարբառից առանձնացնում է Հադրութի և Շաղախի բարբառները ու դրանք դասում -ու ճյուղի բարբառների շարքը: Ղարիբյանը Արցախյան բարբառին անդրադարձել է նաև իր «Հայ բարբառների հնչյունական դասակարգումը» աշխատության մեջ և այն բնութագրել որպես երկաստիճան ձայնեղագուրկ բաղաձայնական համակարգ ունեցող բարբառ:

Արցախյան բարբառի ուսումնասիրության բնագավառում մեծ է Կ. Դավթյանի վաստակը: Նրա՝ «Լեռնային Ղարաբաղի բարբառային քարտեզը» մենագրությունն առ այսօր էլ Ղարաբաղի բարբառի մասին եղած ուսումնասիրություններից լավագույնն է. այն այսօր էլ Ղարաբաղի բարբառ-

ռի, վերջինիս խոսվածքների ուսումնասիրության համար լայն դաշտ ու հնարավորություններ է բացում: Արցախյան բարբառը եղել և մնում է հայերենի հնագույն ու ուսումնասիրության խոր շերտ ունեցող բարբառներից: Ղարաբաղյան բարբառում առկա են գրաբարում չավանդված, բայց բարբառում պահպանված հնդեվրոպական արմատներ:

key	բանալի	քիլիդել	փակել <i>տոռնը քիլիդել կյամ</i>
rush	դուրս գցվել, երևան գալ	դաշար	երևացող տեղ <i>մի դաշար տյուս եկ</i>
drag	քաշել, հրել	կլպնդրեգի տալ	գլխի վրա շուռ գալ <i>մի լյավ կլպնդրեգի ըմ տվալ</i>
ban	արգելել	բանդ անել	փակել էտ ճրի տեմը բանդ արա
plump	գեր	փինփինտտել	գիրանալ
tobacco	ծխախոտ	թամբաքի	ծխախոտ
rock	ժայռ	ռոք	ժայռ
because	որովհետև	կոզի	թեկուզ
crazy	խենթ, գլուխը կորցրած	կզնվել	զայրանալ
search	փնտրել	շրշուղ տալ	փնտրել
bad	վատ	բադա տալ, բարբադ անել	փչացնել, կործանել
ball	փուչիկ, գնդակ	կոմբալ	կլոր, փքված, շրջանաձև
big	մեծ	բիքնվել	փքվել շատ ուտելուց
bump	բախում, ծանր հարված	բամփել	հարվածել
char	վառել, այրել	չրրթան	կրակվառիչ
chat	զրուցել, խոսել	քաթ անել	պատմել
chop	ջարդել, փշուր-փշուր անել, փշուր, բեկոր	չոփուր ճեպրել-ճանկռել	ջրծաղիկ հիվանդությունից հետո դեմքին մնացած սպիեր
chum	մոտ ընկեր, ընկերանալ	չամռվել	կպչել մեկին, անընդհատ ընկերություն առաջարկել
cluster	բույլ, խումբ	լաստ	խոտի դեզ, քարերի կույտ, շերտ
coil	օղակ, պարույր	քուլուլ կենալ	զավարվել
coo	մեղմ, սիրալի ձայնով խոսել	կուլիկապ անել	համոզել սիրային հարցերում խոստումների, քնքուշ բառերի միջոցով
cook	պատրաստել	կոկել	տարբեր մթերքներ խառնել, կոկվել - զարդարվել
cruel	դաժան	կոռ	խիստ, կոպիտ, անդրդվելի

curl	թեքել, շեղել, ոլորել	կըրմկըր	գիզգագ, ոլորուն
cut	հատել, կտրել	ցակատ	կացին, այս բառի ստուգաբանությունն է «ցախ» և «cut» արմատները
dart	կտրուկ շարժում	դարթու տալ	ուժեղ հրել
ding	զրնգոց, զանգի հնչյուն, կրկնվող զնգոց	դնգոնգալ կլոխը դանգ անել	հնչել, անընդհատ կրկնել, գլուխը տանել
donkey	իշուկ	դոնգի	միամիտ, հիմար
door	դուռ	տոռնը	դուռ
girdle	գոտի, գոտկատեղ	գըղլ	կարճահասակ, մինչև գոտկատեղ հասակով
guide	ուղեցույց	գիդալ	իմանալ
hole	անցք, հոր	կհոլ	անցք հողի մեջ
hoop	կապել, միացնել, սեղմել	հոպ տալ	միացնել
horn	եղջյուր, պոզ	հարու տալ	պոզահարել
hour	ժամ	հովուր անել	սպասել, <i>մի հովուրան կիկյան</i>
kill	սպանել	քուլվել	կործանվել
lame	կաղել	լըմլամել	ծամծմել
languid	թույլ, դանդաղ	լանգու-լանգու ման կյալ	այս ու այն կողմ թեքվելով՝ ման գալ
lap	գրավել, տարածվել	կլափին տալ	անհագուրդ ցանկանալ ուտել
leg	ոտք	կաղլեգ	կաղող մարդ <i>կղլգի տալ-կաղել</i>
let	թույլ տալ	լեթված	բարձիթողի, անդաստիարակ մարդ
lop	թուլացած կախվել	լապր	թուլացած կախված մաշկ
loss	կորուստ, վնաս	լոսված	կորած
lull	լռել, հանգստանալ	լալկվել, լալեգ	համր
lurk	թաքնված սպասել	լրկվել	թաքնվել
ninny	հիմարիկ	նինիկուկու	անճար, ոչինչ չկարողացող մարդ
own	սեփական	օնիմ	ունեմ
pass	ուղի, անցնել	փասպար	տեղեկատվության տարածում
pate	գլուխ	ափաթը օնել	գլուխը տանել, զզվացնել, գյուղապետ, վարչապետ
petty	չնչին, աննշան, անկարևոր	պիծի	փոքր, գաճաճ
plots	դավադրություն	պլոթուն	վատ պահվածք, անախորժություն,

			<i>պլոթուն անել</i> - անախորժություն ստեղծել
spot	հետք, կետ, նշան	փոտ դնել	պիտակավորել մեկին, հեղինակության վրա ազդել
push	հրում	փուշփուշ	<i>փուշփուշ անել</i> -մարդուն հրահրել որևէ գործողության
rag	սկանդալ	խռեգ տալ	վռնդել, ուժով տեղահան անել
rise	բարձրանալ	տռոզ	փքված <i>տռոզ-տռոզ խոսել</i> - չափազանցնել
roar	ռոնոց, ռոնալ	օռնել, ըրոտել	որոտալ
rock	ժայռ	ռոք	մեծ քար, ժայռ
scan	ուսումնասիրել, աչքի անցկացնել	սկանալ	հասկանալ
serene	պարզ, անամպ, խաղաղ	սերուն	հանգիստ, լավ <i>սերուն պահել</i> -իրեն լավ պահել
shirt	վերնաշապիկ	շյոր-շիրթ	հագուստ
soothe	մեղմացնել, հանգստացնել ցավը	սուսավ անել	լռեցնել, հանգստացնել
tall	բարձրահասակ	կըզտըլ	ցածրահասակ
tears	արցունք	ցիրթեր	արցունք (կոպիտ հնչերանգով)
thumb	բութ մատ	հըմբարել	մատերով հաշվել
thump	ուժեղ հարված	տմբլա	թմբուկ
timber	կտրած փայտ	տմբրել	փայտանալ
tool	մշակելու գործիք	տուլաշ	անմշակ մարդ
tossy	հանդուգն, մեծամիտ	թոքի	հանդուգն, մոայլ մարդ
torrent	տեղատարափ անձրև	թոռ	անձրև
touch	շոշափել	թաթվել	փարվել, գրկել
towards	դեպի	թորնս քնում	դեպի ո՞ւր ես գնում
virile	առնական	վիրի	վայրի, ուժեղ
who who is coming	ո՞վ, ո՞վ է գալիս	հուվա՞ կյամ	ո՞վ է գալիս

Այս և բազմաթիվ այլ օրինակներ ցույց են տալիս հնդեվրոպական նախալեզվից ցեղակից լեզուներին անցած և լեզուների պատմական

զարգացման ընթացքում հնչյունական օրինաչափ փոփոխությունների ենթարկված բառարմատների ստուգաբանությունը: Միննույն բառարմատները ենթարկվել են ոչ միայն հնչյունափոխության՝ լեզվի ներքին հնչյունական օրենքներին համապատասխան, այլ նաև կրել են իմաստային լայնացումներ և նեղացումներ: Ավելին, սույն օրինակները ևս մեկ անգամ հավաստում են հայերենի սերտ կապը հնդեվրոպական լեզվաընտանիքի գերմանական ճյուղի լեզուների հետ:

ԳԵՐՄԱՆԱԿԱՆ ԼԵԶՈՒՆԵՐԻ ԵՎ ՂԱՐԱԲԱՂԻ ԲԱՐԲԱՌԻ ՀՆԴԵՎՐՈՊԱԿԱՆ ԸՆԴՀԱՆՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Հայրապետյան Անի

*ՀՀ ոստիկանության կրթահամալիրի
լեզուների ամբիոնի պետ,
ոստիկանության գնդապետ*

Հոդվածում ուսումնասիրված են հնդեվրոպական նախալեզվից ավանդված և դարաբաղյան բարբառում պահպանված բառարմատները: Համեմատական վերլուծության ենթարկելով գերմանական լեզուներից անգլերենում և դարաբաղյան բարբառում պահպանված այդ բառարմատները՝ լուսաբանվել են դրանց իմաստային լայնացումներն ու նեղացումները: Սույն հոդվածը կարող է հիմք հանդիսանալ լեզվաբանական հետազոտությունների համար:

Բանալի բառեր՝ լեզուների ցեղակցություն, ծագումնաբանական դասակարգում, քերականական կառուցվածք, հիմնական բառաֆոնդ, նախալեզու, լեզվական փոխազդեցություն:

ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ И КАРАБАХСКОМ ДИАЛЕКТЕ

Айрапетян Ани

Начальник кафедры языков

Образовательного комплекса полиции РА,

полковник полиции

Актуальность данной статьи заключается в раскрытии истинно индоевропейских компонентов армянского языка путем сравнительного анализа словесных и грамматических единиц английского языка и карабахского диалекта. Рассмотренные в статье несколько десятков слов и словосочетаний отчетливо показывают звукоизменения, смысловые расширения и сужения общих индоевропейских корней в карабахском диалекте. Данное исследование может послужить стимулом для дальнейших лингвистических изысканий.

Ключевые слова: родственность языков, генеалогическая классификация, грамматическое строение, основной лексический фонд, праязык, языковое взаимодействие.

THE INDO-EUROPEAN STEMS OF THE GERMANIC LANGUAGES AND THE NAGORNO- KARABAKH DIALECT

Hayrapetyan Ani

Police Educational Complex

Head of the Chair of Languages,

Police Colonel

The purpose of this article is twofold. Firstly, it sets out to examine the Proto-Indo-European stems that are preserved in the Nagorno-Karabakh dialect of Armenian through the historical dimension of language evolution. Accordingly, quantitative data was collected through the comparative analysis of the same stems in English to highlight the close relationship of Armenian to Germanic

languages. Secondly, the study is not only aimed at data reporting, but also at finding beneficial outcomes in the subject area and implementing them in further linguistic research.

Key words: genetic relationship of languages, etiological classification, grammar structure, basic lexis, proto-language, language interference.

Նյութերն ընդունվում են համապատասխան բուհերի ամբիոնների, գիտահետազոտական հիմնարկների բաժինների երաշխավորության, կամ մասնագետի կարծիքի առկայության դեպքում: Հոդվածները պետք է վերաբերվեն իրավագիտության ոլորտին, իսկ առանձին դեպքերում հանդիսանան գիտագործնական մեծ արժեք ներկայացնող ուսումնասիրություններ: Նյութին կից անհրաժեշտ է ներկայացնել հոդվածի վերնագիրը, համառոտագիրը՝ առնվազն 60 բառի սահմաններում, հեղինակի տվյալները և բանալի բառեր (առնվազն 5 բառ)՝ հայերեն, անգլերեն և ռուսերեն: Նյութերի ծավալը որոշելիս խնդրվում է հիմք ընդունել հետևյալ պահանջները՝ տեքստը տպագրվում է սովորական A4 չափի թղթի վրա՝ 1.5 տողաչափով, հիմնական տեքստի տառերի չափը՝ 12, տողատակերի տառերի չափը՝ 10, լուսանցքները՝ ձախից, վերնից, աջից և ներքևից՝ 2 սմ, Unicode տառատեսակով՝ «Arial Unicode», ռուսերեն և անգլերեն տեքստերը՝ Times New Roman տառատեսակով: Նորմատիվ ակտեր օգտագործելիս տեքստում պետք է նշել դրա տեսակը, ընդունման ժամանակահատվածը, անվանումը: Տեքստում կարելի է նշել ակտի տեսակը, ամսաթիվը և առանց չակերտների կրճատ անվանումը, որը կտա ճիշտ պատկերացում փաստաթղթի մասին:

Նյութի առաջին էջում՝ վերնագրից հետո, նշվում են տեղեկություններ հեղինակի մասին, որոնք կարտացոլվեն մեր պարբերականում՝ հեղինակի անուն և ազգանունը ամբողջությամբ, պաշտոնը և աշխատանքի վայրը, առկայության դեպքում՝ գիտական աստիճանը և կոչումը:

ՕՐԵՆՔԻ ՊԱՏՎԱՐ

Սրբագրիչներ՝ **Լ. Ոսկանյան,**
Վ. Սաֆարյան
Корректоры: **Л. Восканян**
К. Сафарян

Մտորագրված է տպագրության 16.06.2016թ.

Չափսը՝ 60x84 1/16, թուղթ օֆսեթ N 1:

Ծավալ՝ 8.5 տպ. մամուլ: Տպաքանակ՝ 250:

Տպագրված է «ԼԻՄՈՒՇ ՍՊԸ»-ի տպարանում:

ք.Երևան, Դ.Մալյան 45:

հեռ.՝ 010 62-22-20, E-mail: info@limush.am

ՆԱՏԻՎԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ

ԿԲԹԱՅԱՍՍԱԼԻՐ

edupolice.am

ISSN 1829-4847

16001 >

9 771829 484005